

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Ульяновский государственный университет»

На правах рукописи

Макаренко Анастасия Сергеевна

**КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНАЯ НАГРУЗКА
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ МАЛОГО ЖАНРА**

(на материале немецкого языка)

Специальность 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки)
(филологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор А. И. Фефилов

Ульяновск
2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. Логико-семантическая характеристика коммуникативного акта в немецкоязычных текстах.....	15
1.1. Понятие коммуникативной ситуации (события).....	15
1.2. Текст как речевой элемент коммуникативного акта (на примере рассказа Э. Штриттматтера «Gewitternacht» («Грозовая ночь»)).....	23
1.3. Интерпретация интенциональных и языковых конвенциональных особенностей.....	31
1.4. Перспективы исследования текста в когнитивной лингвистике (когнитологии).....	35
Выводы по первой главе.....	51
Глава 2. Типологическая структура художественного текста малого жанра.....	53
2.1. Когнитологический подход к рассказу Г. Канта «Eine Übertretung» («Переход границы»).....	53
2.2. Когнитологический подход к фрагментам романа К. Вольф «Der geteilte Himmel» («Расколотое небо»).....	90
2.3. «Вертикальная» структура текста.....	123
2.4. Разработка универсальной модели логико-семантических связей и алгоритма анализа и интерпретации немецкоязычных художественных текстов малого жанра.....	135
Выводы по второй главе.....	139
Глава 3. Морфотемный анализ художественных текстов малого жанра в рамках когнитологической концепции.....	142
3.1. Морфотемный анализ рассказа Э. Штриттматтера «Der Tausch» («Обмен»).....	142

3.2. Морфотемный анализ рассказа Э. Штриттматтера «Hoffnung» («Надежда»)	152
3.3. Морфотемный анализ текста малого жанра «Mittags» («В полдень») Э. Штриттматтера	161
3.4. Морфотемный анализ текста Э. Штриттматтера «Die Totenrose» («Роза для мёртвых»)	171
Выводы по третьей главе.....	183
Заключение	187
Список литературы	193
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Дефиниции когитологической терминологии	219
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Толкование когитологических понятий	225

ВВЕДЕНИЕ

В настоящем диссертационном исследовании была предпринята попытка обнаружить смыслы в художественных текстах малого жанра, которые не обозначены явно. Процесс чтения текста подразумевает выявление его смысла из сравнения и контраста сравниваемых величин в рамках речевого контекста. Именно неравенство способствует смыслопорождению. Отдельно взятый языковой знак не наделен смыслом, он лишь имеет номинативное значение, которое формируется в процессе повторяющихся семиотических актов. Коммуникативный смысл возникает в результате взаимосвязи текста с экстралингвистической, например, реально-онтологической и интенционально-коммуникативной деятельностью. Коммуникативный смысл входит в языковой знак как особое наложение, когда он приобретает статус речевой единицы [Фефилов, 2014:17]. В случае пересказа реципиентом чужими словами текста, который ему не принадлежит, будут отсутствовать ассоциативные элементы, содействующих пониманию когний и намерений автора, которые передаются посредством текста [Фефилов, 2014]. Смыслы, заложенные в текст, следует вычитывать с опорой на когнитивную базу.

Прочтение текста происходит с использованием линейной (контактная) или вертикальной (дистантная межпредложенческая, межсловная) модели. При линейном прочтении содержание текста раскрывается последовательно, где на каждое последующее предложение может или накладываться, или не накладываться коммуникативный смысл. При прочтении текста «по вертикали» принимаются во внимание дистантные логосемные (логико-семантические) связи между отдельными локутемами (речесловами) в предложениях, из которых состоит текст. При условно «вертикальном» прочтении текста представляется возможным раздробить его на блоки пропозиций, которые затем подразделяются на слова и фразы. Важные с точки зрения коммуникации компоненты текста, находящиеся на расстоянии, влияют на формирование ассоциативных связей, определяя тексту

(логико-семантическую структуру текста). Данная структура способствует пониманию смысла текста на глубинном уровне. В современной лингвистике существует необходимость комплексного и интегративного исследования концептуально-когниционной структуры текста. Чтение текста «по вертикали» предполагает выявление дистанционных связей, а не контактных для того, чтобы достичь полного понимания текста и для того, чтобы дать более совершенную семантическую и коммуникативно-прагматическую интерпретацию текста.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью применения когитологической концепции в исследовании художественных текстов, которая способствует описанию и объяснению процессов воплощения мысли в языке и репрезентации мысли с помощью языка. Такая необходимость объясняется тем, что в трудах отечественных и зарубежных лингвистов при раскрытии сущности текста детально не описана возможность применения в художественных текстах малого жанра основополагающих принципов модели морфотемного анализа. Морфотема – это операциональная единица анализа в рамках когитологического исследования. В рамках когитологического направления исследуются вопросы, связанные с языком и сознанием, речью и мышлением, значениями и понятиями, а также понятиями и смыслом. Язык рассматривается в качестве когитивного материала, речь – как когитивный материал, сознание – в качестве отражения объективной реальности, мышление – как знак субъективированной реальности, а смысл – как совыражение чего-то посредством мысли. Данные аспекты требуют глубокого исследования и анализа [Фефилов, 2006].

Объектом исследования является текстовая типология текстов. **Предметом исследования** выступают логико-семантическая структура и коммуникативно-прагматическое насыщение текстов малого жанра.

Материалом исследования послужили тексты малого жанра (рассказы, фрагменты романа) Э. Штриттматтера, Г. Канта, К. Вольф. Для построения типологической структуры методом сплошной выборки было отобрано для исследования более 200 текстов из сборника рассказов Э. Штриттматтера «Schulzenhofer Kramkalender» («Шульценгофский календарь всякой всячины»). Из

них выявлено 175 текстов со схожей структурой, из которых в качестве демонстративных примеров детально проанализировано 7 рассказов. Из романа К. Вольф «Der geteilte Himmel» («Расколотое небо») было выбрано и исследовано 12 фрагментов, из которых выявлялись коммуникемы и прагмемы, наиболее значимые с точки зрения смысловой нагрузки. Также в ходе исследования был представлен полный морфотемный анализ рассказа Г. Канта «Eine Übertretung» («Переход границы»).

Гипотеза исследования заключается в том, что текст – это не только семантико-структурные отношения слов в предложении, связанных горизонтально (на линейном уровне), но и условно «вертикально» по всему периметру текста.

Целью диссертационной работы является построение типологии художественных текстов малого жанра, выявление их «вертикальной» логико-семантической структуры с учетом коммуникативно-прагматической нагрузки художественных текстов малого жанра.

Поставленная цель предполагает решение ряда конкретных **задач**:

1. Выявление типовых связей (соотношения логико-семантических категорий, как аналогов логико-мыслительных категорий) в тексте, чтобы понять, на какие штампы языкового сознания (отдельные лингвемы и их устойчивые сочетания, их выбор из потенциального набора) и стереотипы речевого мышления (актуальные связи лингвем, получающих статус локутем в речеконтекстуальных условиях) опирается автор, создавая художественный текст.

2. Анализ логосемы лингвемного состава текстов немецких писателей К. Вольф, Г. Канта, Э. Штриттматтера;

3. Разработка универсальной модели логико-семантических связей и формулировка алгоритма анализа и интерпретации немецкоязычных художественных текстов малого жанра;

4. Интерпретация текстов малого жанра и фрагментов текстов; выявление их морфотемной структуры и описание «вертикальной» логико-семантической организации;

5. Определение факторов формирования глубинных прагматических и коммуникативных параметров анализируемых текстов;

6. Разработка и обоснование типологии немецкоязычных художественных текстов малого жанра.

Методы исследования:

В данном исследовании был применен морфотемный анализ, позволяющий отойти от традиционных взглядов на лингвистику текста, в соответствии с которыми лингвисты сосредоточили свое внимание преимущественно на его композиционной, синтаксической организации и на механизмах восприятия текста реципиентом. Вкупе с морфотемным анализом был использован контент-анализ с целью выявления частоты упоминания в текстах определенных элементов, а также «вертикалей» (дистантных отношений слов) на поверхность, способов взаимосвязи конкретных слов. Филологический подход, который также был применен в работе, предполагает обращение в процессе исследования объекта как к языковой, так и к литературной стороне текста, и к многообразным проявлениям пишущего, автора, реципиента, интерпретатора, рассмотрение происходящего события в контексте времени и пространства. Метод интертекстуального анализа художественного текста предполагает рассмотрение его взаимосвязи с историей создания, изучение реализации внутренних и внешних связей текста на всех взаимосвязанных уровнях его структурно-семантической организации. Кроме того, в рамках метода интертекстуального анализа приводятся ассоциации и проводятся параллели с другими произведениями или историческими событиями, учитываются экстралингвистические факторы, которые позволяют рассмотреть художественное своеобразие текста, узнать, что автор имел в виду, учесть характеристику самого писателя, узнать историю создания произведения, совершить исторический экскурс в эпоху создания художественного текста.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют труды зарубежных и отечественных исследователей. При рассмотрении уровня научной разработанности, следует заметить, что в настоящее время проблема исследования организации текстемы художественных текстов малого жанра детально не изучена.

Однако можно выделить научные труды, посвященные данной проблеме. У Р.О. Якобсона заимствованы идеи об основных компонентах в лингвистической модели речевой коммуникации [Якобсон, 1975]; у Н.М. Вахтель и В.И. Юганова – о роли заголовка текста [Вахтель, 2005; Юганов, 1989]. В качестве теоретической основы была использована система признаков речевой ситуации, предложенная Д. Хаймсом [Hymes, 1972]. У И.А. Бодуэна де Куртенэ развиты идеи об отношении устной и письменной речи к разным видам речевой деятельности [Бодуэн де Куртенэ, 1963]. В работе учитывались выводы А. Макинтоша, который относит письменный язык к независимой самостоятельной системе [McIntosh, 1956]. В анализе художественных текстов малого жанра учитывались определения понятий «событие», «ситуация», разработанные Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 1976, 1979, 1988]. Интенциональная и реляциональная структура текста, представленная в исследованиях И.П. Сусова, была использована при описании намерений персонажей и в логосемном моделировании различных типов текста «по вертикали» [Сусов, 1973, 1979, 1984, 1990, 2007]. При интерпретации текстов малого принимались во внимание языковые конвенции и классы употреблений иллокутивных глаголов Дж. Сёрла, развивавшего предложенную Дж.Д. Остином теорию речевых актов [Сёрл, 1986, 1987, 2002, 2004; Остин, 1986]. В работе учитывалась также трактовка конструкций со значением угрозы Ю. Хабермаса и Э. Вендлера [Habermas, 1971; Вендлер, 1985].

В качестве теоретической основы были использованы труды Г.П. Грайса, Э. Кошмидера, О.С. Ахмановой, Н.Н. Журавлевой, А.Р. Арутюнова, посвященные проблемам авторской интенции [Грайс, 1985; Koschmieder, 1965; Ахманова, 1966; Журавлева, 2007; Арутюнов, 1996]. Теория метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона учитывалась при описании стилистических приемов, используемых автором при написании текстов [Лакофф, Джонсон, 1990]. В теоретическую основу исследования были положены идеи В.А. Звегинцева о междисциплинарном характере когитологии как совокупности наук, например: филологии (литературоведения), истории, социологии и др. [Звегинцев, 1996]. Также в качестве теоретической основы были использованы труды К. Бругмана о том, что

слово имеет свой ассоциативный фон и является усеченной синтагмой [1925]. При разработке способов постижения глубинных смыслов текста были использованы работы представителей Московской семантической школы Ю.Д. Апресяна [2005], А.А. Зализняк [2004], А.Е. Кибрика [1979], Н.Ю. Шведовой [2004], А.Д. Шмелева [2010], И.А. Мельчука [1999]. В работе получили свое развитие идеи А.И. Фефилова о применении морфотемного анализа для описания логосемной структуры текстов [Фефилов, 2012, 2016, 2018, 2020].

Проблема интерпретации и порождения текстов является одной из наиболее важных и актуальных проблем в современной лингвистике. Языковая коммуникация невозможна на уровне слова или словосочетания, любое общение протекает на уровне законченного высказывания, которое является определенным сообщением со своей логической структурой и содержащее определенные намерения [Фефилов, 2017] (интенции), заложенные автором высказывания. Любой текст представляет собой определенную языковую структуру, обладающую определенным смыслом, которая в процессе формирования прошла путь от отдельного слова или словосочетания до предложения и высказывания. Высказыванием является то предложение, которое включено в речевую ситуацию.

Научная новизна определяется тем, что впервые немецкоязычные художественные тексты малого жанра (малой формы) подвергались глубинному анализу, что позволило разработать и обосновать их текстемную организацию с целью последующего выявления способов коммуникативно-прагматического смыслопорождения на базе основополагающих принципов когитологической концепции (интегративности вербального и концептуального сознаний) и морфотемного (формантно-синтагмемного) анализа.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В текстемной организации художественных текстов малого жанра наблюдается более или менее стереотипная, однотипная последовательность рационально отобранных лингвем (языкослов), получающих в тексте статус локутем (речеслов). Межлокутемные связи имплицитуют или эксплицитуют соотношение логико-семантических категорий и их компонентов (логосем).

Семантическую основу локутемно-логосемного единства образует синтагма, которая является прообразом текстемы. Логосемы в составе синтагмемы типологизируются (ср. субстанциальность, локальность, реляциональность, квалитативность, квантитативность, темпоральность); функционализируются (ср. агентивность, пациентивность, объектность, фабрикативность, фактитивность и др.), позиционируются (ср. исходная, промежуточная, смежная и замыкающая позиция); и контенционализируются, т.е. наполняются конкретным содержанием. Синтагмемы находят на формантном уровне своё воплощение не только в виде отдельных локутем, но и в обличье более распространённых локутемных образований, а именно: атрибутивных словосочетаний (свёрнутой предикации), самостоятельных предложений (актуальной предикации). Логика настоящего исследования строится на организационном единообразии семантики всех уровней. Соответственно, под текстемой в широком толковании следует понимать объединение, вступающих в линейную и дистантную связь логосем, получающих формантную объективацию морфологического, синтаксического и сверхфразового порядка.

2. Семантизация и формантизация условно референтных событий и ситуаций в перспективе видения автора нацеливает исследование на выявление типов логико-мыслительных построений, объективированных в единицах языка (в его лингвемном составе) и на установление репрезентированных в речевом контексте в виде «линейных» контактных и «вертикальных» дистантных соотношений речевых единиц (локутем).
3. Коммуникативные смыслы в отличие от референтных (денотативных) параметров текста не обозначаются и не выражаются явно. Коммуникативные смыслы завуалированы, имплицированы. В своём прагматическом виде, они еще более скрыты – латентны. С целью проникновения в суть коммуникемных и прагмемных смыслов, которые входят в семантику (синтагмемные единства) текста как особое наслоение,

следует наделить реципиента способностями и знаниями вычитывать «истинные» смыслы – те, которые в свое время были «упечатаны» в текст по воле их создателя. Когитологическая интерпретация позволила вскрыть не только те смыслы, на которых акцентировал свое внимание автор, но и те новые смыслы (коммуникемы и прагмемы), которые порождают текст, уже независимый от автора, в соответствии с интеллектуальным и иным (политическим, экономическим) потенциалом современного общества, в котором «бытует» читатель.

4. В соответствии с когитологической концепцией, теоретической базой которой является интеграция вербального и концептуального сознания, тексты следует анализировать посредством их разложения на логико-семантические блоки (субстанциальный, реляциональный, темпоральный, локальный, качественный, количественный). Типология немецкоязычных художественных текстов малого жанра имеет аналогичную эпюру спиралевидной формы.

Теоретическая значимость заключается в том, что проведенное исследование может способствовать дальнейшему развитию и использованию когитологической концепции в изучении текстов других жанров.

Практическая ценность диссертационного исследования состоит в том, что полученные данные могут быть использованы при рассмотрении текстов не только малого жанра, но и других жанров, а также применяться в преподавании филологических дисциплин, связанных с интерпретацией художественных текстов.

Достоверность результатов исследования подкрепляется достаточным объёмом использованного фактического материала, отобранного в соответствии с чётко обозначенными критериями, и последовательным применением в ходе его анализа подробно описанной апробированной методики.

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования представлены в девяти публикациях, три из которых опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной

комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. Результаты исследования также апробированы в нескольких докладах на конференциях: «Актуальные проблемы теории языка и лингводидактики» (г. Ульяновск, 2022 г.); «Психология, педагогика, языкознание: новые векторы развития» (г. Ростов-на-Дону, 2022 г.); «Современные технологии обучения иностранным языкам» (г. Ульяновск, 2023 г.); «Человек – язык – компьютер. Исследователи будущего» (г. Москва, 2024 г.). Основные положения, результаты и выводы работы также обсуждались на заседаниях кафедры общего и германского языкознания (романо-германских языков) ФГБОУ ВО УлГУ.

Соответствие содержания диссертации паспорту научной специальности, по которой она рекомендована к защите: диссертационное исследование выполнено в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки):

- лексический строй языка или языковой семьи (слово как основная единица языка, лексическая семантика, типы лексических единиц и категорий, структура словарного запаса, функционирование лексических единиц, развитие и пополнение словарного состава, лексика и фразеология и их связи с внеязыковой действительностью);

- текст, дискурс, дискурсивные практики в языках народов зарубежных стран;

- исследование уровневой и культурно- (или национально-) обусловленной специфики в репрезентации знаний, в том числе, в разных языковых сообществах представителей конкретного языка или языковой семьи;

- филологический анализ памятников и текстов.

Структура диссертации определяется задачами и логикой построения исследования и включает введение, три главы, заключение, библиографию и два приложения. Общий объем работы (вместе с приложениями) составляет 226 страниц.

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы, определяются объект и предмет исследования, описываются теоретико-методологическая основа, эмпирическая база и методология исследования, раскрывается научная новизна, выявляется теоретическая значимость и практическая ценность работы, определяются основная цель и задачи исследования, излагаются положения, выносимые на защиту, описывается структура, приводятся данные об апробации результатов исследования.

В **первой главе** выделяются основные компоненты речевой коммуникации и их функции, рассматриваются функции заголовка текста, описываются главные признаки коммуникативной ситуации, рассматривается классификация речевых актов и их аспекты, в рамках когнитологической концепции раскрываются дефиниции основных терминов, описывается идея морфотемного анализа.

Во **второй главе** в русле когнитологического подхода рассматривается устройство глубинной логосемы текста, применяется морфотемный анализ относительно фрагментов романа К. Вольф «Der geteilte Himmel» («Расколотое небо») и рассказа Г. Канта «Eine Übertretung» («Переход границы»), на примере рассказов Э. Штриттматтера «Die Feder» («Перо») и «Mein Bett» («Моя кровать») строится вертикальная структура художественных текстов малого жанра, а также разрабатываются универсальная модель логико-семантических связей и алгоритм анализа и интерпретации немецкоязычных художественных текстов малого жанра.

В **третьей главе** проводится полный морфотемный анализ целостных рассказов немецкого писателя Э. Штриттматтера, относящихся к художественным текстам малого жанра.

В **заключении** подводятся теоретические и практические результаты и выводы диссертационного исследования и отмечаются перспективы их применения.

Библиография включает 226 работ отечественных и зарубежных исследователей по вопросам темы настоящего диссертационного исследования.

В **приложении 1** даны дефиниции основных когнитологических терминов.

В **приложении 2** содержатся расшифровки сокращений, используемых в тексте работы.

Глава 1. Логико-семантическая характеристика коммуникативного акта в немецкоязычных текстах

1.1. Понятие коммуникативной ситуации (события)

Понимание термина речевой ситуации имеет первостепенное значение для успешной коммуникации, поскольку рассматривается комплекс факторов, в рамках которых осуществляется коммуникация, а также устройство ее речевых и неречевых норм, которые необходимы для совершения речевого действия [Блинова, 2009]. Основы учения о речевой ситуации были заложены Платоном в диалоге «Федр», в котором представляется важным, кто говорит и откуда он. По мнению Платона, необходимо учитывать не только природные свойства своих слушателей, но и время, когда уместно говорить или молчать, также все виды речей [Платон, 1989]. Аристотель развил основы учения Платона и выделил в речи три элемента: оратор, предмет, о котором говорит оратор и лицо, к которому оратор обращается [Аристотель, 2019].

В лингвистической модели речевой коммуникации Р.О. Якобсон выделяет в качестве основных компонентов: адресанта, который отправляет сообщение; адресата, который получает сообщение; сообщение (информация для адресата); контекст (вербальный); код; контакт (канал физической или психологической связи между адресантом и адресатом). Каждому компоненту соответствует особая функция языка. Референтивная функция является главной задачей сообщений. Эмотивная функция сосредоточена на адресанте и имеет цель – выразить отношение говорящего к теме сообщения. Данная функция выражает наличие подлинных или притворных эмоций. Р.О. Якобсон отмечает, что междометия выражают эмотивный слой языка, а также они окрашивают высказывание на лексическом, звуковом и грамматическом уровнях.

В подтверждение того, что все эмотивные признаки подлежат лингвистическому анализу, Р.О. Якобсон проводит опыт К.С. Станиславского, который заключался в составлении и произнесении списка пятидесяти ситуаций,

соотносящихся с эллиптическим предложением. Аудитория по образу слов по звуку определила речевую ситуацию. Конативная функция нацелена на адресата и с грамматической стороны проявляется в виде повелительного наклонения. Существуют сообщения, целью которых является вовлечение собеседника или проверка того, что он вдумчиво слушает.

Данное сообщение ориентировано на контакт, фатическая функция осуществляется в форме диалога, служащего поддержанию коммуникации. Фатическую функцию языка первой осваивают дети, желание которых вступить в коммуникацию гораздо больше, чем способность передавать или принимать информацию [Якобсон, 1975].

Заголовок текста также выполняет определенные функции: номинативная (функция обозначения текста, название, выделение данного текста среди других текстов); информативная (функция выражения содержания текста); рекламная (функция привлечения внимания читателя к тексту); апеллятивная (установление контакта между автором текста и читателем); эмотивная (отражение отношения автора к сообщению) [Лапотько, 2004: 13]. В качестве прагматического аспекта, по мнению Н.М. Вахтель, заголовок является указателем на мысли в целом в тексте, выполняя, тем самым, номинативно-установочную функцию. В качестве способа привлечения внимания реципиента, заголовок выполняет функцию компрессии информации, которая также является функцией аттракции [Вахтель, 2005: 34]. В.И. Юганов отмечает, что заголовок имеет существенную независимость в силу того, что у него отсутствуют отношения и корреляции от других частей текста, а также от контекстных связей и взаимосвязей с другими частями текста. По его мнению, заголовок обладает некоторой отличительной спецификой, которую можно отнести к прагматической. Отдельная информация, которая содержится в заголовке, необходима для того, чтобы правильно понять содержание текста и его дальнейшее развитие. Кроме того, он является указателем на то, что представляет собой текст, а также привлекает внимание реципиента к содержанию, способствует формированию интереса к теме и задает направление для дальнейшего развития сюжета [Юганов, 1989: 188]. Стоит отметить, что заголовки интерпретирующих в

рамках настоящего диссертационного исследования текстов малого жанра выполняют все указанные В.И. Югановым функции. Например, название рассказа Г. Канта «Eine Übertretung» («Переход границы») позволяет читателю предположить, что действие будет происходить в период разделения Германии на ФРГ и ГДР.

В современной логике различают «объектный язык» (о внешнем мире) и «метаязык» (о языке). В случае, когда в качестве предмета речи выступает код, например, если реципиент или повествователь опираются на аналогичный код, речь служит в качестве передачи метаязыковой функции, то есть толкования. Например, слушающий задает вопрос: «Я вас не совсем понимаю, что вы имеете в виду?» и получает встречный вопрос со стороны говорящего: «Вы понимаете, что я имею в виду?». Р.О. Якобсон в работе «Лингвистика и поэтика» выделяет заключительную функцию, которую выполняет речевая коммуникация – поэтическую. Данная функция языка углубляет фундаментальную дихотомию между знаками и предметами и направлена на сообщение, как таковое. В этой связи приводится пример:

- Почему ты всегда говоришь Джоан и Марджори, а не Марджори и Джоан? Ты что, больше любишь Джоан?

- Вовсе нет, просто так звучит лучше [Якобсон, 1975].

Целесообразно заметить, что данные критерии анализа не совсем приемлемы для письменных текстов, так как данный подход характерен для диалогической речи, которая может встречаться в письменном тексте, но не всегда является главной в повествовании [Фефилов, 2006]. В случае, когда в письменном тексте встречается диалог, то он играет определенную коммуникативную роль, становясь смысловыми центрами повествования, чтобы выразить идею автора или выявить интенцию.

Д. Хаймс сформулировал основу свойств речевой ситуации. Под целью Д. Хаймс понимает то, что может являться результатом речи в данной ситуации. В своем подходе Д. Хаймс представляет идею описания и понимания речевой

ситуации путем анализа значимых признаков, определяющих речь. В элементах речевой ситуации выделяют следующие группы:

А – те, что в совокупности образуют сцену действия: 1) тип и жанр события; 2) тема события (предмет речи); 3) функция; 4) обстановка (место, время).

Б – признаки речевой ситуации, относящиеся к участникам: 1) социальные позиции участников; 2) социальные роли; 3) правила и нормы, регулирующие отношения участников (то, что является важным или неважным для речевого поведения) [Фефилов, 2017].

Язык функционирует как когнитивная система, так как служит обработке и хранению знаний в памяти [Сусов, 2007: 51]. Философ М.С. Каган понимал под термином «коммуникация» субъект-объектную связь, в которой субъект передает информацию, а объект получает, понимает, усваивает информацию. Таким образом, коммуникация однонаправленна [Каган, 1988]. Согласно И.П. Сусову, коммуникация предполагает использование для передачи информации вербальных и невербальных знаковых систем. И.П. Сусов понимает под коммуникацией знаковое общение. Процесс общения, в котором отсутствуют знаковые действия, кодирование смысла в сообщении, декодирование сообщения, не является коммуникацией [Сусов, 2009: 62]. Цель текста заключается в побуждении, воздействии [Сусов, 1990: 8].

Так как в письменных текстах отсутствуют говорящий и слушающий, то в этой связи следует рассмотреть некоторые аспекты изучения проблемы соотношения устной и письменной речи, решение которой взаимосвязано с лингвистическими научными концепциями. При генетическом подходе письменный язык рассматривается в качестве искусственного явления, отходящее на второй план. В период античности письменные тексты озвучивались. Ораторы читали вслух написанную речь.

И.А. Бодуэн де Куртенэ был одним из первых лингвистов, который по-новому рассмотрел проблему письма и языка. И.А. Бодуэн де Куртенэ относил устную и письменную речь к двум разным видам речевой деятельности. В основе этих видов речи находятся разные психофизиологические механизмы. Лингвист

предлагал свести язык и письмо на психическую почву [Бодуэн де Куртенэ, 1963]. По мнению лингвиста, язык в устной форме играет главную роль.

Т.Б. Трошева отмечает, что для устной речи характерны линейность, связь с физическим временем осуществления речи, неподготовленность [Трошева, 2003: 567]. В устной речи большую роль играют интонация и паралингвистические средства. Письменной речи свойственны связность и логичность.

Т.А. Сухомлина в статье «Понятие автор и его значение в тексте» (2014) отмечает то, что центром любого литературного произведения является человек как автор повествования, как объект эстетического художественного познания. Под понятием текст Т.А. Сухомлина понимает продукт речемыслительной деятельности, направленный на познание мира. Авторское сознание выделяет в тексте значимые события, свойства, качества посредством языковых средств. Автор, комбинируя их, создает индивидуальную модель мира действительности. Таким образом, в тексте находит выражение авторская интерпретация. Т.А. Сухомлина считает, что для понимания глубины произведения как основы формирования его художественного смысла важным представляется изучение семантического пространства текста с применением когнитивного подхода [Сухомлина, 2014].

По мнению М. Брандеса, слово «автор» при использовании в тексте может означать реального человека, персонажа и субъекта, который создает текст [Брандес, 1971: 54]. Как отмечает Т.А. Сухомлина, автор, с одной стороны, может являться реальной физической личностью, личностью писателя. Кроме того, автор в тексте может играть роль рассказчика. С другой стороны, автор может означать сферу текста, которой принадлежит рассказчик и выбирает для изложения события или истории. Автор является физическим лицом, а рассказчик представляет собой текстовую категорию [Сухомлина, 2014: 139].

Автор создает текст, то есть письменное произведение, которое не сводится к сообщению. Текст произведения – это совокупность вовлеченных участников ситуации (людей, предметов), относящиеся к месту неизменного или временного проживания; времени (исторического – эпоха, социальные предпочтения; и

времени синхронического, соотносившегося непосредственно с изложенным событием). На сегодняшний день не существует одной дефиниции термина события [Ирисханова, 1991: 46]. Первостепенное значение имеет для понимания предложений, слов и значений понятие события в качестве целостной структуры действительности. В отличие от поступков и действий события происходят спонтанно. Они не зависимы или не в полной мере зависимы от воли человека [Скоромолова, 2011: 490]. Н.Д. Арутюнова предлагает характеристику понятия события. Как она отмечает, событие относится к сфере жизни, при этом являясь ключевым моментом жизненного пути и характеризующееся динамикой и кульминативностью. Ему присущи планомерность, неопределенность и отсутствие четкой структуры. Событие представляет собой целостное явление, свободное от временных рамок, не обязательно существующее логически, являющееся уникальным и неповторимым [Арутюнова, 1988: 181]. На событие наслаиваются качественные и количественные параметры.

В качестве главных признаков коммуникативной ситуации выступают адресант и адресат — это языковые личности с суммарными характеристиками, непосредственной компетенцией знаний, установок, убеждений, оценок и предпочтений своих народов и культур. Поэтому адресант предсказывает адресату установленный подход, а адресат использует общие знания и общую когнитивную базу при ориентации на этот образ. Помимо этого, экспрессивная личность определяет актуальный слой [Соловьева, 2007].

По мнению И.П. Сусова, адресант является инициатором речевого акта. Успешность адресанта зависит от проявления адресата в нормах мастерства общения. Адресат является равноправным собеседником и отвечает за то, как развивается коммуникация. Основа общения, которая представлена противостоянием «адресант – адресат», устанавливает взаимосвязь реплик обоих в качестве мотивации и ответных действий. Начиная с реплики, адресант, тем самым, устанавливает направление для последующей коммуникации. Только после того, как реакция на реплику адресата стимулирует ответную реплику адресанта, ответ адресата окончательно развивается в точном направлении [Сусов, 1984: 5]. И.П.

Сусов считает, что намерение адресанта определяет средства изложения в тексте всех взаимосвязей между элементами речевого акта, описанными далее. В контексте устной речи, как правило, употребляется понятие «говорящий». В контексте письменных текстов малого жанра и фрагментов романа нужно представить определение «автор-писатель».

Таким образом, автор-писатель выбирает определенный аспект реальности в качестве основы для утверждения в текущем контексте. Адресат утверждения назначается автором-писателем, который также создает соответствующий текст, в котором он выражает свой интерес к событию, стремление и заинтересованность внести изменения в него или сохранить его, рассказывает о своем вовлечении в данную ситуацию, а также определяет место и время событий в отношении себя. Он также выносит собственное суждение о тексте, устанавливает связь между ним и охарактеризованной ситуацией. Автор-писатель подвергает анализу текст как средство влияния на читателя (аудиторию).

Следует отметить, что не применимы к анализу письменных текстов постулаты, где говорящий информирует о собственной позиции к собеседнику, выделяет себе и своему собеседнику значимость в обществе и, где говорящий выступает в качестве уведомителя своего собеседника в указанном случае, добивается вовлечения собеседника в преобразовании ситуации [Сусов, 1979: 106].

Информационный процесс предполагает наличие отправителя сообщения, сообщения и получателя данного сообщения. При этом определенный физический сигнал является носителем сообщения. В речевом взаимодействии говорящий является отправителем сообщения, а слушающий является получателем сообщения, относящегося к определенной теме и отображающее в сознании какую-то сцену [Сусов, 2006: 22]. Передача сообщений в общении характеризуется целенаправленностью с учетом адресата передаваемого сообщения [Сусов, 2006: 23]. Процесс осуществления коммуникации протекает в форме коммуникативных действий отправителя сообщения и его получателя. Данные коммуникативные действия протекают в условиях коммуникативно-прагматического пространства, или контекста, который образуют многие факторы в том числе время и место акта

общения, место данного акта в целостной последовательности коммуникативных актов, код, степень знания кода участниками процесса коммуникации; канал связи; обстановка акта общения [Сусов, 2006: 24].

Минимальные единицы языковой коммуникации представляют собой речевые акты, классификация которых опирается на заложенные в них интенции (коммуникативные намерения) говорящего (автора-писателя), так называемые иллокутивные функции (по Дж. Сёрлу):

- репрезентативы / констативы (описание ситуации, утверждение фактов);
- комиссивы (обещание говорящего);
- директивы (побуждение адресата к действию);
- экспрессивы (выражение говорящим благодарности, извинения, поздравления);
- декларативы (обладание или изменение социального статуса) [Сусов, 2006: 26].

Приведем некоторые примеры из сборника рассказов Э. Штриттматтера «Schulzenhofer Kramkalender» («Шульценгофский календарь всякой всячины»), рассказа Г. Канта «Eine Übertretung» («Переход границы») и фрагментов романа К. Вольф «Der geteilte Himmel» («Расколотое небо»), интерпретируемых в последующих главах исследования:

репрезентативы / констативы:

«*Mein Fenster stand offen*» («Мое окно было открыто») [Strittmatter, 1971: 62]; «*Kein Stern am Himmel*» («На небе ни звезды») [Strittmatter, 1971: 62]. «*Die Stute bebte*» («Кобыла вздрагивала»); «*Die Jäger schoßen*» («Охотники стреляли») [Strittmatter, 1971: 206]. «*Eine Taube plusterte sich*» («Голубь чистил свои перья») [Strittmatter, 1971: 209]. «*Ich habe den Paß der Frau vom Zoll gewiesen*» («Я предъявил паспорт таможеннице») [Kant, 1976: 82]. «*Das Wetter war klar*» («Погода была ясная») [Wolf, 1973: 65];

комиссивы:

«*...habe mich doch wieder eingelassen*» («...вновь и вновь поддаюсь на уговоры») [Kant, 1976: 137]. «*...ich nach Hause komme*» («...я приду домой») [Wolf, 1973: 23];

директивы:

Lass mich immer sicher sein (Всегда внушай мне уверенность) [Wolf, 1973].
«Weiterfahrt nur auf Handzeichen...!» («Движение вперед только по знаку...!») [Kant, 1976: 82].
«Kommen Sie, lesen Sie, reden Sie, erklären Sie, diskutieren Sie, signieren Sie, lassens sich anschauen, Herr!» («Приезжайте, выступите, почитайте, расскажите, побеседуйте, примите участие, не откажите в автографах») [Kant, 1976: 83];

декларативы:

«Abwerber! Menschenhändler! (Вербовщики! Торговцы живым товаром!») [Wolf, 1973: 123].

В случае смены в коммуникативном эпизоде коммуникативных ролей в случае выполнения слушающим роли говорящего, речь идет о диалоге, связность которого обеспечивается ответом на вопрос, согласием или отказом на приглашение, оправданием или возражением на упрек и другое [Сусов, 2006: 26].

Стоит заметить, что в текстах малого жанра присутствует большое количество репрезентативов / констативов, директивов, комиссивов. Экспрессивы и декларативы в рассказах Э. Штриттматтера не были обнаружены.

1.2. Текст как речевой элемент коммуникативного акта (на примере рассказа Э. Штриттматтера «Gewitternacht» («Грозовая ночь»))

В современной лингвистике текст является речевым элементом коммуникативного акта и коммуникативной ситуации. По мнению Н.В. Панченко, И.Ю. Качесовой, Л.М. Комиссаровой, А.А. Чувакина, Ю.Н. Земской, текст представляет собой продукт деятельности адресанта и объект деятельности адресата [Панченко; Качесова; Комиссарова; Чувакин; Земская, 2010]. В исследованиях, в которых рассматриваются коммуникативные параметры текста, также содержатся уточнения, затрагивающие формулировки «текст – форма коммуникации». Процесс порождения текста и его восприятия реципиентом приводит к предоставлению данных. Кроме того, к этому приводит проявление эмоций и реализация коммуникативных отношений. В информативных данных излагаются факты событий, происходящих в реальном времени, сознании человека

и языке. В тексты заложены многие функции, служащие в качестве передачи информации, установки контактов, эстетики. В настоящем исследовании особое значение придается текстам, выполняющим метаязыковую, коммуникативную и прагматическую функции. Это обусловлено тем, что письменный текст является результатом основной коммуникативной деятельности повествователя и адресата, в роли которого, выступает читатель [Кудашова, 2017].

Важнейшие коммуникативные цели являются социальными и подвергаются влиянию общественности [Каменская, 1990]. Н.Н. Кудашова отмечает, что в данных толкованиях порой не сосредоточено внимание на коммуникативные особенности и относительно художественных текстов акцентирует внимание на следующих моментах: «передаваемая информация; выражаемые чувства (автором, адресантом) и испытываемые чувства (читателем, адресатом); контакт между ними (отдаленный во времени); приоритет функций, выполняемых текстом (основными функциями являются эмотивная и эстетическая); описание реалий; знание языка (кода), как совокупности концептуальной и языковой картины мира, наличие каналов связи (то есть в художественной коммуникации книги)» [Кудашова, 2017]. Художественная коммуникация преломляется в художественном текстопостроении и оказывает влияние на художественный текст. В художественной коммуникации содержится восприятие смысла художественного произведения и его ценности. Текст художественного произведения рассматривается в качестве формы коммуникации в виде диалога между автором и реципиентом [Кудашова, 2017: 63]. Посредством восприятия художественного произведения происходит передача, приобретение, хранение реципиентом особой художественной информации, связанной со структурными особенностями художественного текста [Кудашова, 2017: 64].

Если рассматривать авторский текст (текст писателя) как особый элемент коммуникативного акта, в котором автор вступает в диалог с невидимым читателем (условно адресатом). Это позволяет выстроить цепочку письменного авторского текста: автор (его социальная принадлежность, пристрастия, намерения, целеустановки и т.п.) – текст (изображаемое событие, его логико-семантическая,

логосемная характеристика, или структура) – коммуникативно-прагматические наслонения – виртуальный реципиент (читатель, интерпретатор). Исследователь текста выступает в роли его интерпретатора.

Коммуникативный акт представляет собой сумму нескольких речевых актов, которые совпадают по структуре [Гуревич, 2007: 103].

В.В. Красных выделяет в коммуникативном акте несколько аспектов. Первым аспектом является экстралингвистический. Под понятием конситуация понимают объективно существующую собственно экстралингвистическую ситуацию общения, а также условия и участников общения (кто, что, где, когда). Второй аспект – семантический. Под понятием контекст следует понимать имплицитно или эксплицитно выраженные смыслы, которые реально существуют и являются частью ситуации. Эти смыслы находят отражение в дискурсе и представляют актуальность для данного коммуникативного акта. Следующий аспект, который выделяет В.В. Красных, – это когнитивный аспект. Под понятием пресуппозиция принято понимать зону пересечения индивидуальных когнитивных пространств коммуникантов в связи с их представлениями о конситуации. Четвертым аспектом является (собственно) лингвистический. Речь представляет собой продукт непосредственного речепроизводства, то, что продуцируют коммуниканты [Красных, 2001: 194-195]. И.П. Сусов понимает под понятием пресуппозиция суждения слушателя, формирующиеся в сознании с целью адекватного понимания высказывания с опорой на свой жизненный опыт, вербальный контекст и знание типичных ситуаций. В этой связи И.П. Сусов приводит примеры: высказывание «Ему удалось решить эту задачу» предполагает, что были приложены усилия; указание «Закрой окно!» имеет своей пресуппозиции «Окно открыто» [Сусов, 2007: 39].

В научной работе «Слово как действие» [1962], автором которой является Дж. Остин, представлена теория речевых актов. По мнению лингвиста, речевой акт выступает в роли части коммуникации и сопутствует проявлению обоснования, определения и др. Речевой акт осуществляется в зависимости от правил поведения [Остин, 1986]. Дж.Ф. Аллен, Р. Перро понимают под понятием речевой акт

намеренное действие, параметрами которого являются говорящий (участник ситуации), воспринимающий сказанное и смысловое положение. Реализация намеренного акта приводит и вовлекает за собой подготовку к выражению [Аллен, Перро, 1986].

В теории речевых актов исследуется акт произнесения оратором предложения в условиях прямого общения с одним индивидом или целой аудиторией. Всеобщим объектом изучения является диалог, который представляет собой передачу актов речи. В качестве субъекта (носителя) социальных и психологических свойств выступает некий индивид. К психологическим свойствам следует отнести такие характеристики, как стремление, интенция, точка зрения, владение информацией, чувственное положение. Общественные свойства предполагают признание положения индивида относительно аудитории. Разумеется, что статус субъекта в социуме занимает место в устном общении. В теории речевых актов представлена уникальный шаблон общения, содержащий в себе повествователя, реципиента, выражение, факторы, направление и конечный итог речевого акта. В данной теории Дж. Остин выделил три уровня: локуция, иллокуция и перлокуция. Под понятием локуция Дж. Остин понимал произнесение фразы, которая включает в себя издание звуков, использование слов, установление связи между словами согласно правилам грамматики, а также смысл. В связи с понятием иллокуция Дж. Остин приводит примеры иллокутивных актов: назначение, вопрос, ответ, предупреждение, критика, информирование, уверение. Под понятием перлокуция Дж. Остин понимал воздействие речи на мысли и чувства аудитории. Позже философом была предпринята попытка выявить различительные признаки иллокуции от локуции и перлокуции [Кобозева, 1986]. Рассуждения по этому вопросу П.Ф. Стросон свел к четырем основным положениям, из которых самыми важными являются положение о признаке целенаправленности иллокуции в противопоставлении локуции и признак конвенциональности в противопоставлении перлокуции [Стросон, 1986: 131-132]. В данных положениях отражается противоречие между целью говорящего (повествователя) и способами обеспечения распознавания цели говорящего

(повествователя) слушающим (реципиентом). В теории речевых актов это расхождение интерпретируется в виде противоречия взаимоисключающих факторов, в данном случае по отношению к речевому акту, интенционального и конвенционального.

Дж. Остин предпринял попытку систематизировать характер речевых действий и объяснить способы реализации речевых действий. В этой связи у Г. Хельбига, который предложил определять падежное значение имени существительного в зависимости от типа предиката, приводится пример: *Der Hund ist bissig* (Собака кусается (носитель свойства)), *Der Hund beißt das Kind* (Собака кусает ребенка (носитель действия)), *Der Hund bellt* (Собака лает (носитель процесса)) [Helbig, 1973: 184]. Однако данным высказыванием можно выразить предостережение (например, не подходить к собаке) или совет (например, не дразнить собаку), также рекомендацию (например, порекомендовать собаку тому, кому нужна злая сторожевая собака). Любое из этих действий (совет, предостережение, рекомендация) совершается в одной конкретной ситуации и представляет собой иллокутивный акт [Забавников, 1984: 119]. Перформативный глагол в первую очередь служит для выражения иллокуции, именующий коммуникативное действие (сообщать, требовать, советовать, спрашивать и другие), которое в определенном коммуникативно-прагматическом контексте является действием [Сусов, 2006: 158].

Предложение представляет собой минимальную коммуникативную единицу, то есть оно не может являться самостоятельным высказыванием и конституировать текст. Путем включения в коммуникативно-прагматический контекст, предложение выступает в качестве речевого акта. Коммуниканты (участники коммуникации) образуют коммуникативно-прагматический контекст высказывания. Один из участников коммуникации выступает продуцентом (автором) данного высказывания, отправителем сообщения. Другой участник коммуникации выступает в качестве персонального или группового адресата, получателя или реципиента послания [Сусов, 2006: 157]. В вербальном контакте коммуниканты выступают в роли говорящего и слушающего, находясь во

взаимодействии друг с другом. В письменной коммуникации коммуниканты выступают в роли пишущего и слушающего, они разделены во времени и пространстве. Систему важных для описания коммуникативного взаимодействия координат представляют пространственная, временная, персональная оси, а также ось социального статуса. В этой связи принято говорить о пространственном, темпоральном, личном и социальном дейксисе [Сусов, 2006: 157].

Обычно локацией для языкового взаимодействия между коммуникантами служит внешняя среда, ее составляющими являются явления, предметы и события. Во внешней среде обнаруживаются причины, которые побуждают коммуникантов взаимодействовать. Поведение одного из участников общения может быть обусловлено его желанием высказаться, которое воспринимается коммуникантом как неприятное, неудобное, требующее осуществления действия для изменения ситуации в лучшую сторону с помощью собеседника. Такой мотив служит основой при формировании коммуникативной интенции, где говорящий высказывается с определенной коммуникативной и посткоммуникативной целью. В случае использования говорящим (повествователь) предложения в качестве конструктивной единицы, средства, тогда языковое действие представляет собой локутивный акт (Дж. Остин) [Сусов, 2006]. Высказывание может опираться на пропозициональную структуру, в этой связи вслед за Дж. Р. Серлом следует говорить о пропозициональном акте, в котором различают акт предикации и референции. Высказывание интенционально и целенаправленно. При совершении речевого акта, говорящий закладывает информацию о своем коммуникативном намерении, в этой связи речь идет о иллокутивном акте (Дж.Л. Остин, Дж. Серл). Интенциональную структуру предложения можно представить в формуле I_p (I – иллокутивная составляющая, p – пропозициональное содержание). Характер иллокуций, которые выражаются языковые средства, обуславливает наличие иллокутивных актов и прагматических типов предложений, обеспечивающих конкретные социальные потребности коммуникантов. И.П. Сусов приводит пример: Лариса сдала экзамен (информирование). Сдала ли Лариса экзамен? (запрос информации). Пусть Лариса сдаст экзамен (выражение пожелания). Стоит

отметить, что во всех представленных высказываниях в одном и том же предикате содержатся одинаковые актаны [Сусов, 2006: 158].

На примере текста Э. Штриттматтера «Gewitternacht» («Грозовая ночь») представим иллюкутивные связи.

Gewitternacht

Mein Fenster stand offen. Nacht war's. Kein Stern am Himmel. Still war's. Die Stille vor einem Regen.

Ein Blitz zuckte hinter den Wäldern auf. Nach einer Weile grunzte der Donner. Ich dachte ans halbtrockne Heu auf den Wiesen.

Was hält uns ab, das Wetter zu regulieren?

Der Krieg, der zuvörderst besiegt werden muß [Strittmatter, 1971: 62].

Грозовая ночь

Мое окно было открыто. Была ночь. На небе ни звезды. Было тихо. Затишье перед дождем.

Молния сверкнула из-за леса. Через некоторое время загрохотал гром. Я подумал о полусухом сене на лугах.

Что мешает нам управлять погодой?

Война, в которой для начала нужно одержать победу [перевод А.С. Макаренко].

В данном тексте представлено несколько иллюкуций. Например, в предложениях «*Ein Blitz zuckte hinter den Wäldern auf. Nach einer Weile grunzte der Donner*» [Strittmatter, 1971: 62] («Молния сверкнула из-за леса. Через некоторое время загрохотал гром») представлено не только информирование о текущем событии, но и также предположение с вероятностью о том, что начнется дождь. В предложении «*Ich dachte ans halbtrockne Heu auf den Wiesen*» [Strittmatter, 1971: 62] («Я подумал о полусухом сене на лугах») выражается беспокойство за урожай, который может погибнуть в случае дождя. В следующем предложении «*Was hält uns ab, das Wetter zu regulieren?*» [Strittmatter, 1971: 62] («Что мешает нам управлять погодой?») представлен запрос информации, выраженный в пожелании появления чего-то, что позволит избежать гибель урожая. Лингвема «*der Krieg*»

(«война») дает ответ на запрос информации в предыдущем предложении. Из предложения «...*der zuvörderst besiegt werden muss*» [Strittmatter, 1971: 62] («...в которой для начала нужно одержать победу») становится очевидным, что итог войны еще не определен, победа в ней приведет к решению проблемы управления погодой, а вместе с тем и проблемы гибели урожая вследствие погодных явлений.

В теории речевых актов не учитывается диалогическое единство, которое является основным звеном в определении иллокутивной цели высказывания. В коммуникативном акте важным составляющим является не только иллокуция, но и интерлокуция. Под термином «интерлокуция» следует понимать иллокуцию с интегративной проекцией перлокутивного влияния на адресата со стороны адресанта, предугадывающего интегративную проекцию, определяющего потенциальное реагирование на высказывание. Наряду с этим, адресантом осуществляется отбор фраз, которые являются альтернативой и осуществляющие целеполагаемое воздействие на адресата. Для того, чтобы реализовать цель иллокуции, со стороны адресанта задействуются разноплановые лингвистические инструменты, применимые к различным говорящим и слушающим [Гуревич, 2007: 104]. Коммуникативный акт служит в качестве композиционного формирования в лингвистической и ментальной концепции. В это формирование вовлечен потенциал интерлокуции, в котором прагматический компонент предложен в качестве основополагающего для становления дискуссивной целостности. Фундаментом такого рода высказывания являются компоненты коммуникативного действия (установки, намерения и др.) [Гуревич, 2007: 105]. В коммуникативном акте важной представляется проблема правильной интерпретации высказывания [Гуревич, 2007: 106].

Как правило, в диалогическую речь письменного текста входят авторские замечания относительно мимики, жестов, интонации коммуникантов, которые способствуют верному вычитыванию глубинного смысла. Условием адекватной реакции на реплику адресанта является точное определение иллокутивной силы высказывания [Гуревич, 2007: 106]. В этой связи Н.Д. Арутюнова приводит

пример: «Я приеду завтра» и отмечает, что эта фраза может быть и обещанием, и угрозой, и сообщением [Большой энциклопедический словарь, 1998: 413].

1.3. Интерпретация интенциональных и языковых конвенциональных особенностей

Последователи Дж. Остина представили с целью употребления в терминологический словарь теории речевых актов понятие «интенция» (коммуникативное намерение). Данное понятие, по мнению лингвистов, выполняет функцию прояснения мысли касательно иллокуции. Г.П. Грайс придерживается мнения относительно роли объективного значения фразы, которая заключается в интенции адресанта добиться от адресата конкретного итога [Грайс, 1985]. Именно дефиниция термина «иллокуция» зависит от трактовки понятия «интенция» [Сёрл, 1986].

Дж. Сёрл относит практики-угрозы к комиссивным речевым актам на основе анализа связи коммуникативной интенции говорящего со значением высказывания и иллокутивным эффектом. Дж. Сёрл рассматривает угрозу как обязательство сделать что-либо в ущерб адресату сообщения [Сёрл, 1986: 162]. Эту точку зрения разделяет Д. Вундерлих, отмечая конкретное сходство высказывания со значением угрозы с обещаниями и объявлениями. Д. Вундерлих рассматривает угрозу в качестве взятия обязательства сделать что-то адресату [Wunderlich, 1976: 77]. Немецкий философ Ю. Хабермас [1971] и американский философ З. Вендлер [1985] трактуют конструкции со значением угрозы как каузативное значение, которое проявляется в побуждении собеседника к действию. Как проявление побуждения собеседника к заинтересованному говорящим действию, конструкции со значением угрозы рассматривает В.А. Маслова [Маслова, 2004: 78]. Отмечает, что угроза, которая реализовалась в диалогическом взаимодействии, является расположением говорящего и слушающего на континууме содержания коммуникативного конструкта угрозы. Этот конструкт является, по мнению О.В. Новоселовой, функционально-семантическим пространством угрозы и

эмоциональных состояний говорящего и Я-слушающего, проявляющихся в когнитивном, перформативном и обыденном поведении [Новоселова, 2013].

В существующих дефинициях понятия коммуникативного намерения интерес представляют его многообразные составляющие. Например, Г.П. Грайс акцентирует внимание на том факторе, что коммуникативное намерение передается посредством желания адресанта направить какую-то информацию, тем самым выразить сказанным субъективный смысл. Логик использует понятие языкового общества, в котором передается определенная информация. Таким образом, намерение говорящего (повествователя) и успех распознавания этого намерения слушающими (реципиентами) соотносится с главными, так называемыми, «согласениями» на предмет смысловой нагрузки высказываний. Ключевым фактором в достижении узнавания коммуникативного намерения адресанта выступает интеграция в языковое единство [Грайс, 1985]. Дж. Сёрлом были предложены дополнительные компоненты, воздействующие на потенциал коммуникативного намерения повествователя и, которые распознают интенцию реципиентом. При этом Дж. Сёрл отметил, что и повествователь, и реципиент при идентификации интенции, реализованной в речевом акте, ориентируются на изложенное ранее к моменту акта речи. О.С. Ахманова дает трактовку коммуникативному намерению как возможного, так и фактического смысла сообщения [Словарь лингвистических терминов, 1966].

Коммуникативное намерение в качестве того, что мыслится, сопоставляется Э. Кошмидером с тем, что обозначается. Посредством этого сопоставления происходит сравнение коммуникативного намерения с тем, что его определяет [Koschmieder, 1965]. По мнению Н.Н. Журавлевой, интенция – это коммуникативное намерение говорящего, сформировавшееся на основе потребностей и мотивов общения, и реализуется определенными языковыми средствами [Журавлева, 2007]. При детальном изучении коммуникативных интенций некоторые лингвисты стремятся к разработке их комплексного перечня, который будет соответствовать различным актуальным языкам [Арутюнов, 1993].

Проявление прочих намеренных положений сознания согласовано с коммуникативным намерением, содержащим комплекс событий значительнее проявления интенции. Дж. Сёрл как сторонник философской мысли, определял намерения в качестве мыслительного состояния, сопряженного с запросом сознания за своими пределами. При систематизации актов иллокуции, коммуникативное намерение способствует совмещению воли, надобности с прошением, распоряжением, подчинением. Реализация данных актов выполняет функцию сообщать о намерении повествователя [Сёрл, 2004].

Дж. Остин приводит примеры, которые затрагивают проблему различий намерений, выраженных однозначно или косвенным образом: «Я поздравляю вас – в устах человека, который испытывает вовсе не удовлетворение, а скорее даже досаду; Я соболезную вам – в устах человека, не испытывающего к вам никакого сочувствия; Я вам советую... – в устах человека, который не считает, что выполнение совета принесет наилучшие плоды» [Новое в зарубежной лингвистике, 1989]. Так называемые базисные интенции, осуществляющиеся в некоторых из речевых актов, образуют поля интенции. Проявление коммуникативного намерения происходит посредством языковых средств, совместимых полями интенции [Бондарко, 1994].

Позднее Дж. Сёрлом в научном исследовании был обстоятельно разъяснен акт иллокуции в качестве конвенционального действия. Дж. Сёрл считал иллокутивный акт подчиненным правилам действием. Он различал регулятивные и конститутивные правила. Согласно Дж. Сёрлу, термин «семантика языка» следует определять как набор конститутивных правил, которые регулируют акты иллокуции [Сёрл, 1986]. Это приводит к исчезновению различий между конвенциями локутивного и иллокутивного уровней речевого акта. Дж. Сёрл отвергает понятие локуции и заменяет его актами референции и предикации, а также вводит понятие суждения (пропозиции) вместо локутивного значения высказывания. Также философом была выдвинута идея, согласно которой, метод обоснования способа сообщения интенции в ходе коммуникативного акта от повествователя к адресату. Относительно основополагающих типов речевых актов

приводятся несколько аспектов коммуникативной ситуации (в форме подготовительных условий), которые естественным образом связаны с возможным и намерениями повествователя и оказывают содействие его выявлению. Правило, которое было выдвинуто Дж. Сёрлом, относится к предложению, в котором наблюдается определенный лингвистический признак интенции коммуникации, используемый фактически. Речевой акт не мог служить общим подходом для объяснения механизма речевого общения [Кобозева, 1986].

С целью систематизации характеристик иллокутивного акта Дж.Л. Остин выявляет ряд глаголов, которые служат для описания действий и оценки силы высказывания. С этой же целью Дж.Л. Остин разработал классы употреблений иллокутивных глаголов [Остин, 1986]:

1. вердиктивы;

Вердиктивы выделяются по признаку вынесения приговора, при этом вердикт может являться оценкой, мнением или одобрением. Стоит отметить, что в седьмой лекции Дж. Остин обращает внимание на ситуативность действия «считать». Если речь идет не об официальных лицах (например, судье), то высказывание является описанием состояния ума.

Примеры: *заявляю, считаю, определяю, датирую.*

2. экзерситивы;

Экзерситивы являются осуществлением власти, прав, влияния.

Примеры: *приказ, совет, голосование, предупреждение.*

3. комиссивы;

Комиссивы выражают обещания или обязательства к выполнению чего-либо. К этой группе также относятся заявления о намерениях, которые не являются обещаниями.

Примеры: *одобрять, возражать, занимать определенную позицию.*

4. бехабитивы;

Бехабитивы связаны с общественным поведением и взаимоотношениями людей.

Примеры: *похвала, ругань, извинение, соболезнование, поздравление.*

5. экспозитивы;

Экспозитивы указывают на место высказывания в ходе беседы или спора, также могут представлять высказывание в общем плане.

Примеры: *отвечаю, признаю, допускаю, доказываю, постулирую, иллюстрирую.*

По мнению Дж. Остина, перлокутивный акт может включить в себя последствия. В этой связи он приводит пример: «Посредством выполнения х я выполняю у», где закладывается мысль о последствиях, которые могут быть ненамеренными [Остин, 1986].

1.4. Перспективы исследования текста в когнитивной лингвистике (когнитологии)

Когнитивная лингвистика является наукой о языковом объекте как знании чего-то, например, знание о языке, его устройстве и организации [Кубрякова, 1994: 46]. В поле изучения когнитивной лингвистики входят сознание и мышление, между тем совместно с понятием когнитологии используется термин «когнитология». Под данным термином следует понимать новое интердисциплинарное направление. В работах по когнитивной лингвистике доминирует точка зрения под названием «речь для мышления». Ю.М. Шилков используя понятие когнитологии сознания, имеет в виду взаимосвязь психологии, психолингвистики, лингвистики, риторики, логики [Шилков, 2003]. У когнитивной лингвистики как направления отсутствует единая теоретическая база. В ней присутствуют и структурализм, и текстология, лингвистика текста. Когнитивная лингвистика должна изучать когниции, которые зафиксированы в языке в виде лексических значений и грамматических категорий (это когниции, которые в рамках когнитологии мы называем то, что объективировано в языке) или когниции, которые обозначаются с помощью языка (внешние когниции, то есть то, что обозначается с помощью языка). М.К. Мамардашвили вводит понятие «когнитология» как альтернативу термину «когнитология», отмечая, что

специалисты по когнитологии и когнитивной психологии стремятся имитировать различные аспекты мышления [Мамардашвили, 2005]. А.И. Фефилов определяет когнитологию как дисциплину, изучающую речемышление, исследующую нормы и особенности процесса перехода от языка к мысли, а также сочетания речи с мыслью, выявляющую закономерности в координации языкового и концептуального сознания [Фефилов, 2004: 149]. В рамках когнитологии существует интегративный подход, который предполагает, что язык оформляет мысль. Слово (лингвема или локутема) представляет собой вербализованную мысль.

Из-за того, что язык рассматривается как система знаков, структурные модели были построены на основе семиотики. Недостаток данного подхода связан с тем, что в его методологии происходит сочетание экстралингвистических факторов речи, а также интралингвистических языковых параметров. Существует возможность преодоления данного кризиса, рассмотрев речевую единицу как интегративную семантическую и понятийную единицу [Фефилов, 2006]. На стыке концептуального и языкового сознания происходит порождение когнитологической категории, которая выступает объектом анализа на уровне контекста. Она является результатом согласованности концепций и языка в динамичном взаимодействии. В.А. Звегинцев считал когнитологию одной из разновидностей междисциплинарной науки, которая охватывает множество наук [Звегинцев, 1996: 50].

Существуют различные аспекты когнитологии, которые были изучены в отечественной лингвистической традиции: «1. Языковое сознание не равно речевому мышлению; 2. Язык и мысль взаимодействуют как разные категории; 3. Тождество между языком и мыслью проявляется по содержанию; 4. Любая мысль может быть выражена с помощью языка; 5. Мысль «является» в речи; 6. Слово в языке и слово в речи – это не одно и то же; 7. Язык усваивается через мысль; 8. Мысль формируется первоначально независимо от форм языка; 9. Язык – «генератор мысли»; 10. Мысль выхолащивает языковое содержание; 11. Ложность следует искать в познании, а не в отношении вещей; 12. Язык соотносится с действительностью через сознание; 13. Знаком слова является его «внутренняя форма»; 14. Знание, заложенное в языке, и знание, находящееся вне языка, - это не

одно и то же; 15. Быстрота мышления с помощью языка становится возможной благодаря заместительной функции одного из признаков значения» [Фефилов, 2004: 160].

В рамках когитологического подхода применяется морфотемный анализ, связанный с формантной стороной языковых средств и синтагмой (линейной организацией логико-семантических признаков). Идея морфотемного анализа подразумевает исследование языковых единиц (языкослов и речеслов) в видении совокупности формально-семантической структуры, также известной как формантно-синтагменная структура. Принцип морфотемы был разработан для многокомпонентного и многоуровневого исследования лингвемного и локутемного состава, основывается на концепции интериоризации (объективации мыслительных понятий в историческом прошлом или настоящем) и экстериоризации (обозначения и выражения актуальных мыслительных понятий).

Исторический аспект не связан с диахроническим аспектом рассмотрения. Это фиксация факта, что какие-то понятия получили статус значений в языке и воплотились в акустемной оболочке. Экстериоризация – это «вынаруживание» мысли с помощью языка в речи (=лингвем). Обозначение – это акт наложения языка на мысль. Выражение – это результат от взаимодействия значения (синтагмемы) и обозначаемой мысли. Чаще это пересечение. Некоторые части значения и мысли не задействуются в коммуникативном акте.

Преобразование мысли в язык является сложным процессом объективации (обозначения) и репрезентации (выражения) концептуальных элементов и структур. Этот сложный процесс является многоступенчатым и включает в себя преобразование мысли в конкретные вербальные выражения языковой системы, например, лексические единицы, категория значения, грамматические конструкции и логосемы. На лингвистический материал наслаивается актуальная мысль, с которой взаимодействует процесс выражения. Доступные средства системы языка обозначают мысль. Идентификация ключевых единиц, таких как самостоятельные и комплексные логосемы, а также формы ретроспективного мышления, получивших самостоятельное «языковое» развитие, являются объектом

исследования процесса обозначения [Фефилов, 2010]. Например, логико-мыслительная категория субстанциальности, превратившись в логико-семантическую категорию, была переработана грамматикой языка в категорию грамматической предметности: «Что это?» – это *стул*. Но: «Что это?» – это *красота, бег, сон*. Соответственно категория акциональности развилась в категорию глагольности (= «грамматического действия») и т.д. Это пояснение тенденции лингвемизации мысли, то есть ее реализация в языке. Представление методов применения структуры и устройства языка с целью объективирования посредством речи мысли и идентификация динамики изменений локутемных формирований мысли, системной трансформации действующего механизма языка на стадии развития, не принимающем во внимание исторические изменения, являются целью репрезентационного элемента анализа [Фефилов; Шарафутдинова; Псарёва; Чуркин; Рохлина; Блинова; Цунанова; Гридина; Рохлин; Муртазина, 2008: 25].

Каждая особенность синтагмемы осуществляется посредством семантизации структурной, логико-категориальной, модификационной или функциональной, контенциональной мыслительных концепций [Фефилов, 1997: 52]. Под понятием «синтагмема» принято понимать линейную, синтагмообразную организацию глубинных семантических компонентов, представляющих собой условно вертикальное соотношение структурно-позиционных, логико-семантических, модификационных или функциональных, контенциональных признаков; языковой семантический аналог концептемы [Фефилов, 2010: 188].

1. Структурные позиции синтагмемы выявляют соотношения между свойствами, которые распространены преимущественно линейно или позиционной корреляции. В этой связи следует выделить четыре расположения: исходная (Исх.), промежуточная (Пром.), смежная (Смеж.), замыкающая (Зам.) [Фефилов, 1997: 52].

Следует представить некоторые примеры из текстов малого жанра Э. Штриттматтера, входящие в сборник рассказов «Schulzenhofer Kramkalender» («Шульценгофский календарь всякой всячины»): *Jäger (охотник)* – (1) «тот, кто»

(Исх.) – (2) «занимается» (Пром.) – (3) «охотой» (Зам.); *der Nachbar (сосед)* – (1) «тот, кто» (Исх.) – (2) «живет» (Пром.) – (3) «рядом с» (Смеж.) – (4) «кем-то» (Зам.).

2. Логико-семантические признаки служат наполнением структурных позиций. Такого типа признаки определяют причастность слов к какой-либо мыслительной категории, к которым относятся субстанциальность (предметность, материальность), локальность (внутреннее или внешнее пространство), реляциональность (активное или статическое отношение), темпоральность (время, длительность), квалитативность (качество, свойство), квантитативность (количество, множество) [Фефилов, 2010: 165].

Примеры из сборника рассказов Э. Штриттматтера, фрагментов романа К. Вольф «*Der geteilte Himmel*» («Расколотое небо»), Г. Канта «*Eine Übertretung*» («Переход границы»):

Субстанциальность: *Nachbar (сосед)*, *das Gras (трава)*, *die Pferde (лошади)*, *Sohn (сын)*, *der Professor (профессор)*, *die Braut (невеста)*;

Локальность: *im Wald (в лесу)*, *Gebiet (территория)*, *im Laub (в листве)*;

Реляциональность: *stehen (стоят)*, *essen (едим)*, *sah (увидел)*, *stopfte (запихал)*;

Темпоральность: *Herbst (осень)*, *wenn (когда)*, *Sommer (лето)*;

Квалитативность: *blau (голубые)*, *braun (коричневый)*, *Ungleichgültigkeit (неравнодушные)*, *Seele (душа)*, *engeren (узкому)*;

Квантитативность: *von den zwei (с двух)*, *der erste (первый)*, *Millimeter (миллиметр)*, *ersten (первым)*, *noch mehr (все больше)*, *ein paar (пара)*, *eine (одну)*.

Представим пример синтагмемы слова «*der Nachbar*» (сосед), компоненты которого реализовались в логико-семантических признаках, например, *der Reiter (всадник)* – (1) «тот, кто» (Суб Одуш) – (2) «скачет» (Рел) – (3) «на» (Лок) – (4) «лошади» (Суб Одуш).

3. Третья стадия объективации (обозначения) логико-семантических признаков представляет изменение или систематизацию, функционал. Модификационные или квалификационные признаки устанавливают микроструктурную организацию синтагмемных компонентов. Таким образом,

субстантность подразделяется на одушевленную (Одуш) и неодушевленную (Неодуш). Одушевленная субстантность дифференцируется по принадлежности к мужскому или женскому полу (Муж, Жен). Субстантность может подразделяться по абсолютным, имманентным параметрам на совокупную (Сов) и парную (Парн) [Фефилов, 1997: 53].

Примеры: *Wald (лес)* (Суб: Неодуш, Сов), *Hahn (петух)* (Суб: Одуш, Муж). *Der Nachbar (сосед)* – (1) агенс (активно действующий одушевленный предмет); (2) осуществляет продолжительное действие; (3) локатив; (4) агенс.

4. Контенциональные признаки занимают информативный уровень обозначения, на котором содержание заполняет структурированные, модификационные и функционализированные признаки [Фефилов, 1997: 54].

Примеры из сборника рассказов Э. Штриттматтера:

Reiterhut (шляпа для верховой езды) – это предмет, сделанный из какого-либо материала (шерсти, меха, кожи), состоящий из тульи и полей, предназначенный для езды на лошади;

Schreibtisch (письменный стол) – это предмет мебели, представленный в виде широкой горизонтальной доски на высоких опорах, ножках, сделанный из массива дерева разных пород (сосны, дуба, березы), предназначенный для письма;

Striegel (скребница) – это предмет, представленный в виде щетки, сделанный из какого-то материала (железа), состоит из нескольких рядов вертикальных зубчатых полосок, предназначенный для чистки лошадей.

Fenster (окно) – это отверстие в стене здания, состоит из проема, оконного блока, доски подоконника, слива и облицовки, предназначенное для поступления света в помещение.

На формантном этапе объективации синтагма акустемизируется. Результатом формантизации синтагмемы является образование двустороннего акустемно-синтагмемного единства, или языковой, номинативной единицы [Фефилов, 1997: 57]. Уровни формантной объективации:

1. Фонетический уровень (ФОН)

– мотивированная акустема

Примеры: *kräht* (кукарекает), *bellt* (лает), *pfiff* (засвистел).

– немотивированная акустема

Примеры: *schwamm* (плыл), *zitterte* (дрожала), *schreibt* (пишет).

2. Категориально-семантический уровень (КСП) (часть речи, род, число, падеж, склонение, время, наклонение, спряжение, лицо)

Представим примеры:

pfiff (засвистел) – глагол, начальная форма – *pfeifen* (засвистеть), совершенный вид, непереходный, невозвратный, изъявительное наклонение, прошедшее время, третье лицо, ед.ч.

gleitet (переходит) – глагол, начальная форма – *gleiten* (переходить), несовершенный вид, непереходный, невозвратный, изъявительное наклонение, настоящее время, третье лицо, ед.ч.

fliegt (летит) – глагол, начальная форма – *fliegen* (летать), несовершенный вид, непереходный, невозвратный, изъявительное наклонение, настоящее время, третье лицо, ед.ч.

golden (золотистые) – прилагательное, начальная форма – золотистый, качественное, полная форма, именительный падеж, мн.ч.

3. Номинационно-семантический уровень (НСП)

Пример: *Schreibtisch* (письменный стол) (корни слова, существительное, неодушевленное, ед.ч., муж. р).

4. Детерминативно-семантический уровень (ДСП) представляет собой дискретное имя и выступает в контактной или дистантной позиции к основной номинативной единице в виде определительной конститuenty, атрибута, обстоятельства или дополнения [Фефилов, 1997: 59].

Примеры:

Лингвемы «*geteilte Himmel*» (расколотое небо), «*die Totenrose*» (роза для мёртвых). Расколотое небо – это аналогия с разделенной Германией на ФРГ и ГДР, разделение на капитализм и социализм, разделенная любовь. Название рассказа «Роза для мёртвых» Э. Штриттматтера представляет собой аналогию с «мертвым» режимом – фашизмом, который пал в результате победы в войне.

Словосочетание *trug einen Totenstrauß* (несла букет на кладбище) так же обозначает метафору посредством дополнения.

Der Ostwind pfiff (восточный ветер засвистел) – метафора, ассоциировавшаяся с аналогией «социализма».

5. Словообразовательный семантический уровень (СЛП)

Значимость имеет словообразовательный элемент (префикс, суффикс), входящий в состав базового имени и детерминирующие его семантически.

Примеры:

Mütterchen, Mütterlein (матушка), *Fräulein* (девочка), где суффиксы – *chen*, – *lein* являются уменьшительно-ласкательными и обозначают лицо малого возраста или положительное отношение к лицу.

6. Ассоциативно-семантический уровень (АСП)

Синтагмемный компонент не имеет на номинативной «поверхности» специального форманта, а закрепляется за целостным наименованием имплицитно. Ассоциативно-семантические признаки соотносятся с номинативной оболочкой косвенным образом, посредством синтагмемных элементов, имеющих категориальное, мотивационное и детерминативное формантное обеспечение [Фефилов, 1997: 60].

Примеры:

существительное *Eisenhut* (каска) ассоциативно выражается в фабрикативности («стальная») и холотиве (цельный предмет) как синтагмемных компонентах; *Stempelmann* (должностное лицо) – тот, кто постоянно или временно в соответствии со специальными полномочиями осуществляет функции представителя власти. Ассоциация выражается в синтагмемных компонентах: акциональность («осуществляет»), темпоральность («постоянно» или «временно»); *Grenzmensch* (пограничник) – тот, кто проверяет законность пересечения границы по документам. Ассоциация находит выражение в компонентах синтагмемы: акциональность («проверяет»), локальность («границу»);

Tambour (барабанщик) имеет ассоциативную выраженность в следующих синтагмемных компонентах: акциональность («играет»), инструментальность («на барабане»).

Понятие ассоциативных отношений в языке было разработано Н.В. Крушевским в «Избранных работах по языкознанию». Первичное, этимологическое значение слова сформировано в отношении слова к обозначаемой вещи. В основе первичного значения лежит мыслительный образ вещи, тем самым происходит переход мыслительной категории в языковую категорию (языковое воплощение мысли) [Фефилов, 2020: 57].

На формантном этапе объективации мыслительного понятия языковая единица приобретает номинативный статус. Структура грамматической формы описывается в терминах фонем и морфем. К грамматическим уровням формантизации относятся:

1. Субстантивизация (облачение синтагмемы в словоформу существительного) [Фефилов, 1997: 74].

Приведем примеры из анализируемых текстов:

Nacht (ночь), *Herbst* (осень), *Jahr* (год), *April* (апрель), *Frühling* (весна) = «То, что является временным отрезком»;

Behutsame (учтливость), *Furcht* (ужас), *Ungleichgültigkeit* (неравнодушие) = «То, что является качеством какого-либо субъекта»;

Kofferchen (чемоданчик) = «То, что является предметом», где «частеречная предметность» семантизирована «логико-мыслительной предметностью», характеризующейся признаком «неодушевленность»;

Star (скворец) = «Тот, кто является птицей и относится к группе теплокровных яйцекладущих позвоночных животных», где «частеречная предметность» семантизирована «логико-мыслительной одушевленной предметностью», выдвигающейся на передний план в языковом сознании.

2. Адъективация (облачение компонентов синтагмемы в словоформу прилагательного) [Фефилов, 1997: 75].

Примеры:

ein kleiner Vogel (маленькая птичка) – птица небольшого размера;

Schwarm (стая) – множество, представляющее собой птиц;

braune Baumblätter (коричневые листья) – листья коричневого цвета, где выражение «качества предмета» (коричневого цвета) усиливается «грамматическим качеством»;

zweites (второе) – по счету номер два.

3. Вербализация (морфологизация синтагмемы в виде словоформы глагола) [Фефилов, 1997: 77].

Примеры:

sich plustern (чиститься) = «чистит перья», где «отношение как действие направлено на самого себя» мотивируется ассоциативно-семантическим признаком «меротивный объект».

4. Адвербиализация (оформление синтагмемы в виде наречия) [Фефилов, 1997: 78].

Примеры:

bеспричинно – наречие, определенное как «без причины» (предлог с существительным);

самолично обслуживал, где выражается субъект и объект; в формантизации задействован номинационно-семантический признак субстанциальности.

Перечисленные каналы являются каналами объективации, затем, когда что-то обозначается, то репрезентации. То, что объективировано, находится в языке, а то, что репрезентировано, снова используется для обозначения себе подобного или чего-то нового. Использование в когитологии специальной терминологии обусловлено необходимостью применения нового точного метаязыка, который позволит в будущем создавать программы обработки текстов на предмет их вертикальной структуризации, способов контенционального наполнения и коммуникативно-прагматического оснащения.

В основе морфотемы признаки локативности, утитивности, акциональности онтологизированы. В частности, синтагмему с атрибуцией *Hut* (шляпа) можно описать посредством семантического метаязыка: «предмет, предназначенный для

того, чтобы, надев его, защитить голову». В немецком языке приоритет получает обозначаемое посредством детерминанты действие, свойство акциональности «schreiben» («писать»).

Цель морфотемного анализа в контексте объективации заключается в описании процессов, при которых мыслительные концепции превращаются в языковые и речевые конструкции, то есть в разъяснении того, как мысль переходит в высказывание [Фефилов, 2010: 184].

Под понятием «метафора» следует понимать иносказание, которое тесно связано с процессом репрезентации. Если что-то объективировалось, то мы получаем по принципу $a=a$. В случае, если $a=b$, происходит отождествление a с b , то есть мы видим аналогию, отождествление происходит по аналогии, которое сводится к иносказанию метафорического типа. Когнитологический подход позволяет выявить языковое сознание и речевое мышление, являющиеся интегративными терминами. Таким образом, происходит интеграция языка и сознания, динамической мысли и речи. По причине, что инструмент и объект отделены, некоторые признаки приписываются объекту. В настоящем диссертационном исследовании метафора возникает на основе приписывания. Языковое сознание неразрывно связано с логико-семантическими категориями и является аналогом логико-мыслительных категорий, находящиеся в концептуальном сознании. Реципиент на примере дополнительных смыслов может применить к объекту полный синонимический ряд. Приведем пример из рассказа Г. Канта «Переход границы»: «вихрем ворвался». Литератор вихрем ворвался в помещение. С первого взгляда вычитывается негативный смысл, потому что он не дождался своей очереди, проявил такое качество как нетерпение. На данном примере показано, что язык выполняет инструментальную функцию, интегрируется с обозначаемым понятием и привносит определенное видение в этот предмет.

Теория метафоры в интерпретации Дж. Лакоффа и М. Джонсона представляет особый интерес в когнитивной лингвистике. В соответствии с данной теорией человек непосредственно воспринимает различные знания, которые

доступны ему в непосредственном опыте. Все то, что касается существования человека как физического существа во времени и пространстве. Есть такое понятие «воплощенность значения». Различные значения, связанные с чувствами человека, с его ориентацией в пространстве (верх / низ), мы понимаем непосредственно по той причине, что это вытекает из органов чувств. Более сложные абстрактные явления понимаются как некое расширение воплощенных знаний. Например, предложения «Он находился в тревоге» и «Книга лежит в столе», где мы употребляем предлог «в», обозначающий местонахождение где-то. Таким образом, говоря об абстрактном понятии «тревога», относящегося к сфере эмоций, мы представляем человека в виде объекта, находящегося в некоем контейнере, то есть человек находится в тревоге так же, как книга лежит в столе. Этот подход называется метафорическим, предполагающий изучение метафор как способа построения достаточно сложных языковых значений (по материалам выступления Андрея Кибрика о теории метафор, когнитивном обязательстве и автономной концепции языка на сайте <https://postnauka.org>, 2014). Метафора – это отображение одного семантического поля, поля-источника, в другое поле, поле-мишень, - и это отображение служит для концептуализации объектов и ситуаций из поля-мишени [Падучева, 2004: 201].

Идея метафоричности распространяется не только на мышление человека, но и на его деятельность. Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждали, что повседневная система понятий, которой человек придерживается в своих мыслях и действиях, обладает метафорическим характером. Метафора используется для осмысления новых областей понимания, близких к человеческому опыту. Они предлагали исследовать метафорическую систему понятий через призму естественного языка. Эта система понятий не всегда осознается людьми, так как большинство действий происходит автоматически, согласно определенным схемам. Конкретные схемы открываются посредством применения естественного языка [Лакофф, Джонсон, 1990: 387]. Язык выступает в виде ключа, целью которого является определение системы познавательной деятельности. Рассмотрение способов объективации и репрезентации концептуального мышления с точки зрения когнитологии

способствует извлечению исследования на основу последнего вне таких или иных содержательных целесообразных соприкосновений [Фефилов, 2012: 100]. В соответствии с позицией Дж. Лакоффа, категоризация образует связующее звено с когнитивными особенностями языка, представляя собой, тем самым проведение эмпирического объекта к конкретному разделу опыта [Фефилов, 2012: 101]. В соответствии с позицией Дж. Лакоффа относительно языковых категорий когнитивных способностей индивида, при их рассмотрении следует проанализировать классификации языка [Лакофф, 1988: 47]. Теоретическую, вербальную и когнитивную категоризации необходимо дифференцировать, чтобы установить направления согласованности между ними. А. Ричардс представил на рассмотрение предположение относительно согласованности концептов, придерживаясь мнения, что у реципиента, реализовывая в речевом акте метафоры, наблюдаются различные мысли об отличающихся предметах. При корреляции мыслей в рамках слова или фразы значение служит итогом. Восприятия и идеи совмещены в метафоре, транслирующей комбинацию комплексных квалификаций восприятия [Ричардс, 1990: 46].

В тексте содержится множество коммуникативных смыслов, начиная от аксиологической оценки «хорошо» или «плохо», заканчивая эмотивными наслоениями, которые связаны с чувственными состояниями, например, сопереживание и безразличие, удовольствие и раздражение. Интерпретация чужого текста чревата непониманием, недопониманием и даже перепониманием. В процессе интерпретации мы имеем дело с авторским текстом, пересказом и воспринятым текстом, где все коммуникативные участники выступают в роли интерпретаторов. Интерпретация – это не пересказ информации, которая заключена в исходном тексте, а создание нового, иносказательного текста, объясняющего неявные смыслы. В тексте сообщаются факты, и выводятся смыслы. Информация со-бытийна и лежит на поверхности. Смысл текста метафоричен, он завуалирован. Не текст является главной целью интерпретации, а постигаемая действительность, скрытая за текстом. Текст – это средство осознания внеязыкового содержания и намерений автора. Автор интерпретирует какое-то

пережитое им событие, или чужой текст, который он прочитал или услышал. Интерпретатор передает информацию «с чужих слов» «своими словами». Реципиент извлекает смысл интерпретируемого текста с опорой на свой личный опыт по обсуждаемой проблеме по той причине, что, как правило, незнаком с источником информации, или оригинальным текстом [Фефилов, 2016: 5-6].

Язык рассматривается И.А. Мельчуком как определенное соответствие между смыслами и текстами (как многозначное отображение смыслов на множество текстов); как некоторый механизм, реализующий это соответствие, т. е. выполняющий переход от смыслов к текстам и обратно. В рамках предлагаемой И.А. Мельчуком модели «Смысл $\leftrightarrow$ Текст» под понятием «текст» понимается некоторое специально вводимое дискретное представление, особый конструкт реальной речи. Это достаточно детализированная фонетическая транскрипция речи. Там, где это целесообразно может использоваться обычная орфографическая запись («письменный текст») [Мельчук, 1999: 10]. Смысл – это пучок соответствий между реальными равнозначными высказываниями, фиксируемый посредством специальной символики – семантической, или смысловой, записи [Жолковский – Мельчук, 1969: 7]. Смысл, извлеченный из текста, может содержать ложное или противоречивое утверждение или даже быть вообще бессмысленным [Мельчук, 1999: 21].

Короткие рассказы (тексты малого жанра) представляют собой совокупность формантизированной текстемы и коммуникативной (иногда – прагматически направленной) оболочки. Лингвемы в них обладают определенным логико-семантическим резервом, благодаря которому выстраиваются эксплицитные и имплицитные связи с контактными и дистантными уже локутемами в дискурсивном целом. В процессе текстемизации образуются различные объективирующие варианты, которые, закрепившись в литературной речи, могут существовать как в переносном, так и конкретном значении. Контенциональное же наполнение логосем, как прообразов мыслительных концептов, вторично. При этом возможен переход лингвем от конкретики к абстракции, называемый

деконтенсионализацией в рамках развиваемой нами когитологической концепции [Сибиряков, 2021].

Метафора-символ по своей сути представляет собой архитектурный параллелизм впечатлений и их сравнений. Следовательно, метафоры художественных текстов малого жанра могут выступать как в качестве отдельных метафор, так и в виде цельной метафоры всего произведения. Другими словами, метафоры художественных текстов малого жанра – это авторские лингвемы (трансформируются в речи в локутемы, репрезентируются), которые активируют объемные эмотивные готовые образы в сознании реципиента. Так, *Himmel* (небо) всегда является символом объединения: и страны, и двух влюбленных, даже находящихся на расстоянии друг от друга, то есть *небо* – это перенос из сферы-источников «Природа» в сферу-мишень «Страна» и «Человек» [Lakoff, Johnson, 1980]. «*Der geteilte Himmel*» («расколотое небо»), положенная в название романа К. Вольф, в свою очередь предстает перед нами метафорой-символом разлуки и обреченности, лингвемой, обладающей метафорической квалитативностью и метафорической внешней локальностью (КВАЛ_МЕТАФОР_ЛОК_МЕТАФОР). Метафоры из рассказа Э. Штрिटтматтера «роза для мёртвых» и «коричневая листва» являются примерами ботаникосемизмов (названия деревьев, растений и их составных частей) [Сибиряков, 2019: 102]. В обеих метафорах «роза для мёртвых» и «коричневая листва» реализуется перенос с концепта «Природа» на концепт «Война».

В настоящем диссертационном исследовании была предпринята попытка обнаружить смыслы в интерпретируемых текстах, которые не обозначены явно. Смысл возникает исключительно из различий, неравенства и отсутствия идентичности между сравниваемыми понятиями в контексте речи. Неравенство играет важную роль в формировании смысла. Самостоятельно языковой знак лишь указывает на объект, не несущий смысла, который формируется в процессе повторяющихся семиотических актов. Коммуникативный смысл возникает при взаимодействии текста с внелингвистической деятельностью, которая включает как реально-онтологические, так и интенционально-коммуникативные аспекты.

Смысл, находящийся на поверхности, входит в языковой знак в виде особого наслоения посредством приобретения им статуса речевой единицы [Фефилов, 2016: 24]. Индивиду, осуществляющему передачу не принадлежащего ему текста иными выражениями, часто не хватает ассоциаций для понимания передаваемых через текст знаний и намерений автора [Фефилов, 2016: 25]. Смыслы, заложенные в текст, следует вычитывать с опорой на когнитивную базу.

Выводы по первой главе

Принято различать понятия «речевая коммуникация» и «событие», отличительной особенностью которых является включенность события в интерпретирующий контекст, а также наложение на событие качественных и количественных параметров.

В рамках лингвистической модели речевой коммуникации лингвисты выделили следующие функции языка: референтивную, эмотивную, конативную, фатическую, поэтическую, метаязыковую.

Немаловажную роль при исследовании текста играет его название, также выполняющее определенные функции (номинативную, информативную, рекламную, апеллятивную, эмотивную, номинативно-установочную, аттракции). В настоящем диссертационном исследовании особое значение имеет номинативно-установочная функция, выделенная Н.В. Вахтель.

Текст представляет собой речевой элемент коммуникативного акта, целью которого является побуждение, воздействие на реципиента (читателя). Устные и письменные тексты как виды речевой деятельности различаются. Устной речи характерны линейность и неподготовленность, она выполняет функцию непосредственной реакции. Письменной речи характерна функция продолжительной реакции. В связи с тем, что в последующих главах интерпретируются письменные тексты, внимание акцентируется на вербальные и графические средства, передающие интонационные значения.

Письменные тексты связны и логичны, в них реализуются коммуникативные намерения в соответствии с теорией речевых актов. В интерпретируемых и рассмотренных текстах малого жанра обнаруживаются репрезентативы, комиссивы, директивы, экспрессивы.

В модели коммуникативной ситуации выделяются следующие уровни: локуция, иллокуция, перлокуция.

Согласно теории речевых актов, у каждого высказывания есть автор и адресат. Лингвисты выделяют в коммуникативном акте экстралингвистический,

семантический, когнитивный, лингвистический аспекты. Экстралингвистический аспект находит свое отражение в блоках логосем, описанных во второй главе.

Предметом лингвистического анализа является интенция.

К исследованию текстов применяется когитологический подход. В его основе лежит изучение специфических признаков, выражающих трансформацию языка в речь, переход речи в мысль.

Морфотемный анализ выполняет функцию инструмента симуляции лингвистических единиц в концепции комплексного изучения, входящего в область когитологии. Цель когитологического исследования – выявить закономерности взаимоотношения языкового и концептуального сознания, а также взаимодействия речи и мысли на уровне текстовой репрезентации.

Базовым понятием выступает «синтагмема», в которой выделяются структурные позиции, логико-семантические признаки, модификационные и квалификационные признаки, контенциональные признаки. Когитология представляет собой ответвление от когнитивной лингвистики, поскольку позиционирует себя как интегративная наука о языковом сознании и речевом мышлении.

Глава 2. Типологическая структура художественного текста малого жанра

2.1. Когитологический подход к рассказу Г. Канта «Eine Übertretung» («Переход границы»)

Исследование текста в рамках когитологического подхода предполагает выявление его «глубинной» семантической (логосемной) структуры и способов смыслопорождения. Глубинная логосемная структура текста наполняется конкретным содержанием за счет поверхностной семантики речевых единиц (локутем), то есть насыщается контенционально, образуя когниционный слой, на который в свою очередь наслаиваются коммуникативные и прагматические смыслы (см. Рисунок 1) [Макаренко, 2022]:

Рисунок 1. Устройство глубинной логосемы текста

Попытки построить универсальную модель текста предпринимали многие отечественные и зарубежные лингвисты. Например, в работе И.Р. Гальперина «Текст как объект лингвистического исследования» тщательным образом изложены компоненты, которые составляют целостный текст, однако лингвистом не изучается проблемный вопрос относительно способов порождения смыслов в тексте [Гальперин, 2007]. Т. А. ван Дейк и В. Кинч рассматривали по большей части вопросы психологии восприятия текста. Они провели глубокий анализ механизмов

восприятия, однако ограничились только описанием основополагающих пропозициональных структур [Дейк, 1988]. Ю.М. Лотман вкладывает в понятие *текст* такие определения как выраженность (текст выражен знаками естественного языка), отграниченность (текст противостоит всем материально воплощенным знакам, не входящим в его состав; текст противостоит всем структурам с невыделенным признаком границы – структуре естественных языков, безграничности их речевых текстов), структурность (тексту присуща внутренняя организация, превращая текст на синтагматическом уровне в структурное целое) [Лотман, 2018: 73]

На текстему наслаиваются коммуникативные и прагматические смыслы, которые не мыслятся без логико-семантического фундамента и текстемы. Смыслы возникают за счет содержательного наполнения лингвем, переходящие в статус локутем. Дистантные смыслы имеют латентные связи. При интерпретации текста реципиент воспринимает текстему как факт. Здесь интерес представляет сам смысл. Художественное произведение индивидуально. В этой связи следует говорить о художественном концепте, который представляет собой сочетание понятий, представлений, чувств, эмоций, волевых проявлений. Автор всегда дает значительно меньше, чем он хотел бы дать и воспринимающий только это непосредственно данное еще не достигает цели. Что-то, что находится в замысле автора, есть неисчерпаемая и часто даже невыразимая возможность [Аскольдов, 1997]. При написании текста автор закладывает в него смыслы, а спустя какое-то время, когда изменилась историческая обстановка, реципиент приписывает тексту еще один смысл. В этом случае латентность выходит на уровень имплицитности. Посредством приписывания тексту дополнительных смыслов реципиент связывает текст с собственным опытом и с другим событием.

Чтобы построить комплексную типологическую структуру художественного текста малого жанра, следует при его интерпретации начать с введения логосем. Под понятием «логосема» следует понимать не просто семантический признак, а аналог логико-мыслительной категории (Л-МК) в языковом сознании. Этот аналог представлен в языкосознании в виде логико-семантического признака (=логосемы,

условно, например, ЛС). Логико-мыслительная категория – это основа концептуального сознания. Логико-семантический признак, как семантическая основа в широком понимании, лежит в основе всех речевых знаков (в тексте) в том или ином варианте: ЛС_СУБ (субстанциальность), ЛС_РЕЛ (реляциональность), ЛС_ЛОК (локальность), ЛС_КВАЛ (квалитативность), ЛС_КВАНТ (квантитативность), ЛС_ТЕМП (темпоральность) [Фефилов, 2011].

Для примера следует начать с анализа логосем лингвемного состава рассказа немецкого писателя Г. Канта «Eine Übertretung» («Переход границы») (1975), чтобы выявить логико-семантические блоки задействованных в данном рассказе лингвем. В тексте выявляются субстанциальный, локальный, реляциональный, квантитативный, темпоральный и квалитативный блоки.

1. Субстанциальный блок (вертикальная конфигурация субстанциальных логосем в тексте): *ich* (я), *ein Dichter* (литератор), *Grenzmensch Ost* (пограничник в ГДР), *Frau vom Zoll* (таможенница), *Sanitär* (врач), *Frau Schmidt* (фрау Шмидт), *Siegfried* (Зигфрид), *Grenzmensch West* (пограничник в ФРГ), *Eisenhut* (парень в каске), *Stempelmann* (должностное лицо), *Feind* (противник), *Pferd* (лошадь), *ein Tambour* (барабанищик), *eine Dienststelle* (служащая), *Vater* (отец), *Mensch* (человек) (одушевленные); *Koffer* (чемоданы), *eine Kiste* (ящик), *Schachteln* (картонки), *Schirme* (зонтики), *Bilder* (картины), *Spiegel* (зеркала), *Plastebeutel* (сумки), *Töpfe* (кастрюли), *Waschgestell* (доска), *ein Bild* (портрет), *das Lied* (песенка), *Automobil* (машина), *Paß* (паспорт) (неодушевленные).

2. Локальный блок: *bei einem Vorgang* (в очереди), *vom Schalterfenster* (до окошечка), *an der Garderobe* (в гардеробе), *vor Konsums Nadelöhr* (на пороге булочной), *vor dem Kassenschlitz* (перед кассой), *an der Bahnschranke* (перед шлагбаумом), *beim Verlassen der Stadt* (на выезде из города), *an die Grube* (к могиле), *im Zweispeichenrad* (на колесе), *aufs Bremspedal* (на колодку), *überm Lenkrad* (над баранкой), *an der Öffnung der Durchgangsschleuse* (на пропускном пункте), *im Rücken* (за спиной), *vom Zaun* (в ограде), *zwischen Rhein und Neckar* (между Рейном и Некаром), *am Alexanderplatz* (на Александерплац), *heimwärts* (домой), *am Rhein* (на Рейне), *am Orte* (в краях), *an der Werra* (на Верре), *Wartburg* (Вартбург), *Kassel*

(*Kassel*), *Hörsel* (*Херзель*), *in einem Keller* (*в подвале дома*), *vom Grenzpfahl* (*у столбика*), *dahinter* (*там*), *in dem Wagen* (*в машине*), *durch die Türen* (*в дверцу*), *in einer Ackerstadt* (*в поселке*), *in der Kneipe* (*в пивной*), *im Alter* (*в возрасте*), *am Wegrand* (*на обочине*), *vor Gericht* (*на скамье подсудимых*), *zwischen Abendland und Morgenland* (*между Западом и Востоком*), *im Kaukasus* (*на Кавказе*), *im Kofferraum* (*в багажнике*), *in den Wagen* (*в машину*), *zwischen Wartha und Herleshausen* (*между Вартой и Херлесхаузеном*), *in Himmel* (*на небушко*), *den Niemandsort* (*ничейную территорию*).

3. Темпоральный блок:

(1) план прошлого, к которому относится повествуемое событие; и, в которое включается:

(а) план отдаленного прошлого: *eines Tages* (*однажды*), *endlich* (*наконец*);

(б) план близкого прошлого (для персонажей это план грядущего завтра по отношению к прошедшему сегодня): *nach Othello* (*после «Отелло»*), *bald* (*скоро ли*);

(в) план ближайшего прошлого (для героев – наступившее сегодня): *für immer* (*навсегда*), *doch stets* (*каждый раз*), *heute* (*сегодня*), *nun* (*на сей раз*);

(2) план предпрошлого (воспоминательное, ссылочное время более глубокого прошлого): *damals* (*тогда*), *seit* (*с тех пор*).

4. Реляциональный блок:

(1) экзистенциального типа: *war* (*был*);

(2) акционального типа:

(а) реальные действия: *tut* (*делает*), *morden* (*убивать*), *sagt* (*скажет*), *wurde...geantwortet* (*ответил*), *bedient* (*обслуживал*), *habe...gezeigt* (*предъявил*), *diskutieren* (*побеседуйте*), *lasse mich* (*соглашаюсь*), *höre* (*слышу*), *dachte* (*подумал*), *verwende* (*использую*), *verdächtigt* (*заподозрил*), *wollen* (*хотите*), *schrie* (*крикнул*), *verlangt* (*обязывает*), *vergessen* (*забыл*), *sah* (*видел*), *dachte* (*подумал*), *sagte* (*сказала*), *nickte* (*кивнула*), *zerstreuen* (*рассеять*), *lassen* (*заставлять*), *belehrt* (*учили*), *dachte* (*думал*), *glaubt* (*надеялся*), *dachte* (*задумалась*), *so still* (*притихла*), *nimmt* (*принимает*), *merke* (*замечу*), *vermute* (*предполагаю*), *nicht anvertraut* (*не*

доверяла), *fragte* (спрашивал), *besprechen* (обсуждать), *schreckte* (напугал), *bemühte nicht* (не возражала), *schrieb* (записывал), *scheint* (показался), *urteilen* (судите), *splittern* (раздробить), *zerpressen* (раздавить), *benutzte* (использовал), *verbreiten* (распространять), *bestiegen* (залез), *erleichtern* (облегчить);

(б) ирреальные действия: *würden Sie* (могли бы), *hätte* (было бы), *verlagte* (потребовали бы);

(3) посессивного типа (обладание): *mir* (мне), *mein* (мой), *für meine* (для моих), *ihre* (ее), *in meinem* (в моем), *sein* (его), *in unseren* (на нашей);

(4) трансмотивного типа (передвижение): *umkreiste* (обступила), *bewegen* (двигаться), *halten* (держится), *выходят*, *gefallen* (упали), *folgen* (последовать), *greifen* (ловить), *bringen* (везете), *halten* (останавливаться), *getreten* (подошел), *sass* (сел), *spannte* (натянул), *fahren* (ехать), *tragen* (пронести), *kommen* (прибудете), *lag* (лежала), *bringe* (вези), *ließ* (покинул), *wiederholen* (возобновлять);

(5) локального типа: *traf* (встретил), *sich teilte* (расступилось (море)), *sieht* (смотрит (на меня)), *sein* (побывать (там)), *war nicht* (не было (там)), *war* (im *Kaukasus*) (не бывал (на Кавказе));

(6) темпорального типа: *wird...geschehen* (произойдет), *war* (бывал), *gewartet* (дождался), *warten* (ждать), *verdunkelte* (потемнело).

5. Квалитативный блок:

(а) субстанциального типа: *götterbrechendes* (богоборческий), *tödlich* (смертельно), *in einem vergreisten* (в старческом), *an Grün* (в зеленом), *an Blau* (в синем), *an Weiß* (в белом), *alte* (старая), *fremde* (чужих), *mit rotem* (красным), *mittleres* (некрупного), *geklügeltes* (хитроумная), *schwarz* (черный), *Großen* (старшенького), *kleine* (маленькую), *schwarz-rot-gold* (черно-красно-золотой), *unglücklich* (несчастном), *reglos* (неподвижной), *atemlos* (бездыханной), *gedankenlos* (легкомысленно), *tot* (мертвого), *verfremdeter* (отчужденный), *nach letztem* (последней), *kalt* (холодное), *tief* (глубокий), *merklich* (приметный);

(б) локального типа: *holzerne* (деревянные), *nebliger* (туманный), *bewohnt* (населенный), *tief* (глубинной), *offen* (открытую), *Trauerreden* (надгробные речи), *ganz* (целый);

(в) реляционального типа: *starken* (могучий), *vom Glück* (от счастья), *vom Stolz* (от гордости), *unstimmig* (ненадежен), *Weisheit* (мудрость), *Argwohn* (подозрительность), *liebe* (любимая), *mütterlich* (по-матерински), *Wahrheit* (правда), *Irrtum* (заблуждение), *Pflicht* (долге), *Neugier* (любопытство), *Bedauern* (сожаление), *litt* (страдальческое), *Verdacht* (подозрение), *traurig* (грустен), *schönen* (изящной), *Umsicht* (осмотрительность), *Wachsamkeit* (бдительность), *schweren* (тягостное), *mit festerer* (твердым (голосом)), *Behutsame* (учтивость), *Ruhmsucht* (честолюбие);

(г) темпорального типа: *kurz* (недолгой).

6. Квантитативный блок:

(а) субстанционального типа: *zehn* (десять), *sechzig* (шестьдесят), *zwei* (два), *einer* (один), *dreie* (трое), *sechzehn* (шестнадцать), *drei* (три), *vier* (четыре), *zweite* (вторую), *vierzig* (сорок), *zweiundneunzig* (девяносто два), *fünfzig* (пятьдесят), *achtmal* (восемь раз), *doppeltes* (двойное);

(б) реляционального типа: *in einer Schlange* (в очереди), *Schlange* (очередь).

Коммуникативные смыслы формируются на основе данных блоков логосем. Логосемный уровень является базовым уровнем понимания текста. В настоящем исследовании имеется в виду, что значение состоит из признаков той речевой ситуации, которая обозначается. Имеют место участники ситуации (по И.П. Сусову), то, что развивает референтные ситуации, денотативные ситуации (сигнификат). Денотативную базу мы называем семантической базой (кто и что сделал). На эту логико-семантическую базу с контенционалом наслаивается коммуникативный смысл потому, что он не присутствует в лингвеме или в слове на уровне системы языка. Этот смысл порождается в тексте. Значения актуализируются. Смысл точно формируется в контексте в зависимости от речевой ситуации (например, «Какая сегодня хорошая погода» может выражать просто восторг, а может выражать намек). Коммуникативно-прагматический смысл нельзя отождествлять со значением. Смысл не является константой слов на уровне системы языка и даже на уровне речи. Смысл вариабелен по той причине, что формируется в зависимости от речевого контекста и знания речевой ситуации.

Следует представить смысловой, тематический анализ локутемного состава текста, задачей которого является описание тематических каналов, которые представляются лингвемами, объединенными в контактные линейные пропозициональные связи, или вступающими в дистантные условно вертикальные отношения с целью выражения ситуации и события.

Теперь следует рассмотреть связующие звенья языкослов, находящихся во взаимодействии посредством реляторов.

Суб Одуш – *sie* (она)

Реляциональность – *sang* (затянула)

Суб Неодуш – *ein Liedchen* (песенку)

Суб Одуш – *ich* (я)

Реляциональность – *floh* (покинул)

Локальность – *den Niemandsort* (ничейную территорию)

Локальность – *im Papier* (в бумагах)

Реляциональность – *sei* (значится)

Локальность – *eine Übersiedlung* (переезд)

Следует обратить особое внимание на некоторые каналы повествования субстанциального блока, одушевленной, персонифицированной субстанциальностью которого являются: *ich* (я), *ein Dichter* (литератор), *Grenzmensch Ost* (пограничник в ГДР), *Frau vom Zoll* (таможенница), *Sanität* (врач), *Frau Schmidt* (фрау Шмидт), *Siegfried* (Зигфрид), *Grenzmensch West* (пограничник в ФРГ), *Junge mit Eisenhut* (парень в каске), *Stempelmann* (должностное лицо), *Feind* (противник), *Pferd* (лошадь), *ein Tambour* (барабанищик), *eine Dienststelle* (служащая), *Vater* (отец), *Mensch* (человек).

Теперь представим эпюру с обозначением реляций между указанными одушевленными субстанциями (см. Рисунок 2).

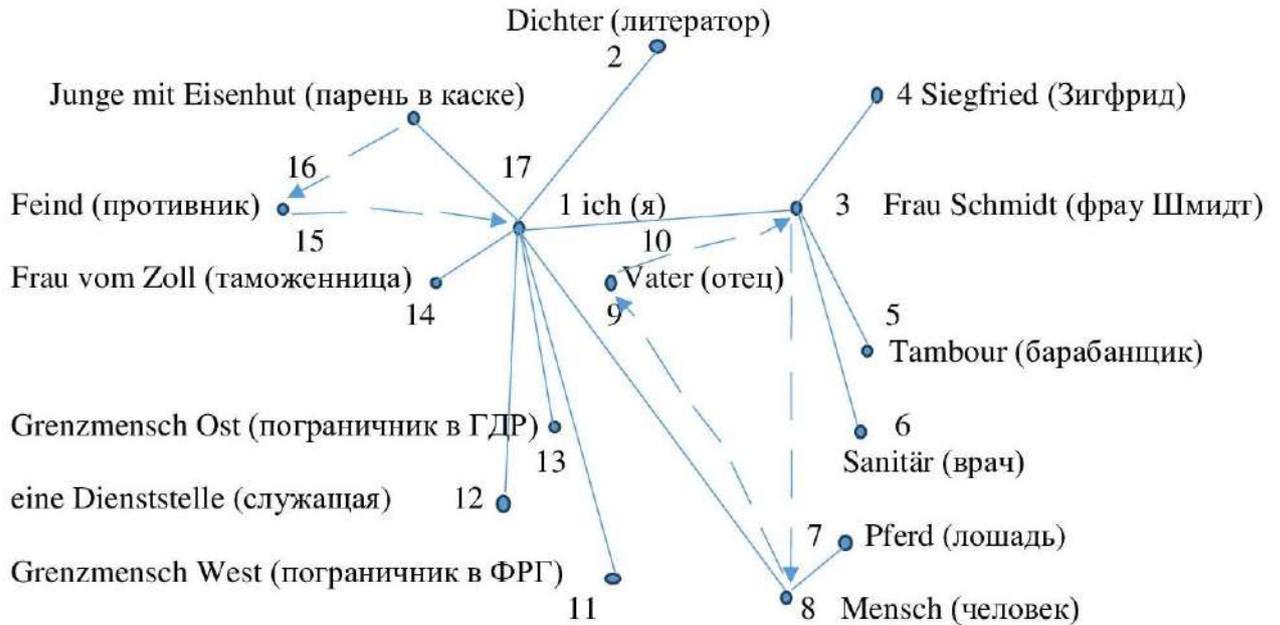

Рисунок 2. Реляции персонифицированной субстанциальности рассказа Г. Канта ««Eine Übertretung» («Переход границы»)

В тексте также представлена неодушевленная, сопутствующая субстанциальность: *Koffer* (чемоданы), *eine Kiste* (ящик), *Schachteln* (картонки), *Schirme* (зонтики), *Bilder* (картины), *Spiegel* (зеркала), *Plastebeutel* (сумки), *Töpfe* (кастрюли), *Waschgestell* (доска), *ein Bild* (портрет), *das Lied* (песенка), *Automobil* (машина), *Paß* (паспорт).

Рассказчик, который обозначен в тексте местоимением «я», является главной фигурой повествования, и о нем читатель узнает из текста следующее:

1. Его имя не называется ни разу.
2. Он убежден в том, что умереть ему суждено в очереди.
3. У него был кумир – литератор.
4. У него есть машина.
5. Он совершенно не выносил ожидания.
6. Он предъявил паспорт на въезде в пограничную зону.
7. Он не любит двигаться по чужому знаку.
8. Он соглашается выступить с рассказом или чтением перед публикой, дать автограф.
9. Он любит бывать дома.

10. Он чувствует себя плохо при оформлении документов для перехода границы.
11. Он встречает пограничника, таможенника и врача.
12. Он соглашается подвезти одну старую даму.
13. Профессия обязывает его бороться с заблуждениями.
14. Он вел машину на первой скорости.
15. Он интересуется у старой дамы причинами ее переезда.
16. Он рассказывает фрау Шмидт о кавказском долгожителе, который годится ей в отцы и до сих пор ездит верхом на лошади.
17. Он сказал старой даме, что все ее вещи хорошо упакованы и находятся в багажнике.
18. Он ослушался запрета на остановку в неполюженном месте.
19. У него есть семья.
20. Он предложил старой даме вернуться обратно, когда узнал о ее плохом самочувствии.
21. Его охватил ужас при мысли, что старая дама умрет на нейтральной территории.
22. Он думал о последствиях внезапной кончины старой дамы.
23. Он воспринял племянника старой дамы недоумком.
24. Он отнес старую даму в машину ее племянника, при этом, не попрощавшись с ней.
25. Он извлек из этой истории урок – впредь избегать нейтральных территорий.

Еще одной главной фигурой в рассказе является некая старая дама, о которой читатель узнает следующее:

Ее зовут фрау Шмидт. Ей девяносто два года. Она уезжает из ГДР в ФРГ к своему племяннику. Представим смешанную эпоху с охватом всех логосем (см. Рисунок 3).

Рисунок 3. Логико-семантические признаки из рассказа «Eine Übertretung» («Переход границы»)

Она называет человека, который ее везет к племяннику, Зигфридом. Она везла с собой три чемодана, ящик с яблоками, три картонки, четыре зонтика, картины или зеркала, шесть полиэтиленовых сумок, кастрюли, стиральную доску, портрет. Она постоянно делала замечание водителю, что тот слишком быстро ведет машину. По дороге она пела песенку, при этом ее пение было отчетливее речи. Она не назвала водителю причину, почему уезжает в ФРГ. Она не верит водителю, что дорогой ей портрет в багажнике. В дороге у нее потемнело в глазах и показалось, что умирает. Когда ей казалось, что она умирает, велит водителю ехать дальше, так как на той стороне она уже выписана, а там, куда они едут, еще не вписана. Она была ростом с некрупного ребенка. Она никогда не была на Кавказе.

Повествовательные ветви *литератор, пограничник в ГДР, таможенник, врач, парень в каске, племянник, пограничник в ФРГ* не являются главными. Про литератора известно только то, что он известнее рассказчика. Он был кумиром рассказчика. Он часто бывал за границей. Он ворвался в помещение, где выдавали гонорар, сметая все на своем пути. Про пограничника в ГДР читатель узнает, что у него была зеленая форма. На его погоне было две звездочки, что не являлось нормой. Он был высокого роста. Он уточнил у рассказчика, едет ли тот за границу, и просит подвести старую даму. Он сообщает, что у племянника старой дамы не получилось встретить ее. О таможеннице автор сообщает, что на ней была одета форма синего цвета. Она проявила к старой даме материнскую заботу, сменила

подозрительность на учтивость. О враче известно только то, что она была в форме белого цвета и то, что передала старую даму в машину рассказчика. Парень в каске встречается рассказчику по пути. На посту он стоял со своим товарищем. Ему была характерна такие черты как бдительность и любопытство. Он предупредил рассказчика, что на данном участке дороги остановка запрещена. У племянника было имя Зигфрид. Он не смог забрать свою тетю из ГДР, но ждал ее в ФРГ. Он хотел угостить рассказчика яблоками своей тети. Он со страдальческим видом посмотрел на свою тетю. О пограничнике в ФРГ сообщается, что у него было страдальческое выражение лица при виде документов рассказчика. Он все записывал.

Как было отмечено, качественный канал является в тексте одним из основных. В особенности ярко выражены качественные характеристики, применимые к одушевленной субстанциальности «фрау Шмидт». Указанная на рисунке качественность демонстрирует субъективный взгляд на фрау Шмидт рассказчика посредством наблюдения за ней. Качественные характеристики указывают на возраст женщины, ее рост, обращение и отношение рассказчика к ней. При обращении к фрау Шмидт рассказчик использует слова с суффиксами – *lein, -chen* (*Mütterlein, Mütterchen* – матушка), приписывает ей качественные характеристики *liebe* (*дорогая, милая*), таким образом, сообщая о своем отношении к адресату (фрау Шмидт) (см. Рисунок 4).

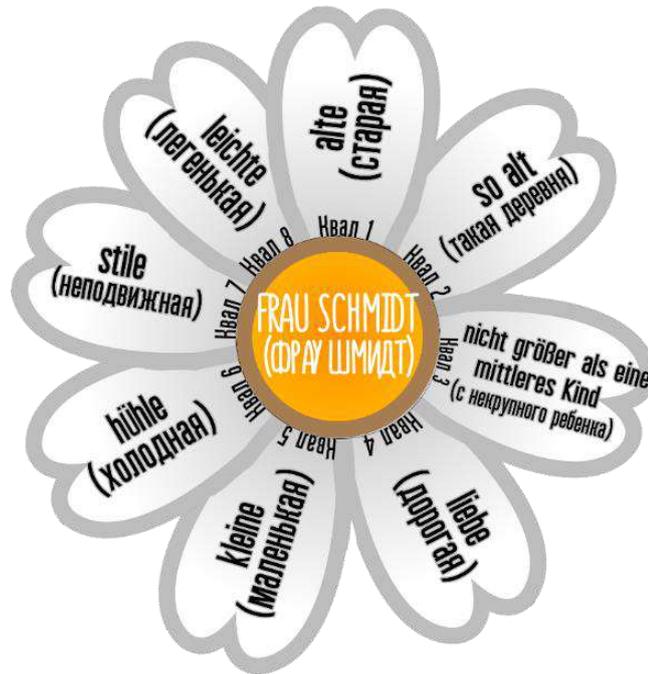

Рисунок 4. Субстанциально-каллитативная конфигурация «фрау Шмидт»

С целью более подробного рассмотрения реляционального блока, представим схему, где отображены некоторые субъектно-предикатные отношения (S – P) (см. Рисунок 5).

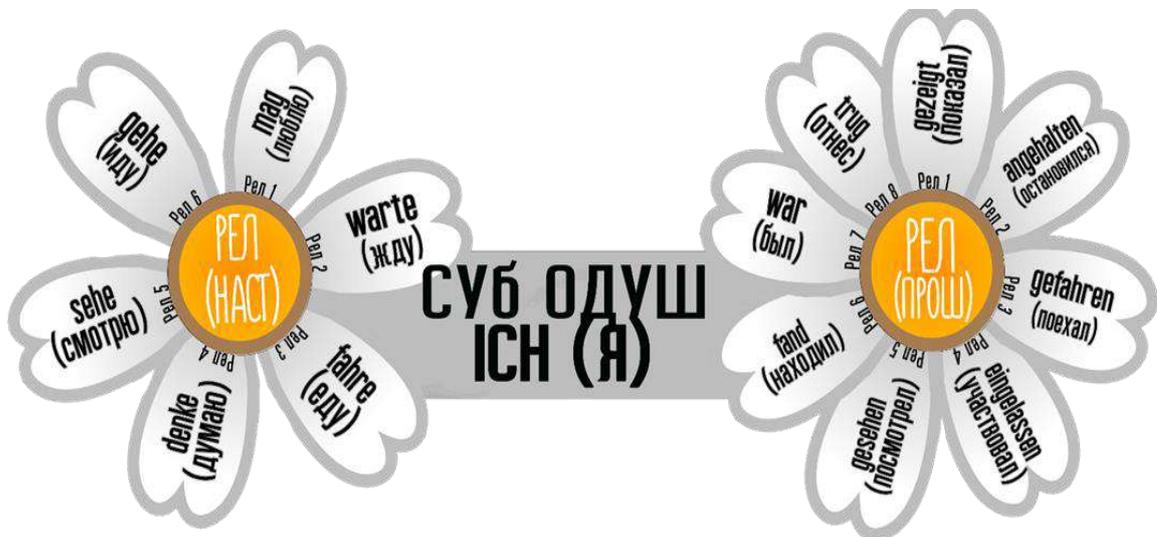

Рисунок 5. Субъектно-предикатные отношения

Ниже представим примеры из рассказа Г. Канта логосемных реляций во взаимодействии с вербальными предикационными и атрибутивными связями (см. Рисунок 6 и Рисунок 7).

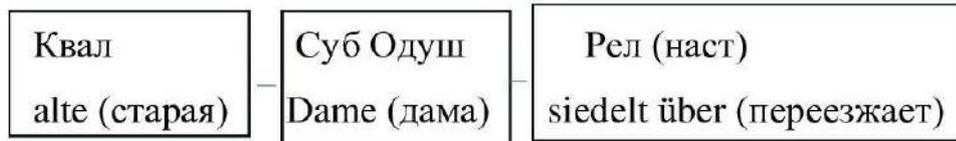

Рисунок 6. Реляции логосем вкупе с вербальными и атрибутивными признаками

Рисунок 7. Реляции логосем в совокупности с вербальными и атрибутивными признаками

Отметим, что тема задается в субъекте, а затем раскрывается в предикате. В одном предложении могут быть представлены сразу несколько предикатов, например: «*Ich habe angehalten auf Schilderzeichen und bin weitergefahren auf Handzeichen, dann habe ich meinen Paß gezeigt*» («Я остановился перед знаком и проехал вперед по знаку пограничника, а потом предъявил паспорт»); «*Ich habe meinen Paß durch ein Fenster gereicht, war nun verabredet mit ihm und traf ihn endlich wieder*» («Я сунул паспорт в окошечко, затем ждал его возвращения и, наконец, дождался»). На данных предложениях продемонстрировано многомерное предидирование.

На протяжении всего текста адресант (автор) держит адресата (читателя) в напряжении посредством применения других лингвем, относящихся к квалитативному блоку. В целом речевую ситуацию, в которую вписан рассказ, можно описать как напряженную, непредсказуемую и даже опасную. На это указывают следующие слова и словосочетания: *Argwohn* (подозрительность), *tödlich* (смертельно), *persönlicher Neugier* (личное любопытство), *gesellschaftliche Wachsamkeit* (государственная бдительность), *schwere Verdacht* (тяжелые подозрения), *Schwäche* (слабости), *Furcht* (ужас), *etwas Äußerstes* (что-то из ряда вон выходящее), *Ordnung* (порядок), *Tränen* (слезы), *doppeltes Bedauern* (двойное сожаление), *Verneinung* (отказ), *verfremdeter* (странный), *feindlich* (враждебно), *bedauernden Verständnis* (притворное сочувствие), *leiblos* (безжизненный), *litt* (страдальческое), *verdächtig* (подозрительный, сомнительный).

Стоит отметить, что часто логосемная составляющая, например: «*Grenzmensch litt über meinem Reisepapier*» («У пограничника было страдальческое выражение лица при виде моих документов»), только констатирует факт. В данном примере коммуникативная составляющая исчерпывается констатацией факта, то есть субъект недоволен документами. Можно наблюдать связь констатации факта с недовольством, то есть с коммуникемой в чистом виде, так как ориентация на адресанта. Предложение «*Der Grenzmensch war ein Wissenschaftler*» («У пограничника была исследовательская жилка») могло быть сказано адресантом с разными интенциями, например, для информирования адресата о том, что пограничнику характерна такая черта как любопытство или, может быть, даже подозрительность. Если речь идет о подозрительности, то это позволяет говорить о перлокуции (руководство к действию; рекомендация), то есть нужно быть осторожным в высказываниях при обращении к должностному лицу, или о перлокутивном акте, включающем в себя последствия – беспорядок в документах может привести к запрету пребывать за границей. В следующем предложении «*Ich fand Frau Schmidts Verhalten unangemessen*» («Мне казалось несообразным поведение фрау Шмидт») констатация факта смешивается с несогласием.

Интерпретируя текст, осуществляется проникновение в коммуникативную и прагматическую суть текста. В предложении «*Ich habe den Paß der Frau vom Zoll gewiesen*» («Я предъявил паспорт таможеннице») актуализируется эшелонизированное предиктивное, результатом которого являются следующие когнитии:

- кто-то владеет документом, удостоверяющим личность;
- возникли необходимость или желание отправиться за границу;
- кто-то официально, легально (наличие должностного лица) совершает отправку из пункта А в пункт Б.

В предложении *Da kamen drei, mich...* (Тут ко мне подошли трое) реализуются следующие когнитии:

- указано точное место происходящего события;
- в чем была необходимость обращения;

- с обращением подошли три человека.

На данных примерах было продемонстрировано, что несколько смыслов могут быть выявлены одновременно. Коммуникема является вторым уровнем понимания смысла текста. Под коммуникемой следует понимать коммуникативный признак речи, наслаивающийся на локутему в процессе ее формирования. Из сообщения о том, что таможенница по-матерински заботливо и учтиво передала фельдшеру старушку, выводится, что в определенной ситуации присутствует человеческий фактор. Сообщение о том, что рассказчик вел машину на первой скорости, позволяет заключить, что он ехал медленно.

Представим синтагмему лингвемы *Koffer* (чемодан):

Koffer (чемодан) – это предмет (субстанциальность как родовой признак); имеющий форму прямоугольника; состоит из (конститутивность) прикрепленной запирающейся крышки, коробки (субстанциальное содержание); предназначен для (утитивность) хранения и транспортировки (реляциональность) вещей. Коммуникативный смысл заключается в лингвемном содержании «предназначен для хранения и транспортировки вещей». В словосочетании «*Koffer neu verkeilt*» (Чемодан снова переполнен) коммуникема = «в чемодан положено много вещей»; прагмема = «пребывание за границей продлится долго», «переезд за границу».

Анализируемый текст написан, по большей части, в форме диалога, из которого реципиент вычитывает отдельные коммуникемы, которые также могут эксплицироваться из содержания локутем. Посредством определенной линейной синтагмемы вычитывается то, что не названо отдельной лингвемой, но становится очевидным, что действие в рассказе происходит осенью (см. Рисунок 8):

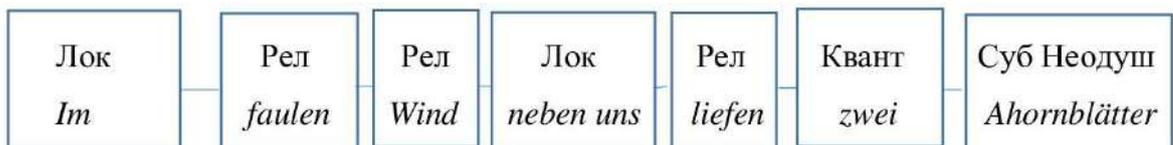

Рисунок 8. Линейная синтагмема с темпоральным значением

Литературный перевод: «Ленивый ветерок гнал перед нами пару кленовых листиков».

Для того, чтобы выявить другие глубинные смыслы, построим диаграмму вертикальной структуры текста (см. Рисунок 9).

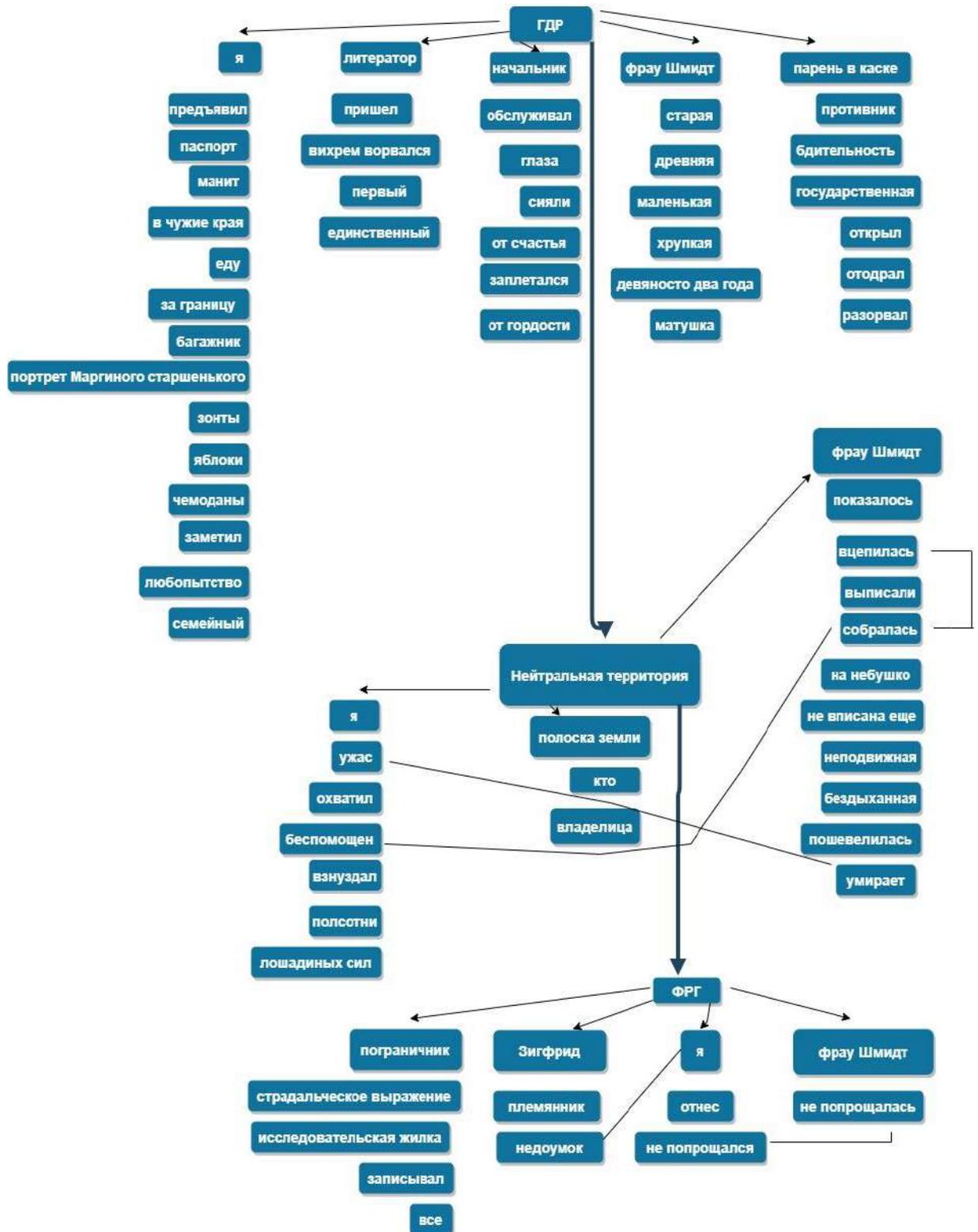

Рисунок 9. Вертикальная структура рассказа Г. Канта «Eine Übertretung» («Переход границы»)

Адресат (читатель) также узнает о том, кто является для главного действующего лица кумиром – тот, кто смело и вне очереди ворвался в помещение к начальнику, который был при этом очень горд общением с ним, с целью получить гонорар. Таким образом, автор приписывает должностному лицу следующую качественную характеристику – гордость. Рассказчика восхищают не творческие способности кумира, а личностные – его вызывающее поведение в конкретной ситуации. Казалось бы, наглость и надменность являются отрицательными духовно нравственными качествами личности, но они воспринимаются рассказчиком как достоинство. Из этого можно заключить, что рассказчику не хватает уверенности, смелости в действиях и то, что можно назвать коммуникемой *робости*. То, что фрау Шмидт назвала рассказчика Зигфридом, хотя его имя ни разу не упоминается в тексте, позволяет предположить, что именно так зовут племянника, который должен был ее встретить.

Разновидностями коммуникемы являются интенциональный (фиксация наличия предмета), иллюкутивный (предостережение), перлокутивный (руководство к действию, рекомендация) признаки.

Рассмотрим более подробно способы реализации коммуникем в тексте: «*чужие края*» – интенциональный признак; «это незнакомая местность, где действуют другие порядки и законы, которым необходимо следовать» – иллюкуция; «будь внимателен или избегай вовсе неизвестной местности!» – перлокуция; «нужно вести транспортное средство на оптимальной скорости» – перлокуция. «*Злоумышленное вмешательство*» – интенциональный признак; «умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, угрожающее жизни человека» – иллюкуция; «нужно понимать свою ответственность, иначе возникнет высокая вероятность понести уголовное наказание за содеянное» – перлокуция.

В анализируемом тексте можно условно выделить по смысловой нагрузке пять речевых ситуаций: 1) размышления рассказчика о смерти; 2) подготовка к переходу границы; 3) переход границы; 4) остановка в пути; 5) прибытие в ФРГ.

Стоит отметить, что не любое содержание вытекает в коммуникативный смысл, так как он может носить исключительно информативный характер, когда

адресант (автор) о чем-то сообщает. Интонация способствует включению высказывания в речевую ситуацию и служит универсальным синтаксическим средством. В формальном отношении наличие интонации отличает предложение и текст как коммуникативные единицы от словосочетания [Сусов, 2006: 160]. В тексте Г. Канта «Eine Übertretung» («Переход границы») большое количество восклицательных предложений. Когда единица языка превращается в единицу речи, она помещается в какую-то речевую ситуацию и обрастает коммуникативными смыслами. Предложение «*Der nächste!*» («Следующий!») вписано в речевую ситуацию, где должностное лицо со штемпелем призывает подойти к окошку человека из очереди с целью проверки документов на выезд или въезд и дальнейшего получения разрешения. Данная процедура является начальной к достижению цели – перехода границы.

Представим первую речевую ситуацию (см. Рисунок 10) с целью рассмотрения в ней логосемных дистантных отношений и выявления коммуникативных смыслов, которые вычитываются реципиентом в тексте с самого начала.

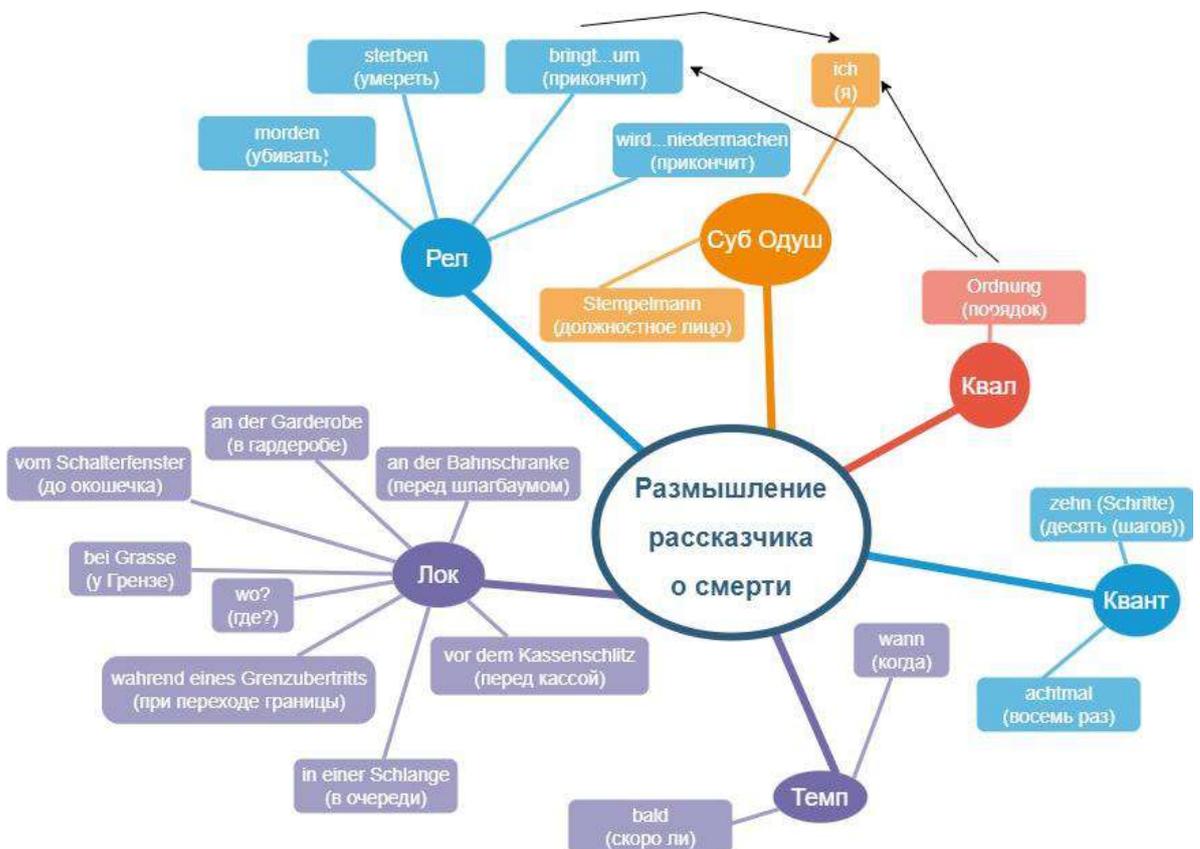

Рисунок 10. Логосемно-коммуникативный узел рассказа Г. Канта «Eine Übertretung» («Переход границы»)

Из данной речевой ситуации вычитываются коммуникемы дисциплины и порядка, которые диктует государственный строй. Рассказчик осознает, что контроль необходим, но при этом сам не хотел бы иметь профессию, связанную с подозрительностью. Отсюда следует, что рассказчик имеет отрицательное отношение к данному качеству. Он убежден в том, что порядок необходим, но позже из следующей синтагмы вертикальных отношений следует, что не всегда порядок приведет к положительному завершению дела (см. Рисунок 11):

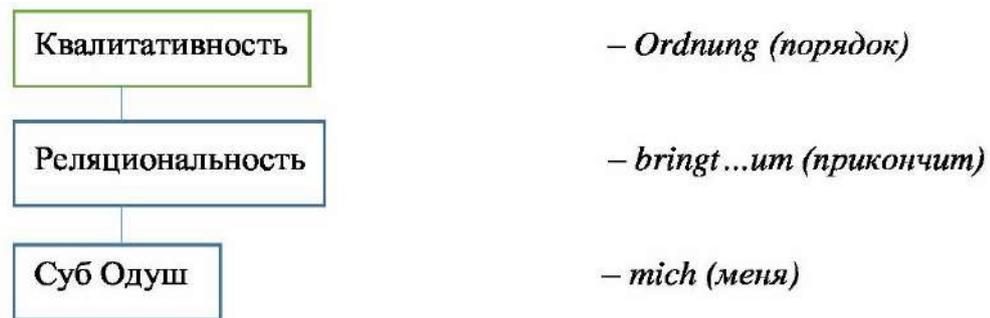

Рисунок 11. Синтагма вертикальных отношений

Следующим этапом является досмотр лица таможенником, а затем пограничником. Из предложения «*Weiterfahrt nur auf Handzeichen!*» («*Движение вперед только по знаку!*») вычитывается положительное завершение досмотра и разрешение на продолжение движения. Рассказчик продолжил свой путь, на котором его ожидало препятствие. Фрау Шмидт настояла проверить, в багажнике ли находится одна из ее вещей, и рассказчик остановил машину. Из предложения «*Halten da ist nicht gestattet!*» («*Останавливаться запрещено!*») вычитывается, что рассказчик остановил машину в неполюженном месте, и далее из предложения «*Ich handle unter Zwang!*» («*Я подчиняюсь силе обстоятельств!*») следует, что он ослушался запрета пограничника, вышел из машины, открыл багажник, нашел нужную вещь фрау Шмидт и только после этого продолжил движение вперед. Из предложения «*Achtung, Steinschlag!*» («*Берегись камнепада!*») вычитывается призыв к повышенной внимательности водителя при пересечении участка дороги, который представляет опасность.

Не маловажную роль при выявлении смысла играет интонация в вопросительных предложениях, которые также представлены в тексте, например: «*Hast das Bild von Marga ihrn Großen mit?*» («*Портрет Маргиного старшенького не забыл, Siegfried?*»). Из данного предложения вычитывается, что вопрос задает фрау Шмидт, так как представлено явное обращение. Вопрос был задан из-за сомнения фрау Шмидт в том, что эта вещь действительно с собой. Значит, она не видела, что эта вещь была положена в багажник. Фрау Шмидт интересуется наличием конкретной вещи, это позволяет заключить, что эта вещь представляет ценность для нее.

С коммуникемой совмещается когниция (содержательное наполнение концепта) [Фефилов, 2018]. *Auto* (автомобиль) – это предмет (субстанциальность); сделанный из (фактитивная акциональность – первая когниция) какого-то материала, например из стали, алюминиевых сплавов, пластмасс и стекла (фабрикативная субстанциальность – вторая когниция); состоит из (конститутивность) шасси, кузова и двигателя (субстанциальное содержание, меротив – третья когниция); предназначен для (утитивность – четвертая когниция) перевозки (реляциональность – пятая когниция) людей и грузов (субстанциальность – шестая когниция). *Kofferraum* (багажник) – это отделение (субстанциальность); в кузове легкового автомобиля (локатив – первая когниция); сделанное из (фактитивная акциональность – вторая когниция) какого-то материала, например из пластика (фабрикативная субстанциальность – третья когниция); состоит из (конститутивность) поддона, накладки проема двери багажника, сетки, крышки (субстанциальное содержание – четвертая когниция); предназначен для (утитивность – пятая когниция) размещения и перевозки багажа (субстанциальность – шестая когниция). Когниция «*Auto*» играет важную роль для понимания текста, так как большую часть времени действие в рассказе происходит именно в автомобиле.

Рассмотрим пример из текста: «бедная семья». Сообщается, что речь идет о семье, у которой мало денежных средств, ограниченные материальные возможности. Реципиент осознает, что есть кто-то, кто сделал вывод о том, что у

семьи недостаточно денежных средств. Этот вывод кто-то сделал исходя из определенных наблюдений за поведением или, возможно, привычками членов этой семьи. Таким образом, «бедная» является информативной когницией. Следует привести в этой связи другой пример из текста: «*so alte Frau*» («древняя старушка»). Сообщается, что рассказчик видит лицо женского пола. Лингвема «старушка» позволяет утверждать, что это лицо как минимум пожилого возраста, а качественная характеристика «древняя» указывает на то, что лицу женского пола уже очень много лет. Таким образом, в данном примере «древняя» является информационной когницией.

Прежде всего, к литературе ГДР относится литература, созданная в период существования Германской Демократической Республики (1949 – 1990). Многочисленные авторы были вынуждены покинуть ГДР с конца 1970-х годов. Единый характер литературы ГДР основывается на политической и культурно-политической структуре, давно господствующей ориентации на принципы социалистического реализма и антифашистском восприятии большинства авторов. Рассказ Г. Канта «*Eine Übertretung*» («Переход границы») был написан в 1975 году, то есть в период существования государственной границы между двумя образованными республиками Германии: ГДР и ФРГ. Известно, что Герман Кант в 1944 году был призван на военную службу, вскоре был взят в польский плен, где находился до 1949 года в трудовом лагере, которое коренным образом изменило его политические взгляды – Г. Кант стал антифашистом. После того как Г. Кант был освобожден из лагеря, поселился в ГДР, где стал членом союза писателей. Произведения Г. Канта адресованы пяти поколениям читателей с различным опытом и восприятием жизни. К первому поколению относились люди, которые пережили окончание войны в зрелом возрасте. Произведения пользовались успехом и у военного поколения, также у тех, кто вступал в сознательную жизнь сразу после 1945 года в условиях глубочайших социальных преобразований и коренной ломки сознания. Произведения адресованы поколению, которое взрослело на рубеже 50-х и 60-х годов, и которому были неизвестны гитлеровские казармы, школы. И, наконец, молодым людям 70-х годов, которые с самого раннего

детства воспитывались в социалистическом обществе. Кроме того, произведения Г. Канта были популярны в СССР, в котором писателя называли «русским Кантом». Читатели признали в писателе человека, полезного обществу. Для времени, в котором были написаны произведения писателя, характерно преодоление обществом войны и ее последствий. Возникший в ГДР социализм, воспринятый в начале образования республики, как фантастическое и утопическое дело, стал повседневностью. В своих произведениях Г. Кант призывает своего читателя вспомнить прошлое, осознать исторические процессы, частью и наблюдателем которых писатель считал самого себя. Г. Кант объяснял интерес широкого круга читателей к его творчеству тем, что история касается всех [Кант, 1984: 343].

В Восточной Германии процесс преодоления прошлого отсутствовал. Восточные немцы сразу приняли сторону победителей. Несмотря на это, жители Восточной Германии выступали в поддержку идеи об единстве нации, но не верили, что это возможно при их жизни. Ситуацию изменило падение стены 9 ноября 1989 года, которое привело к разрешению жителям ГДР переходить границу через любые контрольно-пропускные пункты. Причинами, побудившие людей перебраться из ГДР в ФРГ, были несовременная и неконкурентоспособная экономика ГДР, контролируемая СССР, и устаревшие технологии [30 лет объединению Германии: удалось ли Востоку стать Западом // Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4518772>]. Жители ГДР стремились найти работу в ФРГ.

Коммуникативный смысл выявляется в анализируемом тексте из упомянутых экстралингвистических факторов, то есть из культурно-исторических факторов (культурема). Культурема включает в себя исторический фактор, в данном случае конкретный факт из истории, когницию. В данном тексте экстралингвистическая ситуация совмещается с речевой ситуацией. Лингвемой «eine Übertretung» («переход границы») представлена отсылка к названию рассказа, становится очевидным, что повествование идет о периоде, когда Германии была разделена.

Рассказчик рассуждает о причинах, месте, обстоятельствах, времени своей смерти. Он предполагает, что смерть настигнет его в очереди к должностному лицу со штемпелем и при этом уверен в том, что именно очередь убьет его, например, при переходе границы. Как и многие жители ГДР в тот период рассказчик планирует поехать в Западную Германию. В тексте идет подробное описание всех необходимых проверок для допуска к выезду, то есть речь идет о периоде, когда выезд был возможен, хотя и сопровождался жестким контролем. В тексте представлено предложение «*Briefe, die mich freundlich laden... Kommen Sie, lesen Sie, reden Sie, diskutieren Sie...*» («Письма с любезными приглашениями... Приезжайте, почитайте, расскажите, побеседуйте...!»), из которого в данной речевой ситуации, мы вычитываем глаголы со значением обязательства, относящиеся к классу экзерситивов. Посредством этих глаголов мы узнаем о причинах, побудивших рассказчика поехать за границу. Далее мы находим предложение «*Ich lasse mich...*» («Я соглашаюсь...») рассказчик сообщает результат иллюкутивного акта, цель которого достигается. Из данного иллюкутивного акта можно заключить, что рассказчик – публичное лицо, возможно, писатель. Можно предположить, что здесь упоминается автобиографический факт из жизни Г. Канта, выступления которого пользовались успехом у публики. Так как долгое время не было никаких контактов между жителями ФРГ и ГДР, публике из ФРГ было интересно узнать больше о жизни в Восточной Германии, их бытовых условиях, традициях. Как известно, менталитет и традиции восточных и западных немцев отличались. В тексте не называется конкретная причина фрау Шмидт поехать за границу, однако, из знания этой же экстралингвистической ситуации, можно предположить, что она слишком долго не видела своего близкого родственника и оставшуюся часть жизни она хотела бы провести рядом с ним.

Всю жизнь человека можно представить как улицу со светофорами, где все отрегулировано, регламентировано: «*Weiterfahrt nur auf Handzeichen...!*» («Движение вперед только по знаку...!») [Кант, 1984: 137]. Тем не менее, жизнь человека устроена сложнее, чем улица со светофорами. Автор дает государственным служащим явные качественные характеристики: зеленый,

синий, белый. С такой цветовой гаммой ассоциируется государственный упорядоченный строй. Здесь же адресант (автор) акцентирует внимание адресата (читателя) на следующем: «*Sonst geht es zwiefarbig zu, wenn ich die Grenze überschreite, an Grün und Blau...*» («Обычно при переходе границы дело обходится двумя цветами – зеленым и синим...») [Кант, 1984: 138]. В данном предложении автором дана конкретная темпоральная характеристика, выраженная лингвемой «обычно», которая еще раз подчеркивает стандарт и регламентацию того, что дозволено и не дозволено, положено и не положено, рамки допустимого и недопустимого. Все происходящее выходило из рамок привычной нормы. Выводится то, что оказывается не все всегда регламентировано. У каждого действия есть какая-то интенция. Предложение «*Da kamen dreie*» («Подошли трое») вводит читателя в некую речевую ситуацию и носит информативный характер. А вот в следующем предложении «*Sanität, Grenzer und Zöllner maßen die Weite des Fonds und die Größe des Kofferraums*» («Врач, пограничник и таможенник оценили величину салона и вместимость багажника») выражается намерение оценить транспортное средство для осуществления перевозки груза. Наличие врача свидетельствует о необходимости перевозки какого-то пассажира (одушевленной субстанциальности). Из предложения «*Würden Sie alte Dame mitnehmen?*» («Вы не могли бы подвезти одну старую даму?») выводится, что осматриваемое транспортное средство пригодно для вмещения всего необходимого, и государственными служащими был вынесен положительный вердикт о разрешении перевозки в нем пожилого человека. Предложение «*...der alten Dame Zubehör kam, und mit ihm wurde offenbar, warum das Interesse an meinen Laderäumen*» («...прибыл багаж старой дамы, и тут стало ясно, чем объяснялся интерес к грузоподъемности моей машины») выражает коммуникативный эффект, выраженный одобрением рассказчика на перевозку пассажира с багажом. В предложениях «*Alles ist da*» («Все на месте») и «*Dann fahren wir*» («Тогда поехали») достигается коммуникативная цель – получение разрешения на пересечение границы.

Ситуация, происшедшая в дороге с фрау Шмидт, также была непредвиденной. Порядок действий в такой ситуации не был нигде прописан, как и порядок оформления и предоставления документов при несчастном случае на нейтральной территории. В монологических высказываниях рассказчика в тот момент, когда фрау Шмидт собралась умирать, и это выглядело по ее состоянию правдоподобно, рассказчик признается, что не думал о высоком, об искусстве. В возникшей ситуации он не мог поступить никак иначе, как использовать свой литературный дар с одной единственной целью – нарушить тягостное молчание, в котором умирала фрау Шмидт. Коммуникема *ответственности* вычитывается в равнодушии, в желании действовать и что-то предпринять, если даже только на эмоциональном психологическом уровне. Из диалогических высказываний рассказчика, обращенных к фрау Шмидт, посредством повествовательных утвердительных и вопросительных предложений рассказчик оказывает воздействие на фрау Шмидт, кроме того, вычитывается призыв рассказчика к фрау Шмидт осознать всю сложность своего положения и к борьбе за жизнь:

- «...*hier ist ein Grenzfall*» («Это было бы пограничным инцидентом»)
- «...*wie sollte denn der in die Akten?*» («Как же прикажете отразить его в документах?»);
- «*Kann sein, der liebe Gott nimmt die Seele, wie sie kommt*» («Возможно, господь бог принимает души без всяких формальностей»)
- «*Kann wirklich sein, aber ist es so?*» («Но так ли это действительно?»).

Из ответных реплик фрау Шмидт следует, что коммуникативная цель рассказчика была достигнута: «*Nee, den jehts noch nicht, den will ich noch lieber was rusten*» («Нет, только не сейчас, тогда уж надо потянуть еще чуток»); «*Nu kutsch mir wieder in Verhältnisse!*» («Давай, вези, куда положено!»). На достижение цели указывает также синтагма дистантных условно «вертикальных» отношений, где ключевую смысловую роль играет квалитативность с эффектом интонации (см. Рисунок 12):

Рисунок 12. Синтагма линейного предложения с обозначением интонации

В этой связи стоит отметить один важный момент. Когда рассказчик думал, что фрау Шмидт умирает, он надавил педаль газа до упора и выжал из мотора пятьдесят лошадиных сил. Он продолжал движение вперед в Западную Германию. Важную роль здесь играет пресуппозиция (знание предшествующей ситуации), которая выражается в знании рассказчика того, что в ФРГ фрау Шмидт ждал племянник, и что у них были не совсем доверительные отношения, а также в знании экстралингвистической ситуации, выраженной в запрете посещать родственников в Западной Германии. В лице рассказчика Г. Кант выражает интенцию довести девяностодвухлетнюю старушку до ФРГ для ее долгожданного воссоединения с племянником (см. Рисунок 13).

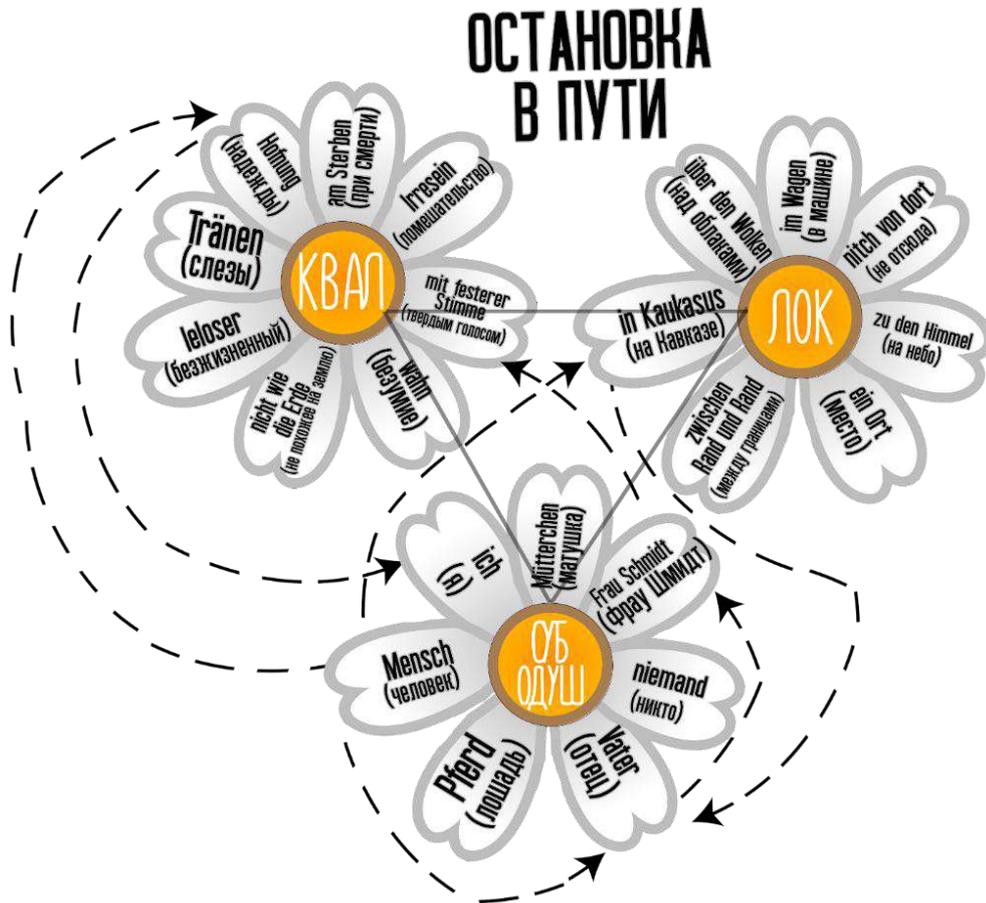

Рисунок 13. Логосемные дистантные связи речевой ситуации «Остановка в пути»

В состоянии страха и паники («*Furcht kroch in mich...*») («Ужас охватил меня...») главный персонаж рассказывает фрау Шмидт об одном жителе Кавказа, который до сих пор ездит верхом на лошади. Отсюда следует, что он пребывал какое-то время на Кавказе, возможно, чтобы выступить перед публикой, и был лично знаком с этим человеком. Констатация того, что человек ездит на лошади, позволяет прийти к выводу, что у него есть лошадь. Синтагма вертикальных отношений, представленная в речевой ситуации «Остановка в пути» (см. Рисунок 14), позволяет сделать вывод о том, что этот человек был намного старше фрау Шмидт:

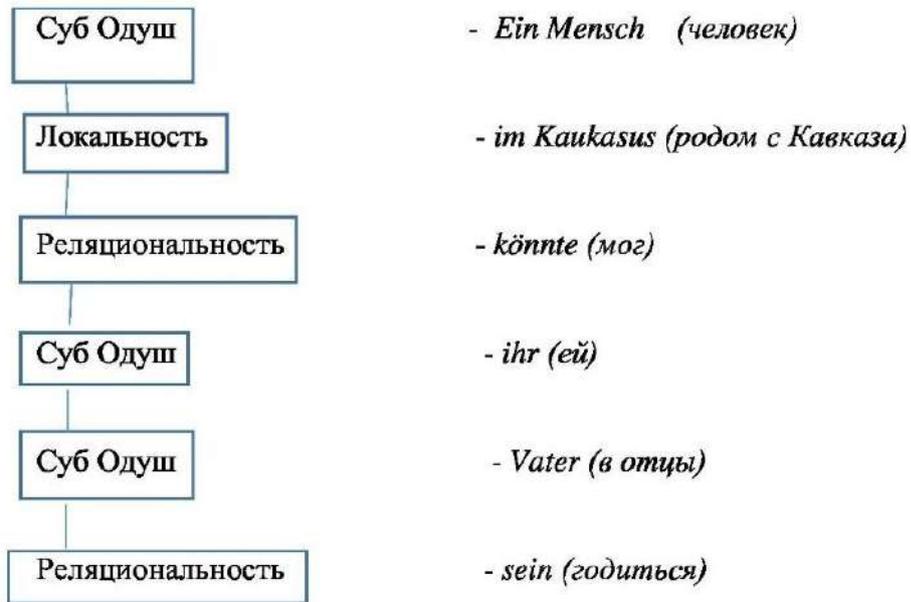

Рисунок 14. Синтагма вертикальных отношений из речевой ситуации «Остановка в пути»

Из ответной реплики фрау Шмидт на этот рассказ выводится, что и она сама ни разу не была на Кавказе (см. Рисунок 15):

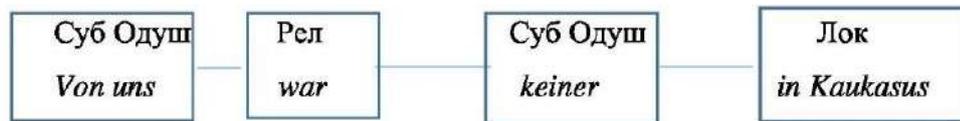

Рисунок 15. Линейная синтагма с локальным значением

Литературный перевод: «*Никто из наших не бывал на Кавказе*».

Данное предложение могло быть сказано фрау Шмидт с разными намерениями, например, для информирования адресата (рассказчика) или для выражения желания побывать там, возможно с целью знакомства с упомянутым человеком. Но следующая реплика в диалоге исключает намерение поехать на Кавказ «*Aber nur gehts in Himmel*» («*Пора на небушко собираться*»), более того, в тексте вычитывается предложение с дистантной связью, которое позволяет сделать вывод, что иллокутивный речевой акт закончился неудачей, так как не привел адресанта (рассказчика) к желаемому результату в процессе коммуникации (см. Рисунок 16):

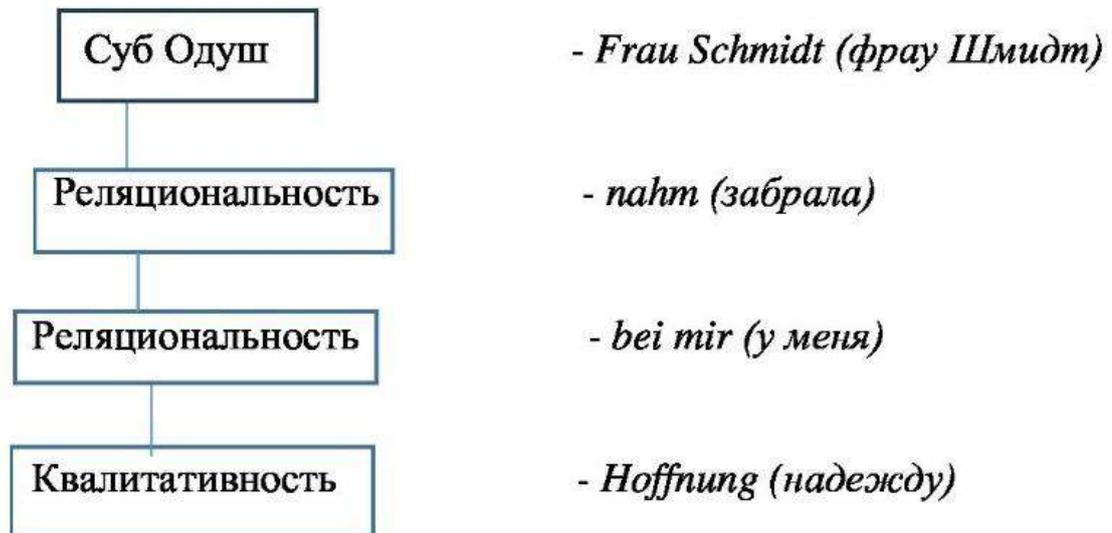

Рисунок 16. Вертикальная синтагма, завершающая иллокутивный акт

Рассказчик выступил с интенцией вызова во фрау Шмидт желания бороться за жизнь, ни в коем случае не сдаваться.

Таким образом, Г. Кант рассказанной им историей выступает с интенцией заставить читателя задуматься о том, как он поступил бы в аналогичной ситуации, каково было бы его поведение в подобном случае. Авторская интенция тесно связана с коммуникативной целью рассказчика, а вместе с тем и с коммуникемой *ответственности* за другого мало знакомого ему человека (фрау Шмидт). Адресант (автор) намеренно акцентирует внимание адресата (читателя) на том, что фрау Шмидт начала умирать на нейтральной территории.

Посредством такой конкретной локальной характеристики адресант дает намек на то, что смерть человека невозможно предвидеть, ею невозможно управлять, она зачастую случается внезапно. Из текста вычитывается, что важнее не сам человек, не его жизнь, а система, где все отрегулировано и прописано. Этот смысл нужно считать «правильным», так как именно его автор изначально заложил в текст. В рассказе Г. Канта «Eine Übertretung» («Переход границы») ярко выражен имплицитный (скрытый) смысл. Из конкретной линейной синтагмы вычитывается коммуникема *растерянности* (см. Рисунок 17):

Рисунок 17. Линейная синтагма, выражающая коммуникему «растерянность»

Литературный перевод: «Имел ли я право взять ее на таком транспорте?»

В тексте лежит на поверхности и выражена релятором коммуникема *страха*, когда рассказчик представил, что фрау Шмидт умерла (см. Рисунок 18):

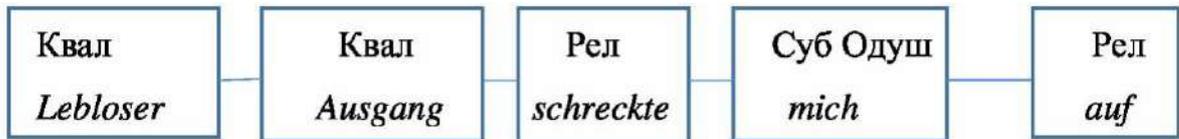

Рисунок 18. Линейная синтагма, выражающая коммуникему «страх»

Литературный перевод: «Безжизненный исход дела напугал меня».

С помощью названной автором качественной характеристики состояния рассказчика «безжизненный» читатель вычитывает коммуникему *безысходности, отчаяния*. В тексте вычитывается и коммуникема *благоразумия* человека, который находится в условиях опасности, и оказался в непредвиденной ситуации. Заехав на нейтральную территорию, рассказчик задумался о том, кому она может принадлежать, и не замужем ли владелица этой территории, но затем приходит к заключению, что она ему и не нужна, так как он является семейным человеком. Сама мысль о том, кому принадлежит земля, удивила рассказчика, но можно предположить, что на подсознательном уровне он хотел, чтобы у этой территории был владелец. И сразу же после такой мысли, случилось непредвиденное – фрау Шмидт стало плохо. Именно из этой ситуации вычитывается коммуникемный смысл, выраженный коммуникемой *предусмотрительности*, проявляющееся в размышлениях рассказчика о дальнейших действиях, о том, что он скажет, когда доставит мертвое тело старой дамы на пограничный пункт. В этой связи представим несколько синтагм линейных отношений (см. Рисунок 19, Рисунок 20 и Рисунок 21):

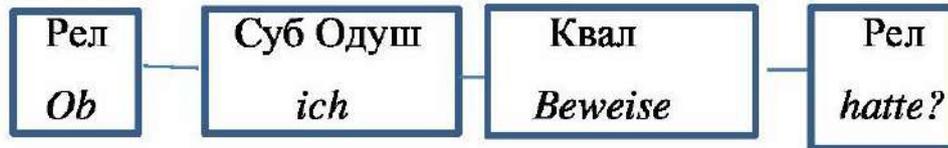

Рисунок 19. Линейная синтагма, выражающая коммуникему «предусмотрительность»

Литературный перевод: «Есть ли у меня доказательства?»

Рисунок 20. Линейная синтагма, выражающая коммуникему «предусмотрительность»

Литературный перевод: «Соответствует ли это последней воле фрау Шмидт?»

В следующей линейной синтагме явно названной лингвемой *проблема* также выражается коммуникема *предусмотрительности*.

Рисунок 21. Линейная синтагма, выражающая коммуникему «предусмотрительность»

Литературный перевод: «Теперь нам нет надобности обсуждать эту проблему».

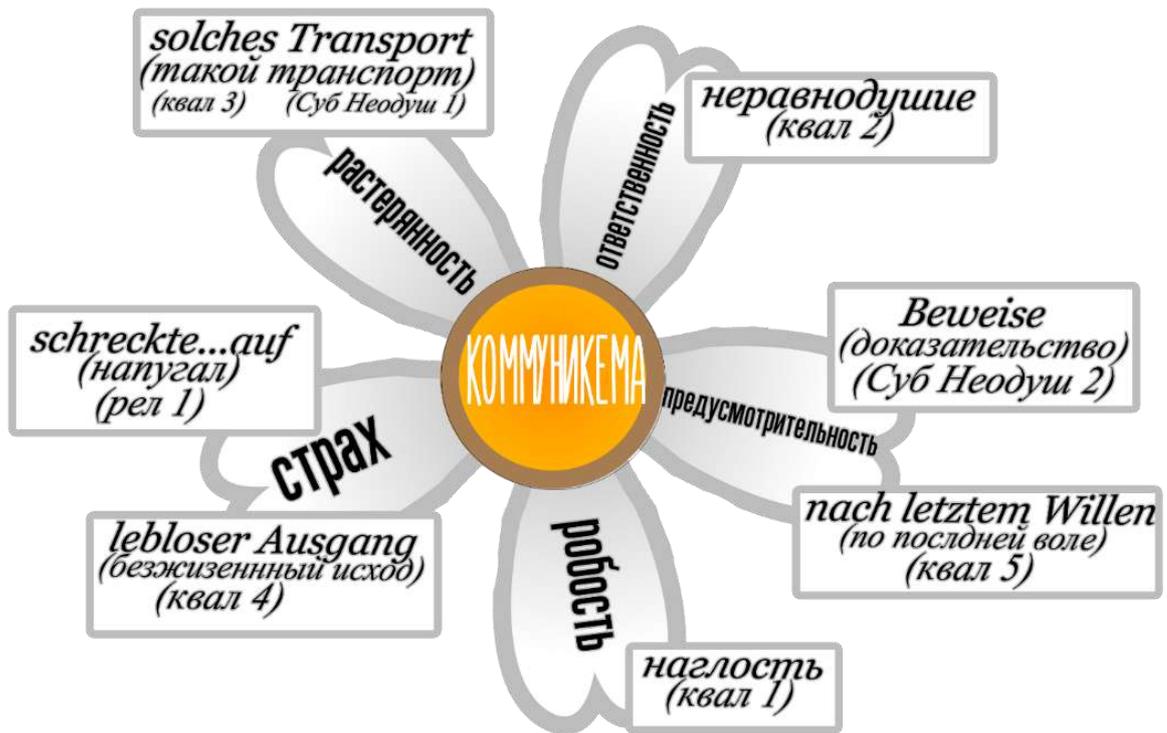

Рисунок 22. Коммуникема, обозначенная лингвемами субстанциального, квалитативного, реляционального блоков

Представленные примеры позволяют сделать вывод, что отдельные коммуникемы или коммуникативные смыслы находятся либо на поверхности текста, либо из него вычитываются. Коммуникема ориентирована на говорящего (субъекта, адресанта).

На эпюре представлено несколько коммуникем, выявленных в рассказе Г. Канта: растерянность, ответственность, предусмотрительность, робость, страх (см. Рисунок 22). Стоит отметить, что коммуникемы представляют собой персонифицированные качества, кроме того, все указанные коммуникемы по большей части выражаются в тексте посредством совокупности лингвем квалитативного блока. Отдельно взятые коммуникемы вступают во взаимосвязь с другими коммуникемами. Например, коммуникема страха, выраженная квалитативной лингвемой «безжизненный» и реляциональной лингвемой «напугал», взаимосвязана с коммуникемой ответственности, выраженной таким качеством как неравнодушие, а также с коммуникемой растерянности, выраженной возмутимостью персонажа везти старую даму на не пригодном транспорте. Неравнодушие рассказчика выражается в его отношении к старой даме. Таким

образом, выявленные коммуникемы носят положительный оттенок при восприятии текста реципиентом и выражаются действиями. В тексте целесообразно выделить несколько коммуникативных блоков (см. Рисунок 23):

Рисунок 23. Коммуникативный блок одушевленной субстанциальности

В интерпретируемом тексте малого жанра Г. Канта представляется возможным идентифицировать значимые для реципиента смыслы, так называемые, прагмемные. Вследствие этого, реципиент достигает следующей ступени понимания. Прагмема выполняет иллюкутивную функцию и делает акцент на глубинной цели высказывания, интенции повествователя (автора) [Фефилов, 2012: 199]. Прагмемные каналы повествования пересекаются в тексте с коммуникемными каналами. Указанные коммуникемы *робости, ответственности, растерянности, страха, предусмотрительности* приводят к выявлению периферийных прагмем, выраженные субстанциальностью *Menschen*

(душа человека), квалитативностями *Seele* (душа), *Tod* (смерть), *neutral* (нейтральная), локальностью *Gebiet* (территория), реляторами *abgemeldet* (выписана), *nicht angemeldet* (не вписана), *ausgetragen* (вычеркнута), *nicht eingetragen* (не занесена) и ядерной прагмемы, выраженной субстанцией *Gesellschaft* (общество), выраженной реляторами *zeigen* (показать), *verspotten* (высмеять), *dazu bringen* (побудить), квалитативностями *Unvollkommenheit* (несовершенство), *Ungleichgültigkeit* (равнодушие). На эпюре обозначена взаимосвязь ядерной прагмемы с периферийными прагмемами и их реализация в интерпретируемом тексте (см. Рисунок 24).

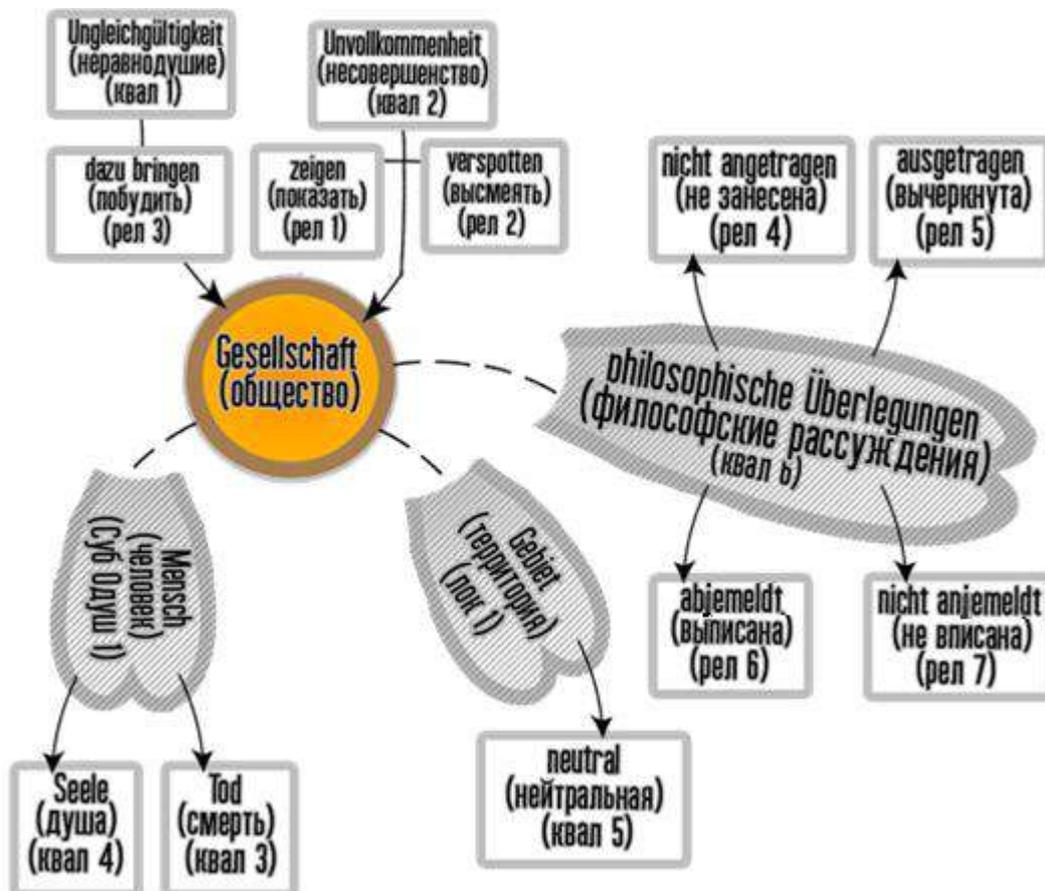

Рисунок 24. Ядерная и периферийные прагмемы

Целесообразным представляется отобразить взаимосвязь между коммуникативными и прагматическими блоками (см. Рисунок 25):

da, weil nirgendwo nachgewiesen. Abgemeldet, nicht angemeldet, ausgetragen, nicht eingetragen, von dort nicht mehr, von dort noch nicht...» («Вы прибудете туда, представитесь, да так и останетесь ни с чем, потому что нигде не зарегистрированы. Выписана, не вписана, вычеркнута, не занесена, уже не отсюда, еще не оттуда...») [Кант, 1984: 144] звучат явные сатирические мотивы, навязанные несовершенством в обществе и человеческих взаимоотношениях. Отсюда можно заключить, что цель адресанта (автора) текста заключается в том, чтобы показать и высмеять несовершенство общества, побудить адресата (общество) к равнодушию и самоанализу. Отсюда следует вывод, что прагмема ориентирована на объект воздействия – адресата.

Как отмечал П. Топер, немецкая литература XX века, по большей части, освещает трагические вопросы, а вот произведение Г. Канта построено на контрастах, с одной стороны – смешных и веселых, с другой стороны – трагических. При этом, как отмечает П. Топер в разговоре с Г. Кантом, трагические мотивы звучат сильнее, мотивы ужаса показаны явно, Г. Кант объяснял причину затрагивания трагических мотивов тем, что человеку пришлось пережить много печального, он видел много мрачных страниц истории [Кант, 1984: 308].

Если сравнить восточную субстанциальность с западной субстанциальностью с учетом качественности, то можно увидеть, что для восточной субстанциальности (на примере *Grenzmensch Ost* (пограничник в ГДР)) характерна такая качественная характеристика как подозрительность. Для западной субстанциальности (на примере *Grenzmensch West* (пограничник в ФРГ) и *Siegfried* (Зигфрид)) характерна такая качественная характеристика как сострадание. Для восточной субстанциальности *Frau vom Zoll* (таможенница), как было показано при выявлении коммуникативного смысла, характерны подозрительность, но по отношению к старой даме ей были свойственны противоположные черты – материнская забота, участливость в жизни постороннего человека. Литератору (представитель восточной субстанциальности) была свойственна при выявлении коммуникативного смысла наглость. Для главного персонажа (рассказчика) во время его пребывания в ГДР характерны

предусмотрительность и страх, а во время пребывания в ФРГ противоположная качественная характеристика – спокойствие. Сопоставление восточной и западной субстанциальности позволяет сделать вывод о том, что для Запада характерны скорее положительные черты, а для Востока – отрицательные, связанные с недоверием.

Название рассказа Г. Канта «Eine Übertretung» («Переход границы») означает при рассмотрении поверхностного смысла пересечение границы между ГДР и ФРГ на машине, а при выявлении глубинного смысла – переход от старой жизни к новой, от прошлого к будущему.

Фрау Шмидт олицетворяет все прошлое Германии до образования ГДР и ФРГ. Автор не случайно конкретной количественной характеристикой обозначает возраст Фрау Шмидт – девяносто два года, указывая тем самым на тот факт, что она была в осознанном возрасте в период существования нацистской Германии. На смену нацистскому режиму пришел социализм. ГДР стала символом новой Германии. Восток (Восточная Германия) означает восход нового, изменившейся жизни, надеждой на светлое долгое будущее, а Запад (Западная Германия) означает умирание старого. Таким образом, основной символический смысл данного рассказа – старая Германия умирает.

Уровень жизни населения ГДР существенно уступал уровню жизни в ФРГ. Следует также отметить, что в ГДР осуществлялся авторитарный контроль за поведением и даже мышлением жителей. Это стало причиной массовой миграции из Восточной Германии в Западную Германию. В большинстве случаев мигрировали представители интеллигенции, к которым относились ученые, учителя и врачи. До возведения Берлинской стены у жителей ГДР не было преград для смены жительства, и они беспрепятственно переезжали в ФРГ. С каждым годом возрастало число мигрантов, и с целью предотвращения массовых переездов была построена Берлинская стена, посредством которой законный переезд стал невозможен. Это привело к побегам жителей ГДР, многие из которых погибали при попытке к бегству, так как границу охраняли солдаты. Берлинская стена существовала с 1961 года до 1989 года. После ее разрушения Гельмут Коль

проводил декоммунизацию. Как известно, основная часть жителей бывшей ГДР были привержены коммунистической партии и лишились работы, материальных средств.

Цель последующего анализа заключается в построении коммуникемной и прагмемной структуры текста малого жанра и на основе фрагментов романа К. Вольф «Der geteilte Himmel» («Расколотое небо»), а также в выявлении зависимости коммуникемной структуры от типа логосемной структуры.

2.2. Когитологический подход к фрагментам романа К. Вольф «Der geteilte Himmel» («Расколотое небо»)

В качестве следующего примера приведем анализ логосем лингвемного состава фрагментов романа К. Вольф «Der geteilte Himmel» («Расколотое небо») (1963).

1. Субстанциальный блок: *die Leute* (люди), *Vater* (отец), *Mutter* (мать), *Rita* (Рита), *Mangold* (Мангольд), *Ermisch* (Эрмиш), *Rolf Meternagel* (Рольф Метернагель), *Erwin Schwarzenbach* (Эрвин Шварценбах), *Frau* (жена), *Kinder* (дети), *Frau Herrfurth* (госпожа Герфурт), *Marion* (Марион), *Sigrid* (Зигрид), *Martin Jung* (Мартин Юнг), *Eltern* (родители), *Ernst Wendland* (Эрнст Вендланд), *Herr Herrfurth* (господин Герфурт), *die Tante* (тетя), *Manfred* (Манфред), *Herbert* (Герберт), *Rudi Schwabe* (Руди Швабе), *der Professor* (профессор), *Dr. Müller* (доктор Мюллер), *Dr. Seiffert* (доктор Зейферт), *die Braut* (невеста) *Sozialist* (социалист) (одушевленные); *Häuser* (домики), *Sonnenball* (огненный шар), *die Blätter* (листья), *Linden* (липы), *Feuerwerk* (фейерверк), *Schneeglöckchen* (подснежники), *Himmelskuppel* (небосвод), *Himmel* (небо), *Wasser* (вода), *die Erde* (земля), *die Luft* (воздух), *Gesicht* (лицо), *Wolkenzug* (громада облаков), *die Luft* (воздух), *Guß* (ливень), *den Brief* (письмо), *Kleider* (костюмы), *Bücher* (книги), *die Ohren* (уши), *Köfferchen* (чемоданчик), *Birken* (березы), *Linden* (липы), *Schneeball* (калина), *Flieder* (сирень), *die Fremde* (чужбина), *Wolken Schleier* (дымка облаков) (неодушевленные).

2. Локальный блок: *die Stadt (город), Fabrikschornsteinen (заводских труб), in den Himmel (в небе), Dorf (село), Wald (лес), Wiese (луг), Feld (поле), aus dem Kreisstadtbüro (из конторы), mitten (в середине), vor ihrem Bürofenster (за окном конторы), in dem Dörfchen (в деревеньке), zu beiden Seiten (по обе стороны), auf dem Ackermeer (море пашен), aus Westen (с запада), unter der Erdkruste (от поверхности земли), nach Hause (домой), die Wohnung (квартира), das Zimmerchen (комнатка), bei den Sternen (к звездам), auf der Erde (на земле), am Fenster (у окна), von oben (сверху), aus der Nacht (из сумрака ночи), über dieser Landschaft (над этим ландшафтом), an einer Stelle (в месте), neben (рядом), an der Straßenbahnhaltestelle (на трамвайной остановке), über den Himmel (по небу), in die Sonne (на солнце), im Werk (на заводе), der Hof (двор), dort (там), aus der Kammer (из чердачной комнатки), Wohnsarg (гостиный гроб), Eßsarg (столовый гроб), Schlafsarg (спальный мешок), wohin (куда), in die Freiheit (на свободу), Sommerweite (солнечных просторов), über dem Grab (над могилой), im Schnellzug (в скорый поезд), nach Berlin (в Берлин), Vorhölle (преддверье ада), aus dem Osten (из Восточной зоны), im Ausland (за границей), in der Fremde (на чужбине), des Betriebes (предприятия), diesem Tisch (за одним столом), dem Druck (под напором), über dem Platz (над площадью), zwischen Tag- und Nachthimmel (между дневным и ночным небом).*

3. Темпоральный блок:

(1) план прошлого, к которому относится повествуемое событие; и, в которое включается:

(а) план отдаленного прошлого: *wieder (снова), abends (вечером), im Sommer (летом), Dunkelheit (сумерки), Herbst (осень), Jahr (год), April (апрель), Frühling (весна), nie (ни разу, никогда), kurz vor Herbst (на пороге осени), sofort (немедленно), Ende Juni (конец июня), Nächte (ночи), August (лето), Augustsonntag (воскресенье августа), des Winters (зимы);*

(б) план близкого прошлого (для персонажей это план грядущего завтра по отношению к прошедшему сегодня): *zu Heiligabend (в сочельник), morgen (завтра),*

in der Nacht (ночью), *gegen Morgen* (к утру), *solange* (до последнего часа), *noch* (еще), *wie lange* (как долго), *abends* (по вечерам);

(в) план ближайшего прошлого (для героев – наступившее сегодня): *heute* (сегодня), *um die Mittagszeit* (в обеденное время), *schließlich* (под конец), *vor der Trennung* (перед разлукой);

(2) план предпрошлого (воспоминательное, ссылочное время более глубокого прошлого): *bis* (пока), *seit* (с того времени), *dieses Jahres* (в тот год), *seit langem* (давно), *an dem Tag* (в тот день), *auf diesen Tag* (про этот день), *früher* (в прежние времена).

4. Реляциональный блок:

(1) экзистенционального типа: *war* (была, был);

(2) акционального типа:

(а) реальные действия: *zusehen* (наблюдать), *nimmt...zu* (крепчает), *zeigte* (показал), *standen* (стояли), *blies...herein* (обдувал), *lächelten* (улыбнулись), *räumen* (очистить), *stand* (стояла), *atmete* (дышал), *stank* (воняла), *zugetraut* (поверил), *blinzelten* (щурились), *öffnete sich* (разразилось), *freut...sich* (рада), *dachte* (подумала), *verstand* (поняла), *Schnee* (снег), *Wind* (ветер), *Lebenssaft* (жизненный тонус), *hatte...getan* (сделала), *denk* (помни), *weh tut* (болит), *sagte* (сказала), *lügen nicht* (не лгут), *schmerzte* (было больно), *mied* (избегала), *verlangte* (требовала), *verstummte* (замолчал), *starrte* (уставился), *weinen* (зарыдала), *lächelte* (улыбнулась), *bewirten* (угостить), *auszufragen* (выспросить), *machten...sich frei* (отказались), *geworben haben* (завербовали), *verachtet hast* (презирал), *rief* (воскликнул);

(б) ирреальные действия: *konnte...bestimmen* (определил бы), *hatte...gewinnen* (выиграл бы), *ist ... gegangen* (пошла бы), *wollte* (пожелал бы), *als konnte* (как будто не может);

(3) посессивного типа (обладание): *seiner* (его), *seinen* (его), *ihr* (ее), *dein* (твой);

(4) трансмотивного типа (передвижение): *führte* (вела), *verloren* (онадали), *war...gefallen* (выпал), *hervortreten* (проступят), *komme* (приду), *beeilte sich* (спешил), *kroch* (расползлся), *fuhr* (вырывалось), *sahen...nach* (провожали глазами),

geräumt (вынести), *ist gegangen* (ушел), *weggegangen* (ушел), *zurückzukehren* (возвращаться), *betrat* (переступала), *fliehen* (бежать), *faßte* (хваталась), *folgten* (проводжали), *zerteilen* (расколоть), *teilt sich* (раскалывается), *schick* (пришлю);

(5) темпорального типа: *wurde* (наступила), *warteten* (притаились в ожидании), *wurde* (стала), *hatte...verlassen* (расстался), *entschied sich* (переменилась), *geblieben* (остался), *wohnen* (жить);

(6) локутивного типа (говорение, речевое действие): *Vogelruf* (птичий крик).

5. Квалитативный блок:

(а) субстанциального типа: *mächtigen* (ветвистых), *wärmere* (теплый), *härtere* (более жесткие), *kühlen* (прохладное), *riesigen* (гигантских), *blauschwarzen* (иссиня-черный), *ruhigen* (тихом), *kühlen* (прохладный), *verschleierten* (задымленному), *bitter* (горький), *als sonst* (особенно), *heftig* (бурно), *reinen* (чистом), *verschleiert* (задымленный), *graue* (серое), *tiefblauen* (посиневшими), *blaue* (голубой), *leicht* (легкий), *schwer* (тяжелый), *hagere* (тощая), *schwarzgekleidete* (в черном), *hellen* (светлую), *Blau* (синева);

(б) локального типа: *rotdachtige* (красноверхие), *tiefhangende* (низко нависшее);

(в) реляционального типа: *lamentierende* (жалующиеся), *gefilterte* (рассеянный), *unfreundlicher* (неприветливей), *plötzliche* (внезапную), *Unrast* (тревогу), *verfluchtes* (проклятая), *gewohnt* (привычный), *atzenden* (разъедающим), *unter dem Einfluss* (под воздействием), *widernatürlich* (противоестественный), *Anfälle* (припадки), *hysterischen* (истерическим), *zufrieden* (довольна), *unangenehmen* (смутной), *Vorgefühl* (тревогой), *zufrieden* (удовлетворена), *Versuchungen* (искушениях), *schrecklichen* (страшных), *schwer* (трудно), *die Flucht* (бегство), *Wert* (ценность), *Zustimmung* (согласие), *Auflehnung* (протест), *Spiel* (притворство), *fremde* (чужие), *gleichgültig-ernsten* (равнодушно-суровыми), *anhob* (назойливый), *Pfingsten* (Троица), *schwankenden* (покачивающийся), *trostlos* (безутешно), *Gerechte* (праведные), *Ungerechte* (неправедные), *Unglauben* (недоверие), *Berstürzung* (изумление), *unsinnige Hoffnung* (безрассудную надежду), *die Trauer* (скорбь), *verstorbene* (умершей), *höflichen* (вежливыми), *schlimmer* (хуже), *ohne Hoffnung*

(безнадежностью), *verlorenes* (загубленная), *voller Haß* (вне себя от бешенства), *so wütend* (так зол), *wilde Verzweiflung* (безысходное отчаяние), *die schale Enttäuschung* (ужасное разочарование), *härteren* (суровой), *spöttisch* (иронически), *von Hoffnung und Sehnsucht* (надежд и стремлений), *von Liebe* (любви), *Trauer* (скорби), *ganze* (необъятный), *zärtlich* (нежно), *in die rußerfüllte* (в прокопченный), *gleichgültig* (безразличным), *Abschiedswehmut* (прощальная грусть), *schwergeprüfter* (убитый горем), *keine Angst* (без страха), *Freundlichkeit* (дружелюбие), *zornig* (раздраженной), *böse* (злой), *seltsamen* (удивительной);

(Г) темпорального типа: *die Morgensonne* (утреннее солнце), *verschneiten* (заснеженной), *dunklen* (темной), *untergehenden* (заходящего), *schneller* (быстрее), *künftigen* (будущей), *hastigen* (торопливый), *regnerischer* (дождливое), *in der Hitze* (от жары), *kein Hauch* (безветрие).

6. Квантитативный блок:

а) субстанциального типа: *zum drittenmal* (в третий раз), *von den zwei* (с двух), *der erste* (первый), *Millimeter* (миллиметр), *ersten* (первым), *noch mehr* (все больше), *ein paar* (пара), *aus hundert* (из сотни), *für die Meisten* (для большинства), *sechs* (шесть), *beide* (двоих).

В интерпретируемых отрывках из романа К. Вольфа также прослеживаются все основные логико-семантические аспекты повествования. Среди них выделяются субстанциальный, качественный, пространственный и временной каналы. Реляционный канал, который служит связующим звеном между субстанциальными и несубстанциальными понятиями, а также квантитативный канал, не являются независимыми.

Ниже предоставлены дистантные отношения лингвем (языкослов), которые взаимозависимы путем использования реляторов:

Темпоральность – *wieder* (снова)

Реляциональность – *wurde* (наступила)

Темпоральность – *Herbst* (осень)

Темпоральность – *Zu Heiligabend* (В сочельник)

Реляциональность – *war... gefallen* (выпал)

Суб Неодуш – *Schnee* (снег)

Суб Неодуш – *Der Wind* (ветер)

Реляциональность – *drehte* (повернул)

Локальность – *auf Ost* (на восток)

Следует обозначить некоторые каналы повествования субстанциального блока. Одушевленной, персонифицированной субстанциальностью являются: *Vater* (отец), *Mutter* (мать), *Rita* (Рита), *Mangold* (Мангольд), *Ermisch* (Эрмиш), *Rolf Meternagel* (Рольф Метернагель), *Erwin Schwarzenbach* (Эрвин Шварценбах), *Frau* (жена), *Kinder* (дети), *Frau Herrfurth* (госпожа Герфурт), *Marion* (Марион), *Sigrid* (Зигрид), *Martin Jung* (Мартин Юнг), *Eltern* (родители), *Ernst Wendland* (Эрнст Вендланд), *Herr Herrfurth* (господин Герфурт), *die Tante* (тетя), *Manfred* (Манфред), *Herbert* (Герберт), *Rudi Schwabe* (Руди Швабе), *der Professor* (профессор), *Dr. Müller* (доктор Мюллер), *Dr. Seiffert* (доктор Зейферт), *die Braut* (невеста).

На эпюре (см. Рисунок 26) обозначены реляции между указанными одушевленными субстанциями.

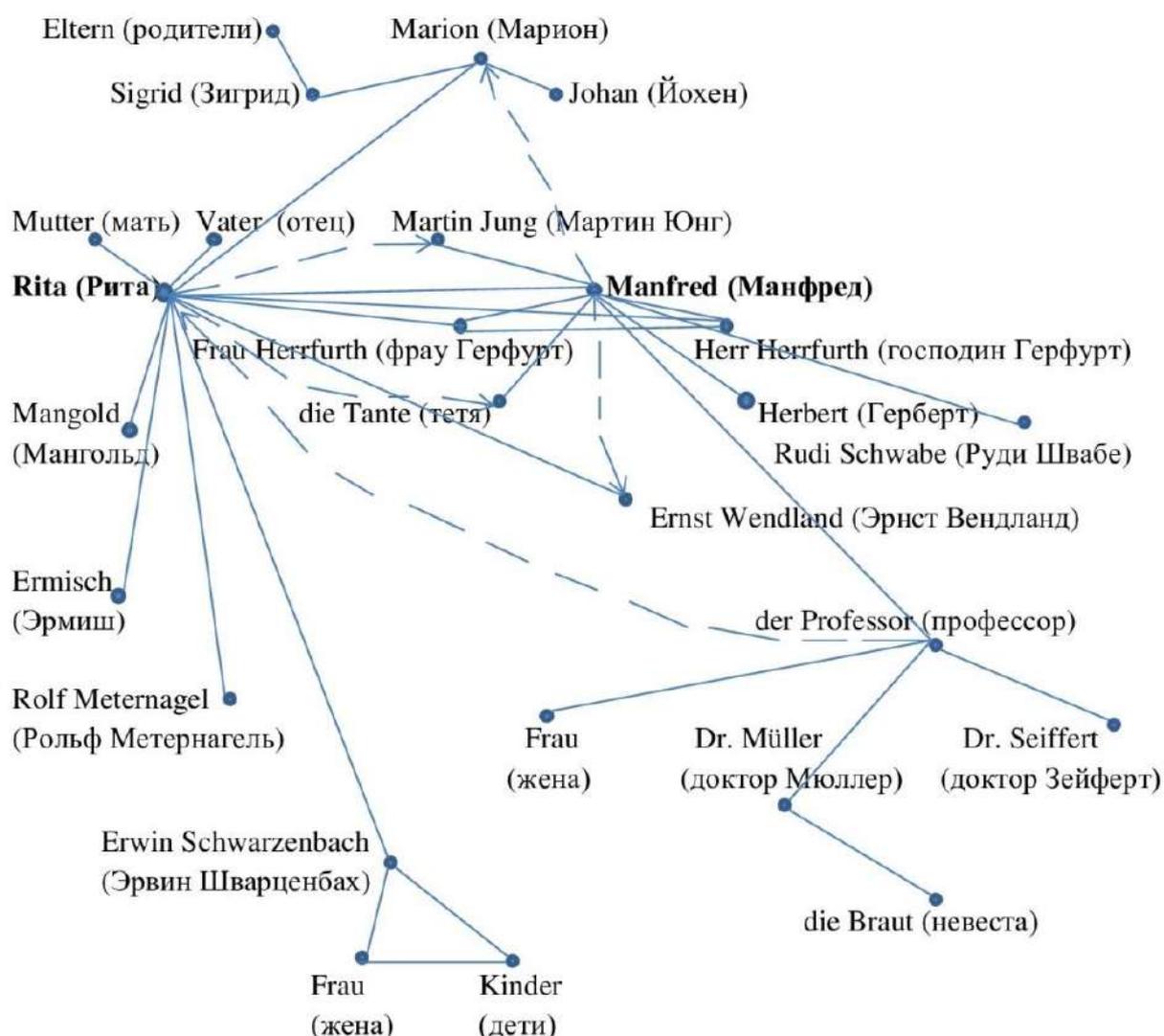

Рисунок 26. Реляции персонифицированной субстанциальности романа К. Вольф «Der geteilte Himmel» («Расколотое небо»)

Во фрагментах также представлена неодушевленная, сопутствующая субстанциальность: *Häuser* (домики), *Sonnenball* (огненный шар), *die Blätter* (листья), *Linden* (липы), *Feuerwerk* (фейерверк), *Schnee* (снег), *Wind* (ветер), *Schneeglöckchen* (подснежники), *Vogelruf* (птичий крик), *der Wind* (ветер), *Himmelskuppel* (небосвод), *Himmel* (небо), *Wasser* (вода), *die Erde* (земля), *die Luft* (воздух), *Gesicht* (лицо), *Wolkenzug* (громада облаков), *die Luft* (воздух), *Guß* (ливень), *den Brief* (письмо), *Kleider* (костюмы), *Bücher* (книги), *Lebenssaft* (жизненный тонус), *die Ohren* (уши), *Gesicht* (лицо), *Köfferchen* (чемоданчик), *Birken* (березы), *Linden* (липы), *Schneeball* (калина), *Flieder* (сирень), *die Fremde* (чужбина), *Wolkenschleier* (дымка облаков).

Манфред Герфурт является одним из главных персонажей. Читатель узнает из текста о нем следующее:

1. Манфред Герфурт – ученый-химик.
2. Он написал диссертацию на отлично.
3. Он был на внешность высоким и худощавым.
4. Он был аспирантом.
5. Он холодно смотрел на мать.
6. Он ненавидел отца.
7. Всегда учился в школе лучше всех, учился в юнгфольке.
8. Из-за нервной обстановки в семье кое-как окончил школу.
9. Был с актерским дарованием.
10. Назло матери не стал актером.
11. Учился на факультете естественных наук.
12. Он называл Риту «золотистой красавицей».
13. Он приехал к своей родственнице в село, где жила Рита.
14. Он познакомился с Ритой на танцах в ресторанчике.
15. Его детство прошло во время распада гитлеровского строя.
16. Он чувствует себя свободным и стремится к свободе, которую видит в Западном Берлине.
17. У него было много девушек, благодаря чему он понимал, в чем заключается особенность любви Риты.
18. До знакомства с Ритой он никогда не был привязан к девушке.
19. Он не поддержал решение Риты стать учительницей, аргументировав свою позицию тем, что она совсем не знает жизни.
20. Его устраивала дружба Риты и Марион.
21. Он считал позорным пятном то, что у него не было близкого друга.

Еще одной главной фигурой является Рита. О ней известно следующее:

Ей девятнадцать лет. Работала на заводе. У нее непростая жизнь. Она придерживается социалистической идеологии. Она склонна совершать ошибки. Она влюбляется в Манфреда из-за его творческих способностей. Она убеждена, что

рабочие с завода, у которых такая же непростая жизнь, помогут ей в трудный период. Она скрывает от всех новость о том, что родители ее подруги бежали в Западную Германию. Когда мать заболела, Рита заботилась о ней. Ее жизнь изменилась, когда она встретила Манфреда. Она едет учиться в город. Она переезжает жить в квартиру родителей Манфреда. Понаблюдав за людьми, Рита поняла, что в городе нет никому ни до кого дела. Риту интересовали причины того, почему люди живут в этом городе, что заставило их здесь жить. Глазами она искала родные горы, что-то похожее на то место, откуда она приехала, но не нашла. Она делилась своими переживаниями и счастливыми моментами в жизни с Марион.

Марион – близкая подруга Риты. Она была изящной блондиночкой-парикмахершей. Ее единственное увлечение было перелистывание журналов мод. Она часами листала журналы мод. Она хотела изменить привычки Риты. Манфред был единственным человеком, которого она уважала, но при этом признавалась, что с ним ей было бы скучно. Она была откровенна с Ритой. Она рассказала ей, что на самом деле ее зовут Марианна, но сама себя стала называть Марион, объяснив это тем, что в их время недопустимо быть Марианной. Она рассказала и о своей истории любви со слесарем мотостроительного завода.

Отец Риты пропал без вести на фронте. До войны он наносил узор кисточкой на кофейные чашки, из которых никто ни разу не пил.

Мать Риты работала в поле, а позже на текстильной фабрике.

Эрвин Шварценбах – представитель учительского института. Он предложил Рите заполнить анкету для поступления в институт. Он был доцентом. Он призывает к правде и был убежден, что доверие человека представляет собой высшую ценность. Он называет правду ключом к душе человека. Он говорил Рите: «В наше время учителю необходимо познакомиться с работой большого предприятия» [Вольф, 1979]. Он преподавал у Риты историю. Он был единственным человеком, который мог понять Риту. Он был коммунистом.

Жена Эрвина Шварценбаха была учительницей.

Мангольд был начальником отдела. Он учился с Ритой в одной группе. Мангольду было не больше тридцати лет. Он знал ответы на все вопросы. Он знал

наизусть все цитаты, было видно, что не один год зазубривал их. Он поймал молодого доцента на ошибке.

Профессор был крупным химиком. Он любил больше всего в жизни свой успех и славу. Он проявлял к Манфреду дружелюбие и уделял ему больше внимания, чем другим своим ученикам. При взгляде на своих учеников профессор испытывал печаль, но брал себя в руки, чтобы это скрыть. Из синтагмемы вертикальных отношений вычитывается, что в этом виноват он сам, понимание того, что он не лучше своих учеников (см. Рисунок 27).

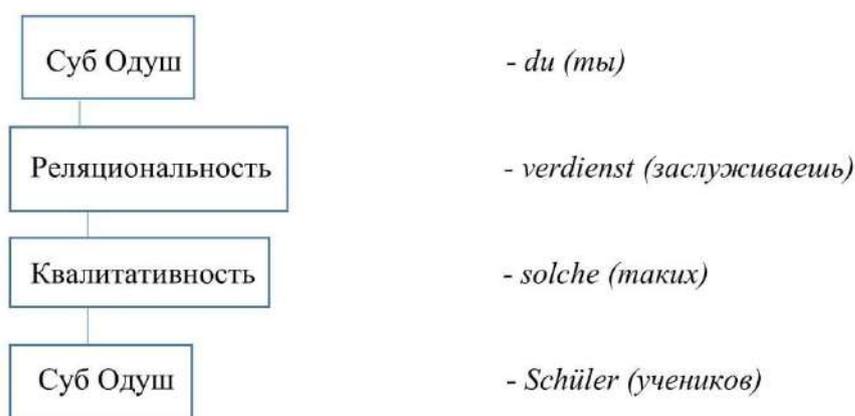

Рисунок 27. Синтагмема вертикальных отношений из романа К. Вольф «Der geteilte Himmel» («Расколотое небо»)

Супруга профессора отмечала, что ее муж слишком скромный и забыл упомянуть о премиях, которые получил на гонках.

Рольф Метернагель называл Риту дочкой.

Фрау Герфурт – мать Манфреда. Она мечтала о славе. Она не хотела делить сына с другой девушкой (Ритой). Она по-своему трактовала слова сына, в свою пользу, и даже приписывала им чувство любви сына к ней. Она подбирала шляпки в тон костюмам.

Господин Герфурт – отец Манфреда. Он изменял жене, вступил в отряд штурмовиков. Он ударил сына на глазах других людей, показывая, кто в доме глава. Он являлся коммерческим директором вагоностроительного завода. Он хорошо относился к Рите.

Эрнст Вендланд был начальником производства. Он вел себя сдержанно. В его присутствии настроение праздника изменилось. Все стали вести себя

демонстративно громко и привлекать к себе внимание, тем самым выступая против его неодобрения празднования рождения бригадира. Он не обладал ораторским искусством, скупое, по-деловому рассказывал о положении дел на заводе в период простоя. Он призвал рабочих выполнять свою работу на совесть. Он был убежден, что недоверие причиняет людям боль, но задевает больше молодежь.

Мартин Юнг был молод, по профессии работал инженером на заводе. Он писал дипломную работу под научным руководством Манфреда. Он интересовался многими вещами, но больше всего привлекала своя специальность. Девушки практически не интересовали его. К Манфреду испытывал почтительное, но в то же время робкое чувство, сравнимое с обожанием. С профессором у него не было ничего общего, кроме работы. Такой смысл вычитывается из синтагмемы вертикальных отношений (см. Рисунок 28):

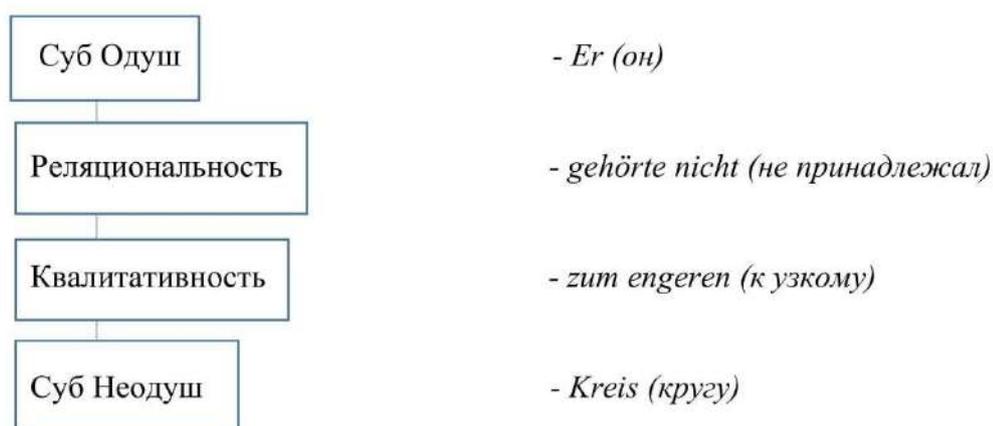

Рисунок 28. Синтагмема вертикальных отношений из романа К. Вольф «Der geteilte Himmel» («Расколотое небо»)

Зейферт говорил много о науке. Он относился к поколению, которое с самого начала было втянуто в войну. Он был старшим по званию среди сотрудников и был тем самым ближе других к креслу профессора. Он был таким человеком, который больше осведомлен о жизни других людей, о событиях своей жизни делился не охотно.

Невеста доктора Мюллера редко говорила на мероприятиях с присутствующими. Было очевидно, что от нее не требовалось красноречия.

Руди Швабе был другом Манфреда и его одноклассником. Он был самым молодым. Он намеревался работать в деканате университета.

Зигрид всегда сидела рядом с Ритой. Она была одногруппницей Риты. Они ничего друг о друге не знали.

Родители Зигрид сбежали в Западную Германию.

Ранее было отмечено, что качественный канал является в анализируемых фрагментах текста одним из основных. Стоит выделить, что особо ярко представлены качественные характеристики одушевленных субстанциальностей «Манфред», «профессор», «фрау Герфурт» и «доктор Зейферт», «Эрнст Вендланд» (см. Рисунок 29).

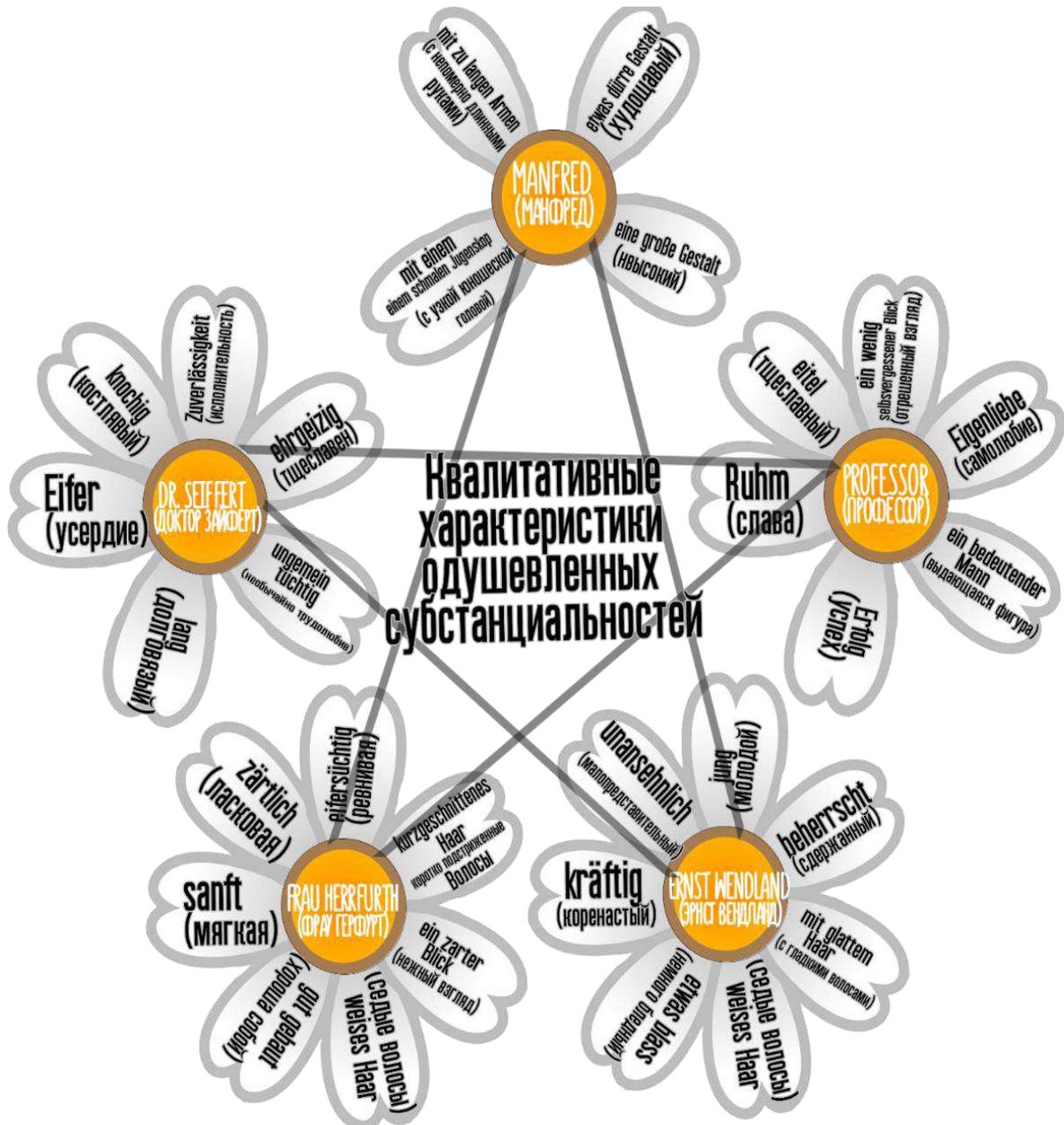

Рисунок 29. Квалитативные характеристики одушевленных субстанциальностей

С целью более детального рассмотрения реляционального блока, представим некоторые субъектно-предикатные отношения (S – P). Тема задается в субъекте, а раскрывается в предикате. В одном предложении можно видеть несколько предикатов. Примеры: «*Die Leute, seit langem an diesen verschleierte[n] Himmel gewohnt, fanden ihn auf einmal ungewöhnlich und schwer zu ertragen, wie sie überhaupt ihre plötzliche Unrast zuerst an den entlegensten Dingen ausließen*» («Люди, давно привыкшие к задымленному небу, вдруг стали его ощущать как нечто непривычное и тягостное, да и вообще старались поначалу свалить свою внезапную тревогу на

самые отвлеченные предметы») [Вольф, 1979]; «*In der Nacht entschied sich das Wetter anders. Der Wind drehte auf Ost, er wuchs zum Sturm, und gegen Morgen sah es nach Frost aus*» («Ночью погода круто переменилась, ветер повернул на восток, перешел в бурю, и к утру даже подморозило») [Вольф, 1979]; «*Die Arbeiter blinzelten in die Sonne, die noch mild war, sie sahen dem Wolkenzug nach, der vereinzelt weiße Wolkenfedern auf immer der gleichen Bahn quer über den Himmel trieb und wunderten sich, wie durchsichtig um die Mittagszeit die Luft wurde*» («Рабочие щурились на нежаркое весеннее солнце, провожали глазами громаду облаков, за которой по неизменной небесной колее бежали мелкие перистые облачка, и не могли надивиться, как прозрачен в обеденное время воздух») [Вольф, 1979]; «*Mühe los nahmen sie steile Straßen, passierten bunte Fachwerkdörfer und rollten auf schwindelnden Windungen in eine tannenumsäumte Schlucht hinab*» («Без напряжения взобрались по крутым дорогам вверх, проскочили несколько красочных деревень и по головокружительному серпантину спустились в ущелье») [Вольф, 1979].

Реляциональный блок, тесно взаимодействующий с субстанциальным блоком, также переплетается с качественным и локальным блоками. Приведенные примеры с многомерным предцированием позволяют проследить то, что повествование во фрагментах интерпретируемого текста К. Вольф «*Der geteilte Himmel*» («Расколотое небо») как и в рассказе Г. Канта «*Eine Übertretung*» («Переход границы») построено на контрастах. То погода благоприятная и солнечная, точно отражает внутреннее состояние персонажей и обостренную политическую ситуацию в ФРГ и ГДР, то резко меняется и становится неустойчивой, хмурой, как и жизнь действующих в тексте персонажей. Приведем фрагменты, где наиболее четко прослеживается отражение изменений в природе на жизни Риты и Манфреда, и показаны контрасты:

«*Das ist kein schwankender Boden mehr, auf dem ich gehe. Zum erstenmal betretete ich festes Land. Sie schafft es, sie macht mich im Leben fest. Wie habe ich nur denken können, man konnte das Vermögen, glücklich und unglücklich zu sein, durch irgend etwas anderes ersetzen? Wie kann man sich nur an Teilnahmslosigkeit gewöhnen? Euridike holt Orpheus aus dem Schattenreich; doch der erste Lichtstrahl, der ihn trifft,*

unterwirft ihn auch wieder den Gesetzen der wirklichen Dinge. Mittags kamen sie in eine saubere bunte Stadt am Nordhang des Harzes. Zuerst lag sie wie aus der Spielzeugschachtel aufgebaut zu ihren Füßen, dann hielten sie Einzug unter dem Gebimmel der Mittagsglocken unzähliger kleiner Kirchen. Das Blau der Luft verflüchtigte sich in der Sonnenglut, und die Himmelskuppel wurde der Erde leicht. Dafür drückte die Hitze die Menschen in den schmalen Schattenstreifen der Straßen» [Wolf, 1973: 64] («Ныне я уже не ступаю по зыбкой почве, как бывало раньше. Впервые я стою на твердой земле. И это совершила Рита, она вливает в меня жизненные силы. Как мог я подумать, будто величайшие ценности человеческого существования – безоблачное счастье и горькие муки – можно чем-либо заменить? Как можно притерпеться к душевной холодности? Эвридика вывела Орфея из подземного царства; и первый же луч света, упавший на него, подчиняет его вновь законам действительности. К обеду показался чистенький пестрый городок на северных склонах Гарца. Вначале он возник где-то внизу, совсем игрушечный, но вскоре они уже въезжали в него под колокольный перезвон неисчислимых церквушек. Густая голубизна горного воздуха словно растворилась в солнечном мареве, и небесный свод больше не давил своей тяжестью. И все же люди жались к домам, ища спасения от гнетущего зноя» [Вольф, 1979].

Внутреннее эмоциональное состояние Манфреда выражено в данном фрагменте посредством описания природы. Первое предложение «*Das ist kein schwankender Boden mehr*» («Ныне я уже не ступаю по зыбкой почве») коррелирует с предпоследним предложением «*Die Himmelskuppel wurde der Erde leicht*» («Небесный свод больше не давил своей тяжестью»). Отсюда вычитывается коммуникемный смысл, выраженный коммуникемой *определенности и спокойствия*. С Ритой Манфред чувствовал себя спокойно. Данная коммуникема вычитывается в размышлениях Манфреда и в контрасте, представленном в виде лингвем «*glücklich*» («счастливый») и «*Teilnahmslosigkeit*» («душевная холодность»).

«In nordwestlicher Richtung könne man, hörten sie den Burgführer, die Stadt B. sehen, die schon im Westen liege. Wenn das Wetter klar sei. Das Wetter war klar. Alle

Leute auf dem Turm drängten sich in der nordwestlichen Ecke zusammen und starrten auf die ferne, im Dunst verschwimmende Andeutung einer westdeutschen Stadt wie auf eine Fata Morgana. Aus irgendeinem Grund, aus sehr verschiedenen Gründen schwiegen sie alle» [Wolf, 1973: 65] («На северо-западе бывает виден город Б., расположенный в Западной Германии. В ясную погоду. Погода была ясная. Все, собравшиеся на башне, сгрудились у ее северо-западной стороны, разглядывая далекие, расплывающиеся в знойной дымке очертания западногерманского города, словно перед ними возникла фата-моргана. По какой-то причине, по очень разным причинам все молчали») [Вольф, 1979].

В данном фрагменте релятором «*schwiegen*» («молчали») выражено то, что не названо отдельными лингвемами – напряжение, беспокойство и нестабильность. Разделение Германии коснулось всех немецких семей. Люди молчали из чувства страха и предосторожности, даже боли. Писательница сравнивает очертания города в Западной Германии с фата-моргана, то есть как со сложным явлением, в составе которого миражи с искаженными объектами. Западная Германия воспринималась миражом, чем-то расплывчатым. Отсюда выводится коммуникемный смысл, выраженный коммуникемой *неопределенности*. В этом же фрагменте представлен контраст. С одной стороны, – ясная погода, а с другой стороны, – неопределенность и беспокойство внутри.

«Einen dritten gemeinsamen Winter gab es nicht. Unwiederholbar in der bittersten Bedeutung dieses Wortes ist der Erinnerung der Wechsel der Farben, der in den letzten Monaten des Jahres in dem kleinen Fensterquadrat stattfindet: von grell und heiß und bunt zu fahl und kühl und blass. Unwiederholbar bleibt die allmähliche Veränderung des Lichts über den Stadtdächern, dem Flußbogen und der flachen Ebene, unwiederholbar die kostbare Widerspiegelung dieses Lichts in Manfreds Augen. Wir wussten damals nicht – keiner wusste es -, was für ein Jahr vor uns lag. Ein Jahr unerbittlichster Prüfung, nicht leicht zu bestehen. Ein historisches Jahr, wie man später sagen wird» [Wolf, 1973: 88] («Третьей совместной зимы им пережить не пришлось. Неповторима, в самом горьком смысле этого слова, смена красок в квадрате их окошка в последние месяцы года: от ярких, теплых, пестрых до блеклых, холодных, бесцветных.

Неповторимо постепенное изменение света над городскими крышами, над излучиной реки и над долиной, неповторимо пленительное отражение этого света в глазах Манфреда. Мы и не знали тогда – да и кто мог знать, - какой нам предстоит год. Год суровых испытаний, выдержать которые не легко. Исторический год, как его назовут позднее») [Вольф, 1979].

В словосочетании «*ein Jahr unerbittlichster Prüfung*» («год суровых испытаний») переплетается лингвема с темпоральным значением с качественной лингвемой. Из словосочетания «*einen dritten gemeinsamen Winter*» («третьей совместной зимы») посредством количественности указан точный отрезок времени, когда Рита и Манфред были вместе. То, что они были счастливы, позволяет утверждать контраст, выраженный лингвемами качественного и темпорального блока: «*in den letzten Monaten des Jahres*» («в последние месяцы года») и «*von grell und heiß und bunt zu fahl und kühl und blass*» («от ярких, теплых, пестрых до блеклых, холодных, бесцветных») [Вольф, 1979].

В целом речевую ситуацию в тексте можно описать как трагичную. На это указывают следующие слова и словосочетания качественного блока: *gleichgültig-ernsten* (равнодушно-суровыми), *anhob* (назойливый), *trostlos* (безутешно), *Ungerechte* (неправедные), *Unglauben* (недоверие), *Berstürzung* (изумление), *unsinnige Hoffnung* (безрассудную надежду), *die Trauer* (скорбь), *verstorbene* (умершей), *schlimmer* (хуже), *ohne Hoffnung* (безнадежностью), *verlorenes* (загубленная), *voller Haß* (вне себя от бешенства), *so wütend* (так зол), *wilde Verzweiflung* (безысходное отчаяние), *die schale Enttäuschung* (ужасное разочарование), *härteren* (суровой), *Trauer* (скорби), *gleichgültig* (безразличным), *Abschiedswehmut* (прощальная грусть), *schwergeprüfter* (убитый горем).

Рассмотрим линейную синтагму (см. Рисунок 30):

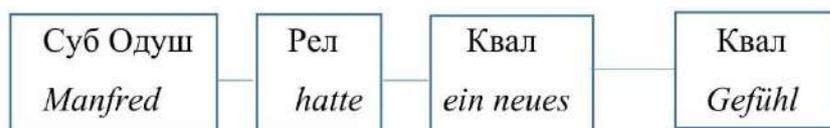

Рисунок 30. Линейная синтагма

Литературный перевод: «Манфред ощутил новое чувство».

Посредством вертикальной синтагмемы вычитываются определенные чувства, которые испытывал персонаж, когда потерпел неудачу с проектом (см. Рисунок 31).

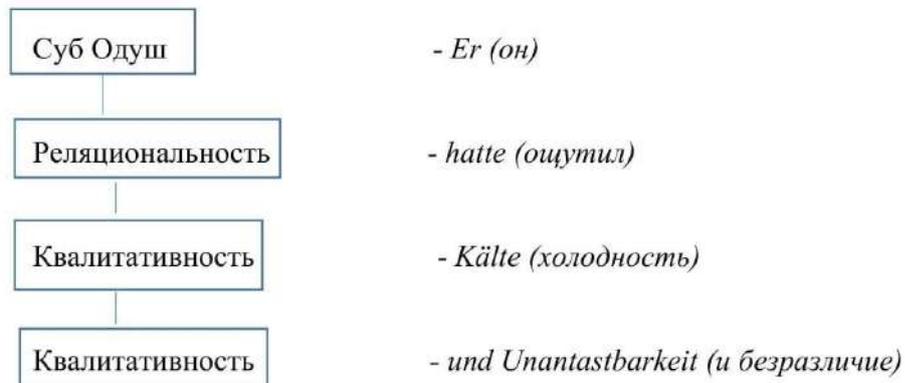

Рисунок 31. Вертикальная синтагмама, в основе которой лингвемы квалитативного блока

Именно эти чувства, выраженные лингвемами из квалитативного блока, спровоцировали Манфреда бежать в Западный Берлин.

Наряду с квалитативностью особое место в тексте занимает локальность, которая конкретизирует место работы Риты – завод. Казалось, что от небольшого завода зависит очень многое. Трудности, с которыми столкнулась Германия в последние годы, как будто сосредоточились на этом заводе. В Западной Германии знали о существовании этого завода и даже сообщали о нем по радиостанции, на которой выступал бывший директор завода. Он призывал рабочих со стремлением к свободе, как и он сам, перебраться в ФРГ. Рабочие относились к своему бывшему начальнику как к предателю завода и государства в целом. После его выступления с призывом покинуть ГДР производительность завода падала. Рита очень переживала из-за простоев. Руководители завода говорили рабочим: «*Keine Arbeit! Kein Material!*» [Wolf, 1973: 53] («*Нет работы! Нет материалов!*») [Вольф, 1979]. В данной речевой ситуации вычитываются глаголы со значением призыва, относящиеся к классу экзерситивов. Посредством таких глаголов читатель узнает о причинах падения производительности завода, которое приводит к простоям. Посредством словосочетания «стремление к свободе» с наличием лингвемы, относящейся к квалитативному блоку, вычитывается причина побега директора

завода в ФРГ. Из этой же речевой ситуации вычитываются также глаголы-комиссивы, выраженные определенной позицией рабочих к призывам начальника завода и к нему самому (предатель завода и государства). В предложениях «*Keine Arbeit! Kein Material!*» («*Нет работы! Нет материалов!*») [Вольф, 1979] читатель узнает результат иллокутивного акта. В данном фрагменте ситуация на заводе сопоставляется с ситуацией в Германии, заключавшаяся в побегах людей из ГДР в ФРГ, протестах рабочих и простоях на производстве. Сложившаяся политическая и социальная ситуация в Германии вычитывается в следующем фрагменте: «*Stumm hörte sie an, was die Frau wußte: Unheimliche Dinge geschahen; die Flucht guter Bekannter von früher wurde immer häufiger – unverständlich, nicht wahr, bei ihrem Auskommen hier! -, dann wieder wurden ehrbare Leute plötzlich als Verbrecher entlarvt und in den Prozessen von den Richtern mit allen möglichen Ausdrücken belegt* («*Abwerber! Menschenhändler! Ich bitte Sie: Sind wir den im Mittelalter?*»)...«*Das Volk, sagte Frau Herrfurth, das Volk denke So kann es nicht weitergehen!*» [Wolf, 1973: 123] («*Молча выслушивала она новости этой почтенной дамы: жуткие вещи творятся вокруг, бегство добрых знакомых стало повседневным явлением. Или еще того хуже: всеми уважаемых людей вдруг разоблачают как преступников, и на процессах судьи клеймят их в самых немислимых выражениях. («Вербовщики! Торговцы живым товаром!»...)* Народ, говорила фрау Герфурт, народ считает, что так дальше продолжаться не может!» [Вольф, 1979].

Далее местом действия является дом семьи Герфуртов, куда Рита возвращалась каждый вечер с работы. По вечерам вся семья Герфуртов собиралась за столом. Мать Манфреда смущала Риту, общей беседы не получалось. На Риту оказывал давление контраст, где с одной стороны был шумный цех завода, а с другой – тишина за ужином у Герфуртов. Для Риты было удивительно, как сочетаются неутомимая энергия рабочих на заводе и напряженное молчание семьи Герфурт. Повествование снова строится на контрасте, в основе которого лежат лингвемы локального блока. С одной стороны, – завод, а с другой – дом Герфуртов.

Из синтагмемы вертикальных отношений выводится, что фрау Герфурт привлекала Западная Германия (см. Рисунок 32). Известно, что ее родная сестра

жила там. Фрау Герфурт хотела, чтобы и ее сын жил и реализовался в профессиональном плане именно в Западной Германии.

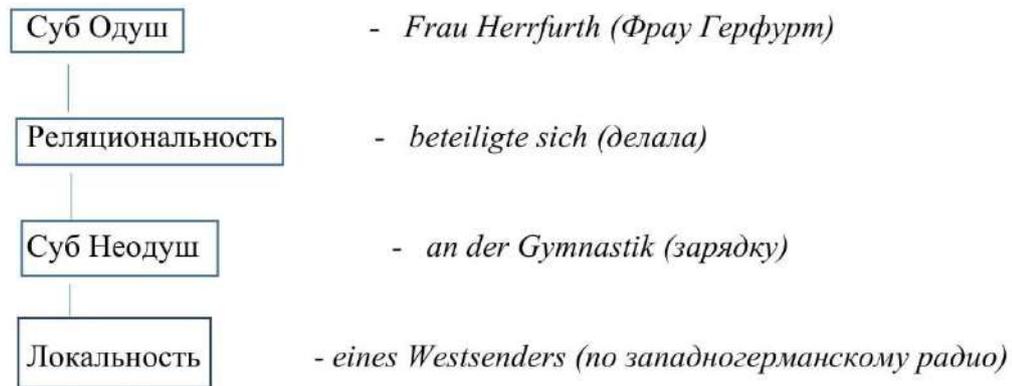

Рисунок 32. Вертикальная синтагма, в основе которой лежит лингвема из локального блока

Логосемная составляющая, например: «*Sie war zufrieden mit ihrem Dorf*» («*Ей нравилось родное село*») [Вольф, 1979] констатирует факт. Здесь коммуникативная составляющая исчерпана констатацией факта, то есть субъект выражает свою благосклонность к определенной местности. Также в этом предложении прослеживается связь констатации факта с коммуникемой, ориентированной на адресанта. Предложение «*Sie war zu den hysterischen Anfällen fähig*» («*Она была подвержена истерическим припадкам*») [Вольф, 1979] могло быть сказано адресантом с разными интенциями, например, для информирования о том, что человеку свойственно находиться в нервном состоянии. Речь идет о перлокуции, то есть руководству к действию. В данном случае – не доводить человека до такого состояния или не обострять это состояние. Это может быть и рекомендация – избегать общения с человеком, когда он находится в нервном состоянии. Речь может идти и о перлокутивном акте – истерический припадок может привести к инфаркту или инсульту. Предложение «*Er warf Martin einen abschätzenden Blick zu*» («*Он бросил на Мартина презрительный взгляд*») [Вольф, 1979] также может быть сказано с разными коммуникативными намерениями, например, для информирования адресата о своем отношении к конкретному лицу. Человек, о котором идет речь, вызывает у адресанта презрение, которое может сопровождаться гневом или раздражением.

Посредством интерпретации фрагментов текста реализуется проникновение в его коммуникативную и прагматическую суть. В предложении «*Eines Nachts, unerwartet, setzen die Herbstregen ein*» («Однажды ночью неожиданно-негаданно полили осенние дожди») [Вольф, 1979] актуализируется эшелонизированное предцирование, результатом которого являются следующие когниции:

- конкретный день не определен;
- действие происходит ночью осенью;
- погода не предвещала дожди.

В предложении «*Verlassen liegt der aufgeweichte Park*» («Пустынно в размокшем парке») реализуются следующие когниции:

- в парке не было людей;
- кто-то видит, что в парке никого нет;
- шел дождь или закончился недавно.

В следующем предложении «*Ein wenig Vertraulichkeit zwischen ihnen*» («Между ними была дружеская близость») актуализируется эшелонизированное предцирование, результатом которого являются когниции:

- существует двое или несколько людей, которых что-то объединяет;
- у этих людей хорошее отношение друг к другу;
- люди знакомы достаточно долгое время.

В предложении «*Draußen fahren die Nachtzüge*» («Снаружи мчатся ночные поезда») реализуются когниции:

- кто-то видит из окна дома предположительно железнодорожный вокзал;
- поезда не стоят на станции, а направляются из пункта А в пункт Б;
- поезда двигаются в определенном направлении в ночное время суток.

В предложении «*Rita fragte angstvoll*» («Рита спросила со страхом») реализуются следующие когниции:

- кому-то был адресован вопрос;
- адресант испытывает конкретные эмоции, вызванные чувством страха;
- ожидается агрессивная или нежелательная реакция и ответ на поставленный вопрос со стороны адресата;

- чем вызвана необходимость задавать этот вопрос.

В предложении «*Sie werden jeden Abend aus verschiedenen Kindergarten zusammengeholt*» («*Их забирают их по вечерам из разных детских садов*») [Вольф, 1979] реализуются когниции:

- дети ходят в детских сад;
- они добираются из детского сада самостоятельно;
- домой они возвращаются только вечером;
- весь день дети проводят в детском саду.

Из приведенных примеров следует вывод, что одновременно можно выявить несколько коммуникативных смыслов. Из сообщения «*Manfred war zwar an Enttäuschungen, nicht aber an Niederlagen gewohnt*» («*Манфред привык к разочарованиям, но не к поражениям*») выводится, что персонаж занимает активную лидерскую позицию, привык добиваться своего, не сдаваясь, добиваться своей цели. Из сообщения «*Ich lebe nur für den Tag, da Du wieder bei mir bist*» («*Я живу ожиданием того дня, когда ты снова будешь со мной*») [Вольф, 1979] выводится, что люди были вынуждены расстаться. Из данного сообщения вычитывается желание со стороны адресанта объединиться с адресатом сообщения, также коммуникема *надежды* на то, что они снова будут вместе. Сообщение «*Sie mied Menschen*» («*Она избегала людей*») [Вольф, 1979] позволяет заключить, что у Риты не было желания и намерения вступать с кем-либо в коммуникативный акт. Далее в тексте ее поведение объясняется посредством вычленения коммуникемы *разочарования* в близком человеке, которому девушка доверяла.

В интерпретируемом тексте реципиент находит большое количество диалогов с ярко выраженной эмоциональной составляющей, представленной в виде интонационных предложений (вопросительных или восклицательных). Путем помещения единицы речи в речевую ситуацию она обрастает коммуникативными смыслами, вычитывание которых способствует пониманию названия текста «Расколотое небо». Для рассмотрения представим фрагмент текста в форме диалога между главными персонажами Ритой и Манфредом:

- «*Was suchst du? – fragte Rita angstvoll*» («*Чего ты ищешь? – спросила со страхом Рита*»)

- «*Den festen Punkt, - erwiderte er. Den man braucht, um sich nicht ganz zu verlieren*» («*Точку опоры ответил он. Она необходима человеку, чтобы не погибнуть...*»)

- «*Bei mir suchst du ihn?*» («*И ты ищешь ее у меня?*»)

- «*Wo sonst?*» («*А где же еще?*»)

- «*So warst du meiner nicht mehr sicher?*» («*Значит, ты не был во мне уверен?*»)

- «*Doch. Mein braunes Fräulein...Lass mich immer sicher sein, ja?*» («*Нет, был. Всегда внушай мне уверенность. Моя золотистая девочка...Договорились?*»)

- «*So sicher du willst*» («*Конечно, договорились*») [Вольф, 1979].

Данный диалог позволяет утверждать о значении для главных персонажей быть друг с другом, значимость их любви и их места в жизни друг друга. Вместе с тем наличие большого количества вопросов способствует вычитыванию коммуникем *сомнения и неопределенности*. Манфред потерял уверенность в завтрашнем дне, сомневался, что его ждет светлое будущее. Он ищет стабильности и уверенности в близком человеке, которым являлась Рита. Связь Риты и Манфреда можно сравнить с небом, как что-то не делимое и единое.

С целью выявления смысловой нагрузки текста важно рассмотреть фрагмент из текста с описанием неба и с вкраплением диалогической речи. Он начинается с воспоминания Риты их прогулки с Манфредом по ночному Западному Берлину:

«*...lenkte ihre Blicke nach oben. Genau über ihnen verlief, quer über dem großen Platz, die Grenze zwischen Tag- und Nachthimmel. Wolken Schleier zogen von der schon nachtgrauen Hälfte hinüber zu der noch hellen Tagseite, die in unirdischen Farben verging. Darunter – oder darüber? – war Glasgrün, und an den tiefsten Stellen sogar noch Blau... Früher suchten sich Liebespaare vor der Trennung einen Stern, an dem sich abends ihre Blicke treffen konnten*» («*Они невольно посмотрели вверх – как раз над их головами и наискось, над всей пустынной площадью пролегла граница между дневным и ночным небом. Дымка облаков тянулась с ночной, уже посеревшей половины на еще светлую сторону, дневную, где разлились неземные краски.*»)

Понизу – или поверху? – еще виднелся прозрачный зеленый тон, а где-то совсем далеко сохранилась даже глубокая синева... В прежние времена влюбленные перед разлукой выбирали себе звезду, чтобы по вечерам встречаться на ней взглядом»)

- «Was sollen wir uns suchen?» («Что же выбрать нам?»)

– «Den Himmel wenigstens können sie nich zerteilen», sagte Manfred spöttisch. Den Himmel? Dieses ganze Gewölbe von Hoffnung und Sehnsucht, von Liebe und Trauer?» (Небо они, слава богу, расколоть не могут! – иронически заметил Манфред. Небо? Этот необъятный купол, вместилище надежд и стремлений, любви и скорби?)

- «Doch», sagte sie leise. Der Himmel teilt sich zuallererst» («Могут, - тихо промолвила она. – Прежде всего раскалывается небо)

- «Dein Koffer!» Er sah, daß sie nicht mehr zurückgehen wurde. «Ich schick ihn dir». «Geh», - sagte Manfred. Er lächelte (sie soll ihn lächeln sehen, wenn sie an ihn denkt). Leb wohl, braunes Fräulein», sagte er zärtlich» (А твой чемодан! – Он понимал, что возвращаться за чемоданом она не захочет. – Ладно, я пришлю его потом. – Иди, - сказал Манфред, - иди! Он улыбнулся (пусть, вспоминая о нем, она видит его улыбку). – Прощай, моя золотистая девочка, - нежно произнес он») [Вольф, 1979].

В данном фрагменте, как и в предыдущем, также вычитывается сравнение отношений Риты и Манфреда с небом, но речь идет уже о законченной любви. К. Вольф выражает конкретной лингвемой с темпоральным значением «*Nachthimmel*» («ночное небо») закат солнца, который равнозначен закату счастливых дней, проведенных вместе Риты и Манфреда, закат их любви. Солнечный день сменился ночным небом. Манфред называет небо вместилищем надежд и стремлений, любви и скорби. Повествование снова строится на контрасте. С одной стороны, — это положительные качественные характеристики, выраженные лингвемами «*Hoffnung*» (надежда) и «*Sehnsucht*» (стремление), «*Liebe*» («любовь»), а с другой стороны, — лингвема «*Trauer*» («скорбь»). Тема расставания Риты и Манфреда вычитывается и раскрывается в предикате «*zerteilen*» («расколоть»), а задается в субъекте «*der Himmel*» («небо»). На утвердительное предложение «*Früher suchten sich Liebespaare vor der Trennung einen Stern, an dem sich abends ihre Blicke treffen*

konnten) («В прежние времена влюбленные перед разлукой выбирали себе звезду, чтобы по вечерам встречаться на ней взглядом») Рита задает вопрос «*Was sollen wir uns suchen?*» («Что же выбрать нам?»), в котором вычитывается с первого взгляда коммуникема *неопределенности*, но на самом деле уже все очевидно и решено. На это указывает следующая реплика Манфреда: «*Dein Koffer! Er sah, daß sie nicht mehr zurückgehen wurde* («А твой чемодан! Он понимал, что возвращаться за чемоданом она не захочет»). Данное предложение содержит интонацию восклицательного предложения, посредством которой вычитывается коммуникема *неизбежности* и нравственный мотив решения.

Стоит отметить, что на вопрос Эрвина Шварценбаха, важнее ли всего Рите любовь, она ответила следующее: «*...die Fremde ist mir fremd geblieben, und dies alles hier heiß und nah*» [Wolf, 1973: 181] («...чужбина оставалась мне чужда. Здесь мой дом, моя родина») [Вольф, 1979]. Здесь представлен директивный акт, в который помещен запрос информации. Адресант не получил точного ответа на поставленный вопрос. Но в ответной реплике вычитывается куда более важная вещь – моральный выбор со стороны адресата. Такие ценности как дом, родина оказались для Риты приоритетнее любви к человеку, когда-то близкому.

В предложениях «*Ohne mich zu fragen!*» («И со мной не посоветовалась!») и «*Also Schulhefte und Nachhilfeschüler und lamentierende Eltern, wenn ich nach Hause komme?*» [Wolf, 1973: 23] («Я приду домой, а тут школьные тетрадки, неуспевающие ученики, родители с жалобами!») [Вольф, 1979] также используется интонация. Каждое из этих высказываний включено в речевую ситуацию. Здесь вычитывается коммуникативный смысл, который преобразует предложение в высказывание, и выраженный коммуникемами *возмущения и недовольства*, даже *раздражения*. Предложение «*So was Empfindliches wie sie! Sie wird Erfahrungen sammeln, und dann wird sie genug haben*» («При ее чувствительной натуре стоит раз-другой столкнуться с действительностью, как все это опостылит ей!») [Вольф, 1979] также включено в речевую ситуацию с коммуникативным смыслом, который выражен коммуникемой *презрения*. Коммуникема не является целью высказывания. Ею является прагмема, связанная с побуждением. Адресант

побуждает адресата. В данном случае Манфред побуждает Риту учитывать его мнение, прислушиваться к нему.

Посредством определенных линейных синтагмем вычитывается то, что не названо автором отдельной лингвемой, но становится очевидным, что действия, описанные К. Вольф происходят в разные времена года. Из следующей синтагмемы вычитывается, что действие происходит летом (см. Рисунок 33):

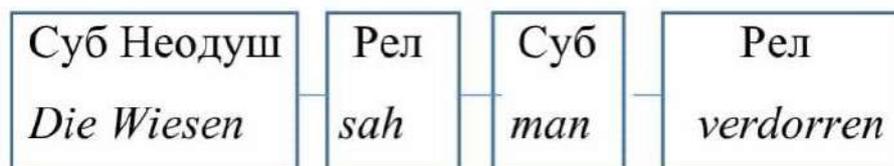

Рисунок 33. Линейная синтагма, обозначающая темпоральность

Литературный перевод: «*Луга высохали*».

Из данной синтагмемы вычитывается, что действие происходит осенью (см. Рисунок 34):

Рисунок 34. Линейная синтагма, обозначающая темпоральность

Литературный перевод: «*Листья опали с двух ветвистых лип за окном конторы*».

Из предложения о том, что у Риты не было мрачных мыслей рядом с Марион и, что с ней она делилась всем, выводится, что она доверяла этому человеку. Лингвемами квалитативного блока «*Freude*» (*радость*), «*Kummer*» (*огорчение*) и «*Zorn*» (*гнев*) автором обозначено, что все эти эмоции были свойственны персонажу, и она не стеснялась в них признаться. Из сообщения о том, что Марион мечтала изменить в корне привычки Риты, выводится, что они не соответствовали ее мировоззрению и привычкам. По мнению Марион, темно-красный цвет совершенно не подходит Рите, это позволяет вывести то, что Марион видела на подруге какой-то предмет одежды темно-красного цвета или, возможно, помаду. Манфред познакомил Риту со своим другом Мартином Юнгом. Из предложения

«*Er hing Martin, Rita sah es mit Staunen und Freude*» [Wolf, 1973: 92] («Он любил Мартина, что с удивлением и радостью отмечала Рита») [Вольф, 1979] посредством качественной характеристики «*Stauen*» (удивление) выводится, что Манфред был достаточно замкнутым человеком, что ему нелегко было с кем-то сблизиться. Также из предложения вычитывается, что и самой Рите друг Манфреда был симпатичен. Посредством лингвемы «*Freude*» («радость») вычитывается коммуникема одобрения, одобрение выбора кого-то в качестве друга.

Мать Манфреда получила посылку от сестры из Западного Берлина. Из сообщения «*Das erste Päckchen nach langen Jahren!*» («Первая посылка после стольких лет!») [Вольф, 1979] выводится, что сестра ничего не отправляла семье фрау Герберт или же отправляла, но посылки не доходили до адресата. Далее в тексте представлено предложение «*Endlich gehörte man auch zu jenen, die die Nachbarin zu einer Tasse West-Kaffee einladen konnten*» («Наконец-то и они причислены к избранным – к тем, кто может пригласить соседку на чашечку «западного кофе») [Вольф, 1979] из которого выводится, что посылкой был отправлен кофе в достаточном количестве, в таком, что предоставляется возможность угостить напитком знакомых. Из данного предложения вычитывается глагол-декларатив «*gehörte*» («причислены») в значении присвоения и обладания определенного статуса. Далее следует предложение, вписанное в эту же речевую ситуацию «*Manfred blieb gleichgültig...nahm aber die Zigaretten, die für ihn bestimmt waren und schrieb auch einen Gruß unter den Dankbrief*» [Wolf, 1973: 93] («Манфред остался равнодушен...однако сигареты, предназначенные для него, взял и приписал привет под благодарственным письмом») [Вольф, 1979]. Отсюда вычитывается, что Манфред был равнодушен не к посылке в целом, а только к чему у него не было предпочтений. От сигарет из Западной Германии он не смог отказаться по той причине, что по вкусовым качествам в ФРГ они были лучше и по ассортименту шире. Из данного предложения посредством глаголов-репрезентативов «*nahm*» («взял») и «*schrieb einen Gruß*» («приписал привет») сообщается результат иллокутивного акта, цель которого была достигнута. Кроме того, из этого же предложения вычитывается коммуникема благодарности.

Как уже было отмечено, описание природы отражает внутреннее состояние персонажей. Представим к рассмотрению фрагмент из текста, где Манфред говорит Рите: «*Du riechst nach Nebel, immer noch*» [Wolf, 1973: 94] («Ты вся еще пахнешь туманом...») [Вольф, 1979] «*Noch in der gleichen Nacht erzählte sie ihm vieles. Sie brauchten Stunden mit Bericht, Frage und Gegenfrage. Nebel hatte Zeit, sich zurückzuziehen oder in Nichts aufzulösen – wer weiß schon genau, wohin Nebel geht, wenn er endlich verschwindet? Am Morgen war die Stadt jedenfalls wieder sichtbar. Plötzlich bemerkte man manches, was einem solange entgangen war*» [Wolf, 1973: 95] («В ту же ночь она много ему рассказала. Не один час понадобился им на это. Туман успел отступить, а может быть, он растворился – кому известно, куда девается туман, когда он наконец исчезает? Утром, во всяком случае, город опять был виден и в нем неожиданно обнаружилось кое-что такое, что долго от всех ускользало») [Вольф, 1979].

В данном фрагменте вычитывается то, что Манфред замечает изменения, происходящие в Рите, то, чем она ни с кем не делилась. Он смог определить изменения по невербальному средству – молчанию Риты, ее бессоннице по ночам. Манфреду удается вывести Риту на разговор. Темпоральная лингвема «*Stunden*» («часы») указывает на то, что Рита высказала Манфреду все, о чем молчала. Предложение «*Nebel hatte Zeit, sich zurückzuziehen*» («Туман успел отступить») сопоставляется с откровенностью Риты. Она уже не была закрытой и не казалась загадкой, которую нужно разгадать. Из последующих предложений «*Am Morgen war die Stadt jedenfalls wieder sichtbar. Plötzlich bemerkte man manches, was einem solange entgangen war*» (Утром, во всяком случае, город опять был виден и в нем неожиданно обнаружилось кое-что такое, что долго от всех ускользало») [Вольф, 1979] снова вычитывается сопоставление с внутренним состоянием Риты. Из разговора с ней он открыл в ней как личности что-то особенное, до этого неявное и скрытое от его глаз.

В предложениях «*Die herbstliche Natur geht ihr nicht sonderlich nahe. Sie hat klare, kühle Tage, die gut zu ihrer Verfassung passen*» («Осенняя природа ее не очень трогает. Наступили ясные, прохладные дни, вполне соответствующие

расположению ее духа») [Вольф, 1979] также вычитывается сопоставление изменения природы (с теплых солнечных дней на прохладные дни) с внутренними изменениями Риты (радость сменилась печалью).

Трудная ситуация, сложившаяся на заводе, также находит отражение в изменении природы: «*Am größten war sie vielleicht an dem Tag, nach dem im Werk die große Unruhe losbrach*» [Wolf, 1973: 48] («Пожалуй, миролюбивее всего они были в тот день, после которого на заводе разразилась гроза») [Вольф, 1979]. Это был день, когда рабочие праздновали день рождения бригадира и выпуск пятитысячного вагона после окончания войны. Рита помнит каждую мелочь этого дня, когда она смеялась на протяжении праздника без причины, двор завода был выметен, танцевальная группа выступала в ярких костюмах. «*Schließlich öffnete sich der tiefhängende graue Himmel zu einem Guß...*» [Wolf, 1973: 48] («Под конец низко нависшее серое небо разразилось ливнем...») [Вольф, 1979].

Немаловажную роль в тексте играют вкрапления, заключенные в скобки. Например: «*Er lächelte (sie soll ihn lächeln sehen, wenn sie an ihn denkt)*» («Он улыбнулся (пусть, вспоминая о нем, она видит его улыбку)») [Вольф, 1979]. Прием вкрапления в текст дополнений выражаются истинные чувства, мысли и эмоции персонажей, также их отношение к происходящим событиям. Расставшись с Ритой, Манфред хотел остаться в ее памяти светлым и теплым воспоминанием. Желание Манфреда выражено невербальным средством – улыбкой. Приведем еще один фрагмент из текста, где автор использует вкрапление: «*Sie versuchte, sich Mangolds Gesicht vorzustellen...er stets graue Anzüge trug. Aber sein Gesicht sah sie nicht. Es gehörte zu den Gesichtern, die man nicht wiedererkennt, wenn man sie einmal gesehen hat – nicht, weil es ein Dutzendgesicht war (Einzelheiten sah sie ja: die starke Nase, den weichen Mund, die blassen, etwas zu vollen Wangen), sondern weil es einen unbeweglichen Ausdruck angenommen hatte. Als ob er eine Tarnkappe tragt. Aber gegen wen tarnt er sich? Kann er auf die Dauer vor jedermann seine wirklichen Gründe für seine Handlungen verbergen? Was aber sind seine wirklichen Gründe? Zynismus? Eigennutz? Unsicherheit? – Ihre Angst wuchs*» [Wolf, 1973: 124] («Она пыталась представить себе лицо Мангольда...он всегда носил серые костюмы. Но лицо его

она не могла вспомнить. Оно принадлежало к тем лицам, которые не узнаешь, если видел их однажды, - и не потому, что оно такое уж заурядное (отдельные его черты она себе представляла – крупный нос, мягкий рот, бледные дряблые щеки), а потому, что у него какое-то безличное выражение. Словно он всегда носит шапку-невидимку. Но от кого же он скрывается? Можно ли длительное время скрывать от всех и каждого свои истинные цели? А каковы его истинные цели? Цинизм? Своекорыстие? Нерешительность? Ее страх возрастал») [Вольф, 1979]. В данном фрагменте посредством вопросительных предложений, ответы на которые неизвестны, вычитывается коммуникема сомнения. Кроме того, здесь наблюдается переход от коммуникемы сомнения к коммуникеме страха, выраженной качественными характеристиками «Zynismus» (цинизм), «Eigennutz» (своекорыстие), «Unsicherheit» (нерешительность). Один персонаж предполагает, что другому персонажу свойственны отрицательные черты, способные повлиять на его поступки. В рассматриваемом фрагменте также ярко выражается контраст. С одной стороны, человек предстает с совершенно обыкновенной внешностью, а с другой стороны, ему приписываются возможные отрицательные проявления поступков. Именно это и вызывает у другого персонажа чувство страха. Посредством вкрапления вычитывается, что все-таки данный персонаж обладал чем-то отличительным в своей внешности. В этом снова прослеживается контраст. С одной стороны, конкретные качественные характеристики внешности, не указывающие на какие-либо примечательные черты: «graue Anzuge» («серые костюмы»), «unbeweglichen Ausdruck» («безличное выражение»), а с другой стороны, вкрапления с качественными характеристиками, подчеркивающие его индивидуальные черты: «die starke Nase», «den weichen Mund», «die blassen, etwas zu vollen Wangen» («крупный нос», «мягкий рот», «бледные дряблые щеки»).

Представление и рассмотрение фрагментов или отдельно взятых предложений позволяют прийти к выводу, что коммуникемы или коммуникативные смыслы по большей части не лежат на поверхности, они вычитываются. Это позволяет утверждать, что речь идет о латентном смысле,

который тесно связан с прагмемой. Без логико-мыслительных категорий реципиент не может выявить латентный смысл.

При выявлении прагмемных смыслов важным является понимание метафоры «*der geteilte Himmel*» («расколотое небо»), которую использует К. Вольф для названия своего романа. Под «расколотым небом» следует понимать не только потерянную любовь главных персонажей, но и Германию, разделенную на ФРГ и ГДР, на капитализм и социализм, коллективизм и индивидуализм. Такие смыслы вычитываются в нескольких фрагментах. Один из таких фрагментов тот, где Манфред объяснил причину, почему он остается в Западном Берлине: «*Hier weiß ich, woran ich bin. Hier bin ich auf alles Mögliche gefasst. Drüben wird es noch wer weiß wie lange dauern, ehe hinter den schönen Worten die Tatsachen vorkommen. Die Tatsachen sind: Der Mensch ist nicht dazu gemacht, Sozialist zu sein*» («Здесь у меня иллюзий нет никаких. Здесь я готов ко всему. А там неизвестно, сколько надо ждать, пока на смену красивым словам придут дела. А главное – человек не создан быть социалистом») [Вольф, 1979].

В качестве еще одного примера приведем еще один фрагмент из текста: «*...gewisse Bemühungen für dieses Land zu spät kommen. Historische Verspätung – das sollten wir als Deutsche doch kennen! Sozialismus ist wie geschaffen für die östlichen Völker. Sie können, unverdorben durch Individualismus und höhere Zivilisation, die einfachen Vorzüge der neuen Gesellschaft voll genießen. Für uns führt kein Weg dorthin zurück. – Was ihr braucht, sind ungebrochene Helden. Was ihr hier findet, sind gebrochene Generationen. Ein tragischer Widerspruch. Und ein antagonistischer*» [Wolf, 1973: 142] («...определенные условия для нашей страны уже запоздали. Историческое опоздание. Кому-кому, а нам, немцам, это знакомо. Социализм создан для восточных народов. Не испорченные индивидуализмом и высокой цивилизацией, они способны в полной мере наслаждаться простыми преимуществами нового общества. Нам туда нет пути. Вам нужны несгибаемые герои. А здесь вы найдете лишь сломленное поколение. Трагическое противоречие. И антагоническое») [Вольф, 1979].

Разногласия главных персонажей объясняются несколькими факторами. Первый из них – это возраст Манфреда и Риты. К. Вольф не случайно использует конкретные лингвемы квантитативного блока. Разница в возрасте Манфреда и Риты составляла десять лет. Это способствует пониманию того, что Манфреду нацистский государственный режим был знаком больше, чем Рите. Следующим фактором являются семьи главных персонажей. Рита родилась и воспитывалась в крестьянской семье, а Манфред в мещанской семье. Выбор Манфреда определяется по большей части стремлением к комфортной жизни, которую могли предложить в ФРГ. Для Риты важным представляется служение коллективистскому делу.

К. Вольф на фоне личной драмы своей героини дает читателю широкое представление о жизни в ГДР. Действие в романе происходит в период 1960-1961 годов. Также писательница точно указывает время, когда Рита Зейдель едет в ФРГ, чтобы там встретиться со своим возлюбленным – первое воскресенье августа 1961 года. История любви Манфреда и Риты рассказана К. Вольф накануне строительства Берлинской стены. Тринадцатого августа 1961 года граница между ГДР и ФРГ была закрыта. Когда роман был опубликован на русском языке, К. Вольф написала статью, в которой обращалась к советским читателям. В этой статье писательница описывала, как руководство Западной Германии оказывало давление на Восточную Германию, которое со временем усиливалось. По радио жители ГДР слышали призывы к бегству и даже угрозы. Тогда всем казалось, что началась война [Мотылева, 1979: 7].

Сюжет романа «Der geteilte Himmel» («Расколотое небо») был окончательно продуман к тринадцатому августа 1961 года, в период, когда были предприняты меры по защите границ. Тогда бегство из Восточного Берлина в Западный Берлин было уже невозможно, и людям, которые думали о бегстве (как персонаж в романе Манфред) нужно было много раз подумать, стоит ли бежать через границу, идти на такой шаг. По признанию писательницы, в романе нашли отражение ее уверенность и спокойствие, чувство облегчения, а также тревога и острые вопросы [Мотылева, 1979: 7]. Итог романа, определяющийся ходом действий, стал жизнеутверждающим и подкрепляется краткими поэтическими пейзажами,

концовка повествования перекликается с началом повествования. К. Вольф описывает очень реалистично жизнь в ГДР, показывая все прекрасное и мрачное в ней и напоминая о трудностях при постройке социалистического строя в ГДР, где постоянно о себе напоминало наследие фашистского прошлого [Мотылева, 1979: 8].

К. Вольф волновал вопрос касательно восприятия советского читателя ее романа. Писательницу приглашали с выступлением на заводы, в библиотеки, университеты. Она отмечала, что среди читателей были те, кто трактовал замысел романа лучше, чем она сама. Молодые люди активно обсуждали роман, как событие из их собственной жизни. К. Вольф дискутировала с молодыми людьми о родине и отечестве. Она вспоминала рассказ одного молодого человека о том, как он слышал за границей народные песни советских и чешских студентов, которые пели их непринужденно и легко. Примеру этих студентов последовали студенты из Германии, но с чувством смущения и робости. Молодой человек задался вдруг вопросом, почему молодежь, проживающая в одной части Германии, не знает песен, в которых воспеваются красота природы другой части страны. Это был наиболее болезненный вопрос для всех. Одни говорили, что Западная Германия не может быть родиной, так как там правят империалисты, другие студенты признавались, что для них родиной является вся Германия. Другие молодые люди описывали чувство «возвращения домой», когда приезжали снова в ГДР из Западной Германии. К. Вольф стремилась к пониманию со стороны советского читателя трудных и важных для немцев из ГДР процессов [Мотылева, 1979: 28].

Многие западногерманские газеты откликнулись на роман К. Вольф «Der geteilte Himmel» («Расколотое небо»). Необходимость в знакомстве с литературой Восточной Германии возникла по причине, что в ФРГ практически не освещались события, происходившие в ГДР, включая борьбу партии с догматизмом. Правительство ФРГ пыталось использовать критику, высказанную в произведениях писателей из ГДР, в своих интересах, в том числе и К. Вольф. Такие попытки предпринимались с целью оклеветать литературу Восточной Германии и затормозить ее развитие. К. Вольф адресовала свой роман не только читателям из

СССР и ГДР, но и из Западной Германии. Сначала критики отрицательно оценили роман К. Вольф, так как, по их мнению, писательница слишком в мрачных красках представила жизнь в Восточной Германии, но позже общественность оценила роман положительно именно благодаря правдивости описания происходивших событий, описанных в нем. Роман был отмечен премией имени Генриха Манна и национальной премией ГДР. Как отмечали критики в ФРГ, роман способствовал самопознанию социалистического общества. Они оценили «Расколотое небо» как произведение, раскрывающее западным читателям основы гордости граждан Восточной Германии [Мотылева, 1979: 10].

2.3. «Вертикальная» структура текста

При рассмотрении уровневой организации текста интерес представляет смысловая структура текста, в которой выделяются вертикальный, горизонтальный и глубинный уровни.

В тексте должны просматриваться все вертикальные смысловые связи. Мысль «вертикальна», то есть точечна и одновременна. «Мыслительный синтез рассыпан в последовательном текстовом изложении – линейных предложениях-высказываниях, представлен в виде аналитических единиц. Интерпретируя текст, реципиент зачатую вскрывает только контактные смысловые связи пропозиций. Вертикальное прочтение текста предполагает выявление параллельных взаимосвязанных тематических цепочек и их определений. Целостность идеи текста складывается из дистантных межпредложенческих связей различного характера» [Фефилов, 2016: 35-36]. С целью построения диаграммы вертикальной структуры представим тексты Э. Штриттматтера «Mein Bett» («Моя кровать») и «Die Feder» («Перо») из сборника «Schulzenhofer Kramkalender» («Шульценгофский календарь всякой всячины»):

Die Feder

Eine Taube plusterte sich. Eine Feder flog vom Dach. Ein kleiner Vogel fing die Feder im Fluge. Er trug sie in den Weidenstumpf am Bach. Ich kannte den Vogel nicht,

doch ich wusste jetzt, wo er wohnte. Eine Feder verriet ihn, eine Taubenfeder, die vom Dach flog [Strittmatter, 1971: 209].

Перо

Голубь чистил свои перья. Одно перо упало с крыши. Маленькая птичка поймала перо в полёте. Она принесла его в пень ивы у ручья. Я не знал эту птицу, но теперь я узнал, где она жила. Перо выдало её, перо голубя, которое упало с крыши [перевод А.С. Макаренко].

В анализируемом тексте отсутствуют темпоральный и квантитативный каналы повествования, а основным каналом выступает субстанциальный.

В тексте лингвемы взаимосвязаны друг с другом через реляторы.

Суб Неодуш	- eine Feder (перо)
Реляциональность	- flog (упало)
Локальность	- vom Dach (с крыши)

Глубинный смысл (прагматический) кроется, в первую очередь, в названии текста «Die Feder» («Перо»). Представим диаграмму вертикальной структуры текста, способствующей вычитыванию глубинного смысла (см. Рисунок 35).

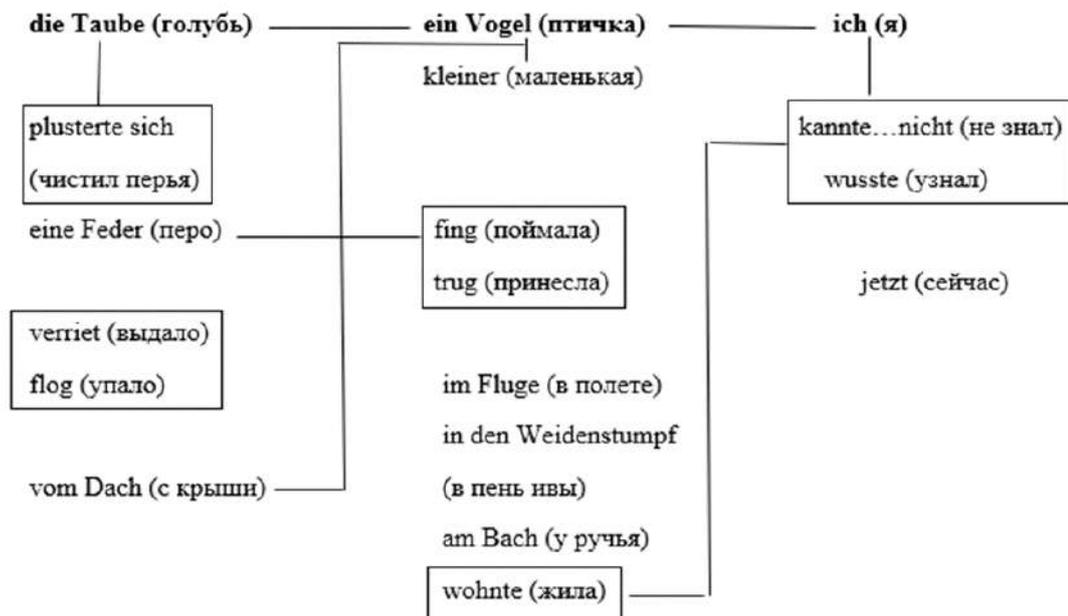

Рисунок 35. Вертикальная структура рассказа «Die Feder» («Перо»)

Э. Штриттматтера

На рисунке ниже представим логосемные связи целостного интерпретируемого рассказа (см. Рисунок 36):

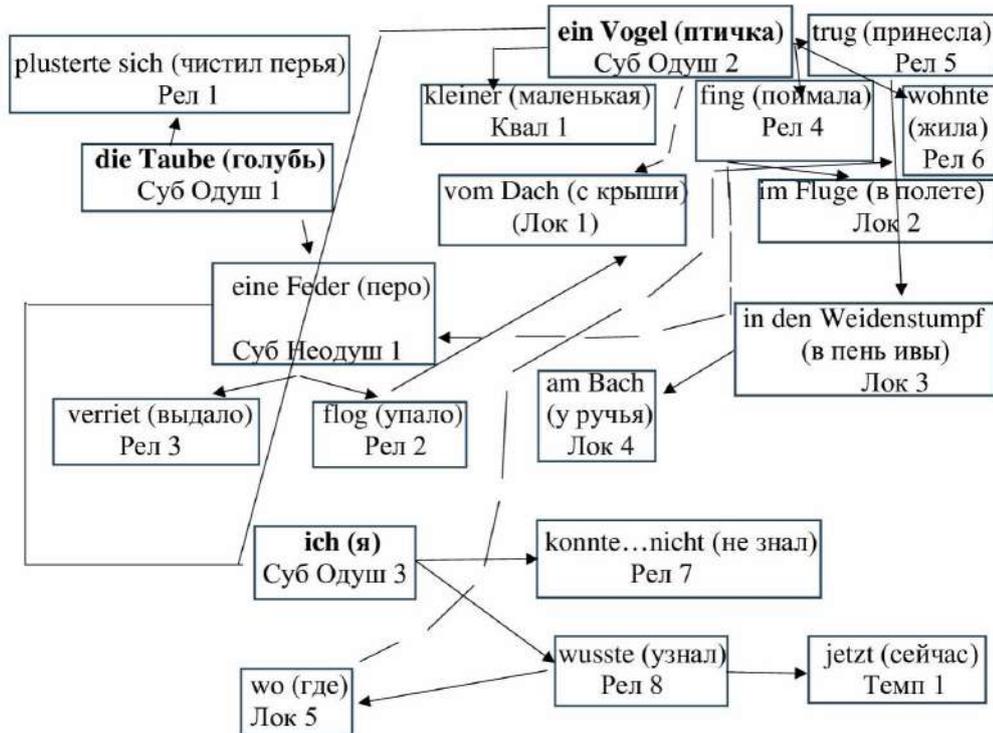

Рисунок 36. Логосемные связи целостного рассказа «Die Feder» («Перо»)

Э. Штриттматтера с ядерными, околядерными и периферийными логосемами

Ядром являются логосемы «die Taube» (голубь), «ein Vogel» (птичка), «ich» (я). В качестве околядерных логосем выступают «plusterte sich» (чистил перья), «kleiner» (маленькая), «fing» (поймала), «wohnte» (жила), «trug» (принесла), «kannte...nicht» (не знал), «wusste» (узнал), «eine Feder» (перо). Периферийными являются логосемы «vom Dach» (с крыши), «im Fluge» (в полете), «wo» (где), «jetzt» (сейчас), «in den Weidenstumpf» (в пень ивы), «am Bach» (у ручья), «verriet» (выдало).

В предложении «Eine Feder flog vom Dach» («Одно перо упало с крыши») выделяются когнитии: перо принадлежит какой-то птице; предмет, который упал, представлен в единичном количестве; до того, как перо упало, оно находилось на крыше.

На данном рисунке представлено взаимодействие блоков друг с другом. Детально рассмотрим их взаимосвязь «по вертикали» на конкретных примерах:

1. «wo wohnte» (где жила) – вычитывается глубинный (прагмемный) смысл, заключающийся в местонахождении гнезда, выраженном лингвемами локального блока «wo» (где) и реляционального «wohnte» (жила) (ЛОК + РЕЛ);

2. «*fing vom Dach*» (*поймала с крыши*) – вычитывается коммуникемный смысл, заключающийся в том, что птица поймала перо голубя, который сидел на крыше и при чистке одно из его перьев падает с крыши. Смысл выражен в рассказе лингвемами реляционального блока «поймала» и локального блока «с крыши». Таким образом, прослеживается взаимосвязь двух блоков (РЕЛ + ЛОК);

3. «*trug eine Feder in den Weidenstumpf*» (*принесла перо в пень ивы*) – вычитывается глубинный (прагмемный) смысл, заключающийся в том, что повествователь посредством наблюдения за птицей находит место ее обитания, которое выражено локальной лингвемой «пень ивы». Таким образом, рассматривая данную цепочку, можно заключить, что происходит взаимосвязь сразу трех блоков (РЕЛ + СУБ НЕОДУШ + ЛОК).

При вычитывании поверхностного смысла становится очевидным, что повествование идет о пере, принадлежащем голубю. Сообщением о том, что голубь осуществляет действие (чистку) своих перьев, одно из которых случайно падает, выражается сопоставление с действием (затачивание мастерства) автора в качестве писателя на протяжении долгого периода времени. Кроме того, реципиент может приписать тексту и другой смысл – со временем все неявное становится явным. Такой смысл выводится из утверждения, что локация нахождения гнезда птицы, поймавшей в полете перо, изначально не известно. Оно становится известным посредством наблюдения рассказчика за этой птицей. В интерпретируемом тексте используется релятор «*verraten*», который имеет в словаре следующие значения: изменять, предавать, выдавать. Данным релятором автор выражает обнаружение рассказчиком гнезда птицы. Так же автором дана точная качественная характеристика птицы – *ein kleiner* (маленькая), посредством которой вычитывается прагмемный смысл, заключающийся в контрасте, выраженном в виде сопоставления размера птицы и гнезду, сооруженному в труднодоступном месте.

«*Mein Bett*»

Mein breites Bett ohne Kopfteil und Fußteil steht unter der Dachschräge. Beim Schlafen stemm ich die Füße gegen den Giebel. Am Giebel hängt außen ein Starenkasten. Am Morgen, wenn die Stare erwachen, plustert das Weibchen sich über der Brut. Geräusch

und Rumor wie vom Essenkehrer. Das Klappern im Kasten teilt sich der Giebelwand mit. Meine Füße erwachen. Ich werde wach. Mein Tag beginnt beim Ausflug der Stare. Sie suchen nach Würmern; ich suche nach Worten [Strittmatter, 1971: 24].

«Моя кровать»

Моя широкая кровать без изголовья и изножья стоит под скатом крыши. Когда я сплю, то упираюсь ногами в фронто́н. Скворечник висит снаружи фронтона. Утром, когда скворцы пробуждаются, скворка взмахивает пером над птенчиками. Шум и грохот, словно от подметальной машины. Через фронтонную стену слышится дребезжание в скворечнике. Мои ноги пробуждаются ото сна. Я просыпаюсь. Мой день начинается с вылета скворцов из скворечника. Они улетают на поиски червей; я ищу слова.

Построим диаграмму вертикальной структуры представленного текста (см. Рисунок 37):

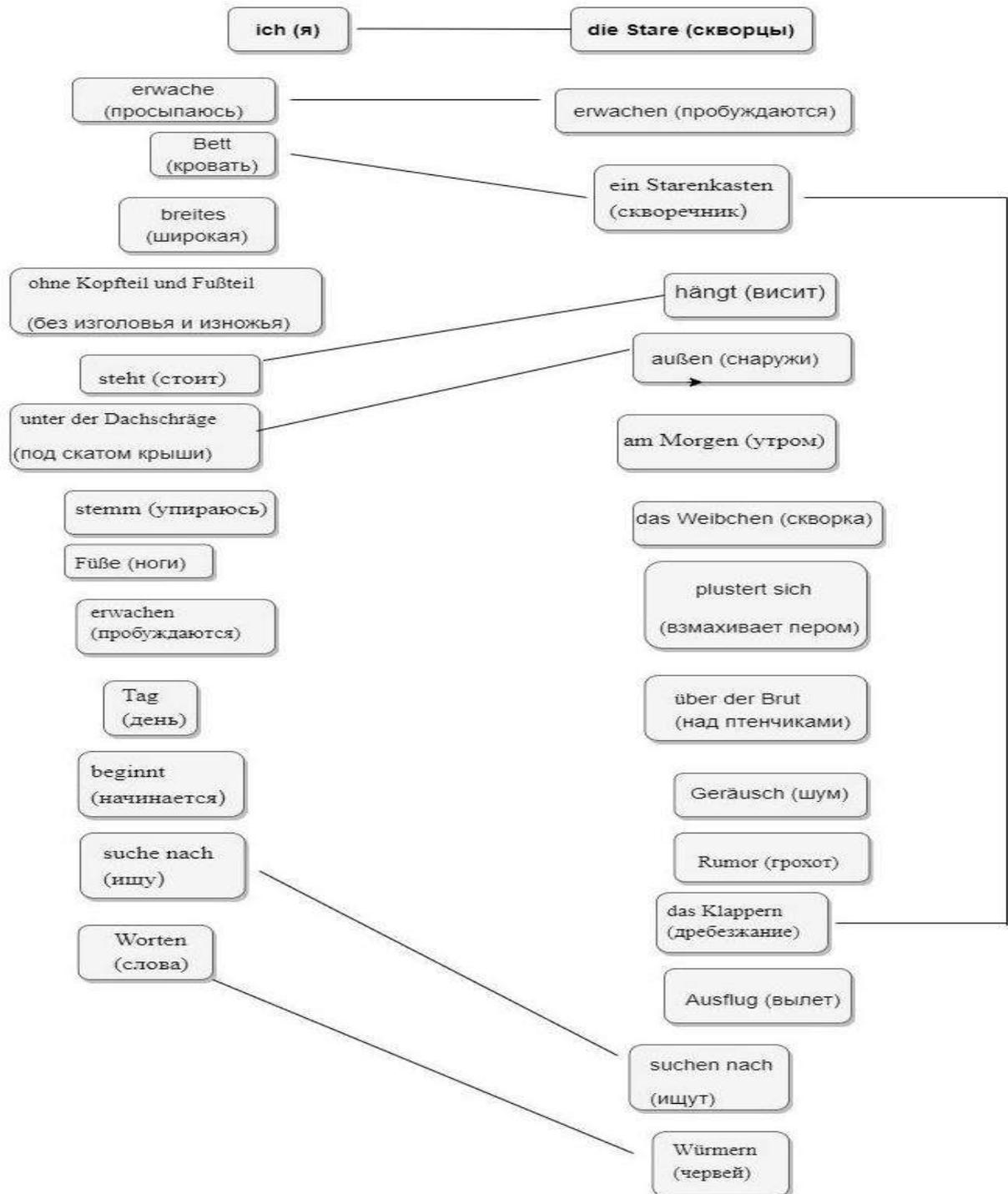

Рисунок 37. Вертикальная структура рассказа «Mein Bett» («Моя кровать») Э. Шриттматтера

Построим диаграмму, на которой отобразим логосемные контактные (линейные) и дистантные (вертикальные) связи целостного рассказа «Mein Bett» («Моя кровать») (см. Рисунок 38):

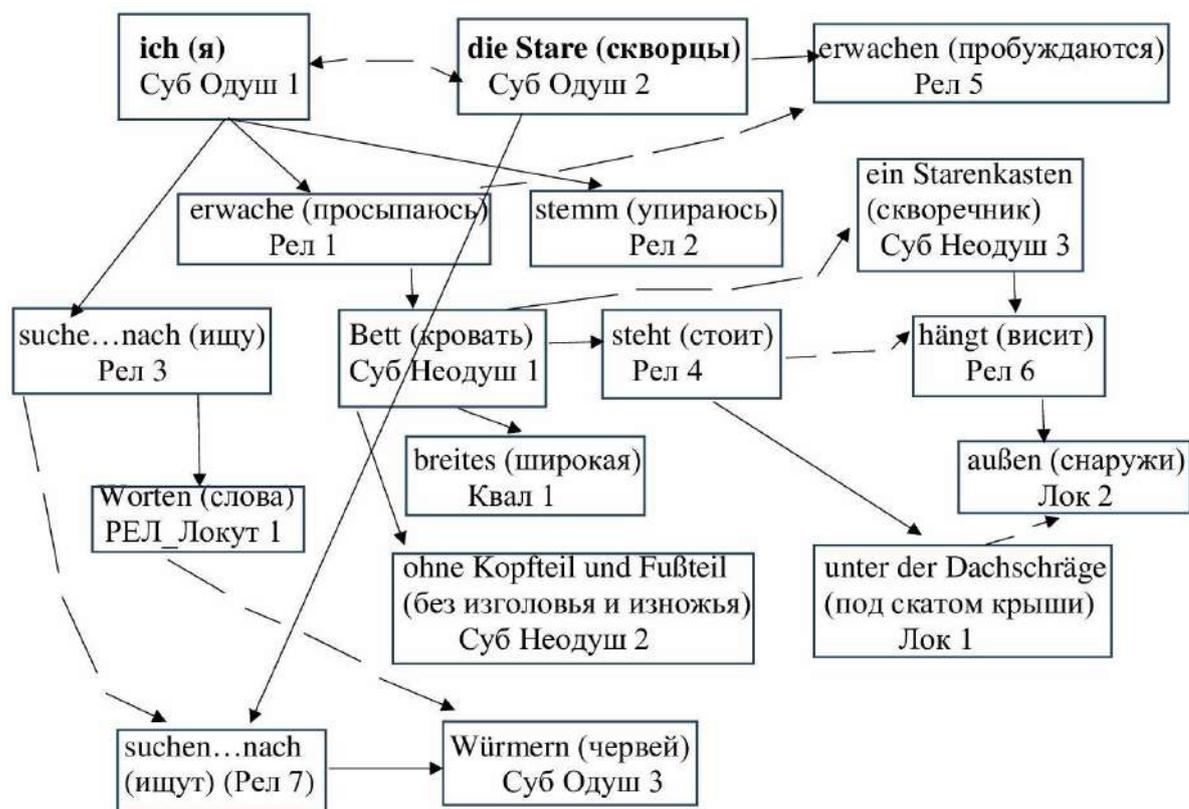

Рисунок 38. Логосемные связи целостного рассказа «Mein Bett» («Моя кровать») Э. Штриттматтера с ядерными, околядерными и периферийными логосемами

Исходя из «блочного» критерия по субстанциальности (одушевленной и неодушевленной), реляциональности, темпоральности, локальности, квалитативности и квантитативности, как и в предыдущем тексте малого жанра, происходит взаимодействие блоков. Ядерными логосемами являются «ich» (я) и «die Stare» (скворцы). Околядерную зону занимают реляторы: erwache (просыпаюсь), stehm (упираюсь), suche...nach (ищу), hängt (висит), erwachen (пробуждаются). В качестве периферийных логосем выступают Bett (кровать), ein Starenkasten (скворечник), Wortern (слова), Würmern (червей), außen (снаружи), unter der Dachschräge (под скатом крыши), breites (широкая). Рассмотрим примеры, показывающие взаимосвязь блоков и приводящие реципиента к выявлению, вычитыванию или приписыванию смыслов:

1. «*ich suche nach Worten*» (я ищу слова) – вычитывается прагмемный смысл, заключающийся в оттачивании писательского мастерства, в подборе подходящих слов для описания какого-то события или предмета (СУБ_Одуш + РЕЛ + РЕЛ_Локут);
2. «*die Stare suchen nach Würmern*» (скворцы ищут червей) – вычитывается коммуникемный смысл, заключающийся в том, что птицы улетели на поиски пропитания (СУБ_Одуш + РЕЛ + СУБ_Одуш);
3. «*ein Starenkasten hängt außen*» (скворечник висит снаружи) – вычитывается коммуникемный смысл, заключающийся в указании локации – снаружи дома повествователя (СУБ_Неодуш + РЕЛ + ЛОК);
4. «*ein Bett steht unter der Dachschräge*» (кровать стоит под скатом крыши) – вычитывается коммуникемный смысл, заключающийся в указании конкретной локации – внутри дома (СУБ_Неодуш + РЕЛ + ЛОК);
5. «*ich erwache*» (я просыпаюсь) – вычитывается коммуникемный смысл, который заключается в том, что произошел переход от состояния сна повествователя к деятельности и активности (СУБ_Одуш + РЕЛ);
6. «*die Stare erwachen*» (скворцы пробуждаются) – вычитывается коммуникемный смысл, который заключается в переходе от состояния пассивного действия к активному (СУБ_Одуш + РЕЛ).

Приведенные примеры позволяют проследить параллель происходящих событий, а именно посредством одушевленных субстанциальностей «*ich*» (я) и «*die Stare*» (скворцы), неодушевленных субстанциальностей «*ein Starenkasten*» (скворечник) и «*ein Bett*» (кровать), реляторов «*suche*» (ищу) и «*suchen*» (ищут), «*erwache*» (просыпаюсь) и «*erwachen*» (пробуждаются), «*hängt*» (висит) и «*steht*» (стоит), локальности «*außen*» (снаружи) и «*unter der Dachschräge*» (под скатом крыши).

Вычленение смысла целого текста или фрагмента текста происходит как посредством контактного линейного, так и дистантного вертикального взаимодействия мыслительных понятий, которые выражаются языковыми единицами. Образный смысл эксплицируется реципиентом благодаря его

интеллектуальным усилиям, связанным с процедурами сопоставления, например, включения, пересечения, аналогии, исключения [Фефилов, 2016: 46]. Так, например, в рассказе Э. Штриттматтера «Mein Bett» («Моя кровать») прослеживается сопоставление деятельности скворцов и писателя. Слова для писателя являются таким же пропитанием как черви для скворцов. Чтобы прокормить себя, персонаж должен заниматься писательской деятельностью, совершить некий полет на поиски слов. Скворцы, отправляясь на поиски червей, также осуществляют непростую деятельность.

М.В. Цветкова в работе «Ключевые слова» и перевод поэтического текста (на примере стихотворения Марины Цветаевой «Попытка ревности» [Цветкова, 2002: 133-134] приходит к заключению, что смысл текста зачастую напрямую зависит от концептосферы национального сознания, имеющие культурную самобытность, этническую окрашенность и национальный колорит. Например, в представленном тексте Э. Штриттматтера «Mein Bett» («Моя кровать») деятельность писателя ассоциируется с птичьим полетом, а в рассказе «Die Feder» («Перо») писательское мастерство ассоциируется с чисткой перьев (= затачивание писательского мастерства). Как отмечает Л.И. Богданова в работе «Русские культурные концепты и их роль в человеческом общении» [Богданова, 2003: 46], такого рода концепты концентрируют в себе глубокий и неоднозначный смысл.

В ходе анализа коммуникативной нагрузки локутемного состава текста выявляются коммуникемы. Коммуникема может актуализироваться как метафорический смысл. Стоит отметить, что большой метафорической насыщенностью обладают тексты немецких писателей Э. Штриттматтера, К. Вольф, Г. Канта, анализ которых представлен в данном исследовании. Их тексты доступны для первичного восприятия, но в них скрыт глубокий метафорический смысл. Например, первичное прочтение рассказа Э. Штриттматтера «Mein Bett» («Моя кровать») приводит лишь к пониманию банальных сведений, представленных в различных локутемах. Семантические локутемные смыслы сводятся к следующим комплексам:

(А) У кровати, на которой спит рассказчик, нет изголовья и изножья.

- (Б) С внешней стороны дома висит скворечник.
- (В) Скворцы в скворечнике издают громкие звуки.
- (Г) Когда скворцы вылетают из скворечника, рассказчик просыпается.
- (Д) Скворцы улетают, чтобы найти пропитание.

В рассказе «Die Feder» («Перо») смыслы сводятся к следующим комплексам:

- (А) Голубь сидел на крыше.
- (Б) При чистке голубем перьев падает одно из них.
- (В) Птица небольшая по размеру ловит падающее с крыши перо.
- (Г) Рассказчик наблюдает за этой птицей и находит место ее гнезда.

Предполагается, что некоторые локутемы должны нести иной, не семантический смысл, чтобы была определена цель написания автором данного текста. Таким смыслом является коммуникема, которая придает локутемам другое качество и выполняют первичную знаковую функцию. Локутемно-коммуникемная совокупность является когитемой, наиболее самодостаточной единицей речевого мышления. Коммуникемная основа когитемы лежит в концепте. Таким образом в тексте находится концепт, знание которого обеспечивает правильное толкование художественного текста [Фефилов, 2016: 50]. В данном случае, концепт характеризуется тем, что в тексте не только сообщается вещественное положение дел, но и аналогия «вылет» и «писательская деятельность», «дребезжание» и «активность». С пробуждением скворцов начинается активность рассказчика, а с поиском скворцов пропитания – занятие писательством. Это вычитывается реципиентом «вооруженным глазом» при повторном прочтении текста.

Главные локутемные каналы обрастают коммуникативными смыслами. Локутемные каналы служат для структурирования ситуации. Они представляют собой действия, которые конституируют события в общем. В свою очередь, коммуникативные каналы акцентируют внимание читателя на характере происходящих действий, а также поведении персонажей. Отдельные коммуникемы реципиент вычитывает, например, из ремарок автора, диалога героев, прямой речи. Кроме того, они эксплицируются из локутемного содержания [Фефилов, 2012: 126].

Особый интерес в когнитологическом аспекте представляет пересечение коммуникативных каналов с прагматическими каналами повествования. Посредством прагмеммы вычитывается скрытая цель высказывания, также намерение автора, его установки.

Текстема образуется путем объединения пропозиций как прототипов комплексных синтагм в компактные или рассеянные блоки. Текстема – это «вертикальная структура текста, где базовую основу образуют логико-семантические признаки и их отношения (субстанциональность, реляциональность, локальность, темпоральность, качественность, количественность); глубинная структура текста. Под понятием «дискурс» мы понимаем текст, вписанный в речевую ситуацию, в которую входят участники, место и время. Под понятием «текстема» следует понимать концептуально-когнитивную структуру текста в коммуникативном дискурсе. Стоит отметить, что зачастую текстема имеет блочную структуру. Блоки выделяются по преимуществу репрезентируемого концепта или по ядерным логосемным признакам и по приоритету тематического контенсионально-когнитивного наполнения [Фефилов, 2012: 117]. Для энциклопедического текста характерен тип текстемы, состоящий из следующих логико-мыслительных блоков: качественно-субстанциональный (описание внешнего вида); количественно-субстанциональный (описание количественных параметров); локально-субстанциональный (описание ареала распространения, обитания); темпорально-акциональный (характеристика поведения в различные времена года); темпорально-количественный; акциональный. Сначала мы выявляем отношения «по вертикали», затем смотрим, как текстема реализуется в каждом конкретном тексте в виде локутемных связей с различной логико-семантической базой. Локутемы могут быть субстанциональные, локальные (СУБ + АКЦ), то есть образуются конкретные связи, локутемная сетка.

Как отмечает А.И. Фефилов: «Подобной текстеме характерны цельность, наличие исходного концептуально-тематического блока, который взаимосвязан с концептуальными блоками. Они обладают соответствующими контенсионалами

или когнициями» [Фефилов, 2012: 120]. Когниция – это конвенционал, содержательное наполнение.

Речевое мышление опирается на денотат, на денотативную семантическую основу и на коммуникативные смыслы, наслаивающиеся на денотативные отношения. Приведем пример из анализируемого и интерпретируемого в исследовании фрагмента романа К. Вольф: «Ohne mich zu fragen!» («И со мной не посоветовалась!»). Утверждение содержит возмущение и недовольство, выраженные интонацией. Адресант ожидал от адресата другого поведения в ситуации, которая разрешилась неприятным для адресанта исходом. Он намекает на то, что он разочарован. В следующий раз нужно обращаться за советом. Это коммуникативная составляющая, а то, что наслаивается на «нужно советоваться», скрытое намерение. Коммуникативные смыслы скрыты. Согласно теории речевых актов, данный пример можно представить следующим образом: «Ohne mich zu fragen!» («и со мной не посоветовалась!») – локутивная часть; «недоволен, разочарован» – иллокутивная часть; «в следующий раз нужно советоваться» – перлокутивная часть. Прагмема находится между или объединяет иллокуцию с перлокуцией. В данном случае – это предупреждение, то есть прагмема.

Другой наиболее часто встречающийся тип текстемы состоит из рассеянных концептуально-когнитивных блоков. В такого типа текстеме логосемы объединены в логико-семантические блоки условно «вертикально» с помощью неявных, имплицитных смысловых реляторов. Стоит отметить, что в данном типе текстемы когниции не лежат на поверхности. Тематические реляции текстемы складываются в процессе написания и осознаются в процессе чтения. Художественным текстам характерна рассеянная текстема. В художественных текстах лингвемная и локутемная структура формируется на основе коммуникативно-прагматических установок автора или персонажей [Фефилов, 2012: 120].

Для художественного текста характерен тип текстемы, состоящий из следующих логико-мыслительных блоков: субстанциальный, локальный, темпоральный, реляциональный, квалитативный, квантитативный.

2.4. Разработка универсальной модели логико-семантических связей и алгоритма анализа и интерпретации немецкоязычных художественных текстов малого жанра

После проведения анализа, можно сделать выводы, что тексты малого жанра (малой формы) представляют собой небольшие по объему произведения, которым свойственны содержательная насыщенность, точность описания, использование автором доступных конструкций предложений. В основе текстов малого жанра, как правило, лежит описание одного события, ситуации. Относительно объема текстов (в настоящем исследовании художественных) исследователи приводят различное количество предложений. Объем немецкоязычных художественных текстов, анализируемых в работе, а именно фрагменты романа К. Вольф, рассказ Г. Канта и рассказы Э. Штриттматтера из сборника «Шульценгофский календарь всякой всячины» по форме ассоциируются с дневниковыми записями, по объему составляют не более 1500 слов. Фрагменты, дневник являются одной из форм малого жанра. Рассказы из сборника Э. Штриттматтера цикличны, начало соотносится с концовкой. Размышления о природе, своего быта, событий из жизни вписываются в жанровую форму лирической миниатюры [Лошакова, 2011]. В лингвистике существует необходимость в разработке универсальной модели и ее глубинного обоснования именно текстов малой формы, которые способствуют выявлению внутренней структуры такого рода произведений, а также выявлению смыслов в них для полного понимания их реципиентом, кроме того, способов смыслопорождения.

Проанализировав тексты малого жанра, построим универсальную модель логико-семантических связей. Модель состоит из ядра, околоядерной зоны и периферийной зоны.

Ядро художественного текста малого жанра составляет взаимосвязь одушевленных и неодушевленных субстанций с лингвемами, обозначающие определенный промежуток времени (темпоральность). Именно темпоральность стоит наряду с субстанциальностью в немецкоязычных художественных текстах

малой формы. Это можно объяснить тем, что, например, Э. Штриттматтер осмысляет свою жизнь как временной отрезок, Г. Кант, К. Вольф также описывают по большому счету событие, происходящее в определенный отрезок времени (исторический). Ядро неразрывно связано с реляциями, занимающие околоядерную зону, в которую также входят лингвемы квалитативного и локального блоков. Периферийную зону занимают лингвемы квантитативного блока, выражающие количественные параметры. Посредством применения когнитологического подхода, а также построения логосемных «вертикальных» (дистантных) связей выявляются логико-семантические взаимосвязи (см. Рисунок 39).

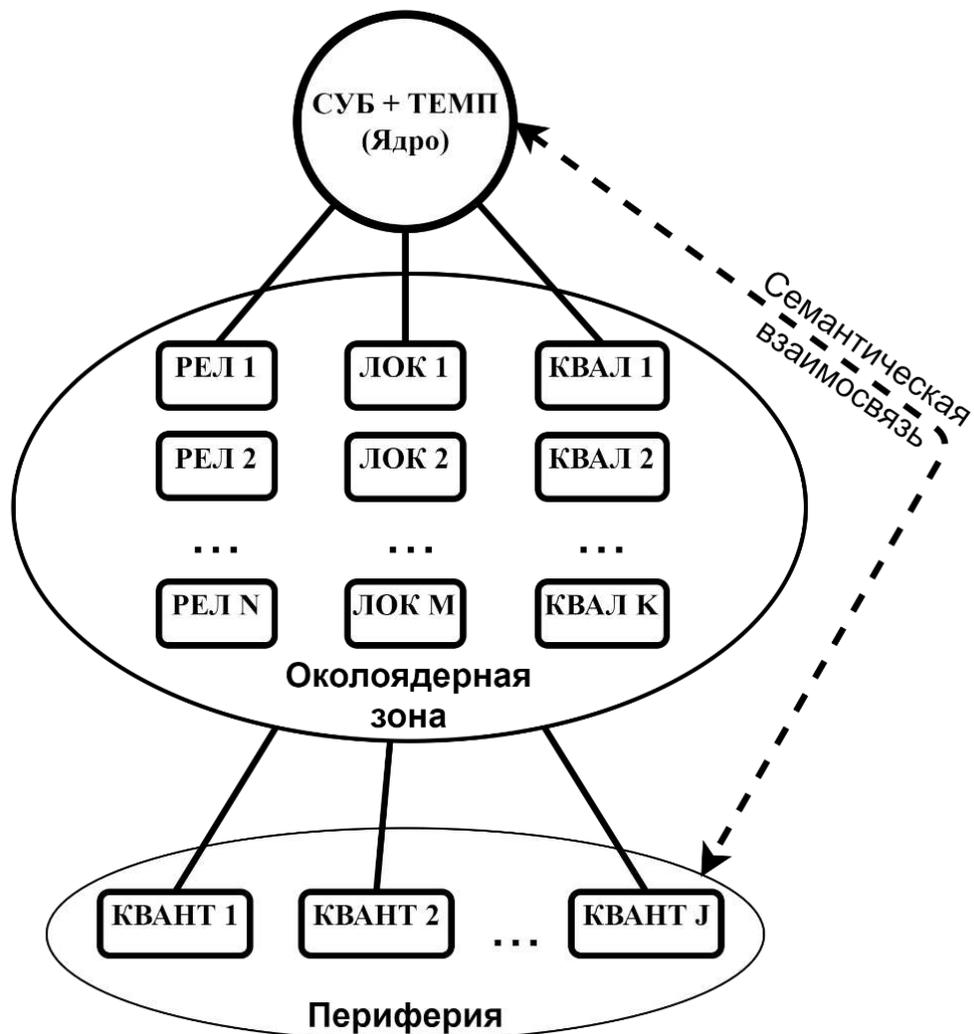

Рисунок 39. Модель логико-семантических связей в художественных текстах малого жанра

Далее сформулируем универсальный алгоритм анализа и интерпретации немецкоязычных художественных текстов малого жанра (малой формы).

На первом этапе тексты разделяются на блоки: субстанциальный (представленный в виде одушевленных и неодушевленных субстанций); реляционный (выражен реляциями / чистыми отношениями, связками, или акционально модифицированными отношениями и др.); темпоральный (промежуток времени); локальный (описывает место происходящего события); квалитативный (характер, свойства, особенности, черты); квантитативный (количественные данные).

Второй этап заключается в построении связующих звеньев посредством реляторов для обозначения действующих лиц и их взаимодействия друг с другом. Это позволяет рассмотреть отношение самого автора к персонажам, тем самым вычитывая заложенные смыслы или приписывая тексту свои собственные смыслы. Установлено, что именно квалитативность способствует этому. В представленной универсальной модели квалитативный блок занимает околоядерную зону, тем самым, являясь смыслонесущей ячейкой.

Третий этап заключается в построении субъектно-предикатных отношений. Предикирование – это выхватывание из субъектного имени какого-то сегмента. Например, «trug» (отнес), «war» (был), «gesehen» (посмотрел), «gezeigt» (показал) – это семантика, семантическая база. В классической терминологии это называют подлежащим и сказуемым, то есть сказывает что-то. Тема задается в субъекте, раскрывается в предикате.

Четвертый этап включает в себя построение линейных горизонтальных синтагмем, которые позволяют выявить и классифицировать коммуникемные (поверхностные) смыслы на блоки:

- по субъектам (субстанциальность) (для одушевленных субстанций):
  - эмоциональное состояние;
  - характеристика субъекта;
  - размышления субъекта;
  - физическое состояние.

- по действиям (реляциональность);
- по объектам (субстанциальность) (для неодушевленных субстанций):
  - характеристика;
  - физическое состояние;
  - функциональное описание;
  - конструктивное состояние.
- по времени (темпоральность):
  - описание времени происходящего события;
  - динамика субъектов и объектов;
  - прошлое (ретроспектива), настоящее, будущее.
- по месту (локальность):
  - описание местоположения действия.
- по количеству (квантитативность).

Так же на данном этапе описываются когниции, так как они взаимодействуют с коммуникемами.

Пятый этап включает в себя построение «вертикальной» структуры текста, которая позволяет вычитывать или приписать глубинные (прагмемные) смыслы. На данном этапе также происходит рассмотрение экстралингвистических факторов, которые оказали влияние на создание произведения и его сюжета (времени, когда писатель жил; фактов из его биографии и др.).

Выводы по второй главе

Для понимания художественного текста малого жанра целиком или его фрагментов необходимо правильное осознание изображаемой действительности, а также знание пресуппозиции, коммуникативного задания и интенции.

В соответствии с когитологической концепцией, теоретической базой которой является интеграция вербального и концептуального сознания, тексты следует анализировать посредством их разложения на логико-семантические блоки (субстанциальный, реляциональный, темпоральный, локальный, квалитативный, квантитативный).

В данной главе была разработана универсальная модель логико-семантических связей, а также сформулирован алгоритм анализа и интерпретации немецкоязычных художественных текстов малого жанра. На основе рассказа Г. Канта «Eine Übertretung» («Переход границы») и фрагментов романа К. Вольф «Der geteilte Himmel» («Расколотое небо») были представлены реляции субстантивированной субстанциальности, на которые опираются авторы при создании текстов.

Кроме того, посредством построения эпюр субстанциально-квалитативной конфигурации, было установлено, что наряду с субстанциальным каналом основным каналом повествования является квалитативный канал, выраженный не только квалитативными характеристиками, но и качеством, которое не всегда лежит на поверхности и названо, но и вычитывается в предложениях вопросительного типа.

Эпюра, на которой представлена одушевленные персонифицированные субстанции, позволила проследить как контактные, так и дистантные смысловые отношения. Квалитативный канал повествования, по большей части, строится на повествовательных ветвях одушевленных субстанций, не являющихся главными, и приводит к выявлению коммуникем, выраженных лингвемами квалитативного блока (наглость, надменность, учтивость). Каждой одушевленной субстанциальности соответствует свой коммуникативный блок. Всего в рассказе Г.

Канта было обнаружено семь коммуникативных блоков. Периферийные прагмемы, способствующие выявлению глубинных смыслов, раскрывают содержание ядерной прагмемы и выражены лингвемами реляционального и квалитативного блоков.

Реляции логосем взаимодействуют с вербальными предикационными и атрибутивными связями. Наличие в предложениях многомерного предидирования (остановился, проехал, предъявил; сунул, ждал, дождался) способствует развитию события, описываемого автором.

Интенция в интерпретируемых текстах носит как информативный характер, так и способствует выявлению перлокуций, то есть что следует делать, исходя из фактов.

Включению высказывания в речевую ситуацию способствует интонация.

Построение эпюр вертикальной структуры текстов, написанных как Г. Кантом, так и К. Вольф показало, что глубинные смыслы выявляются на основе лингвем локального блока.

Построение логосемно-коммуникативного узла речевой ситуации размышления рассказчика о смерти из рассказа «Eine Übertretung» позволило проследить взаимодействие всех типов блоков, представленных в когитологической концепции: субстанциального, квалитативного, реляционального, темпорального, локального, квантитативного. Коммуникемные и прагмемные блоки взаимосвязаны.

Темпоральный блок подразделяется на план, где описываемое событие относится к прошлому и на план предпрошлого. Реляциональный блок подразделяется на экзистенциальный тип и акциональный тип, включающий реальные и ирреальные действия, реляторы со значением обладания и передвижения, а также локального и темпорального типов. В квалитативном блоке выделяются субстанциальный, локальный, реляциональный, темпоральный типы, в квантитативном блоке, в свою очередь, – субстанциальный и реляциональный типы. Тем самым, выявлены соотношения логико-семантических категорий в качестве аналогов логико-мыслительных категорий.

Экстралингвистические (социальная принадлежность авторов, политический строй, исторические события разделенной Германии), синтаксические (наличие утвердительных, вопросительных, восклицательных предложений) особенности способствовали выявлению факторов формирования отдельных коммуникем и коммуникативных смыслов. Коммуникемные и прагмемные смыслы формируются также на стыке лингвем, представленных в виде линейных синтагмем. Еще одним фактором формирования смыслов является наслоение на коммуникему совокупности качественных лингвем. В интерпретируемых фрагментах романа К. Вольф смыслы формируются в авторских вкраплениях в текст ремарок, а также посредством невербальных средств, используемых автором. Наиболее значимым фактором глубинного смысла романа К. Вольф является метафора «расколотое небо». Коммуникема метафорического порядка формируется посредством знаковости обозначаемой действительности и составляющих ее предметов, качеств и отношений. Эта знаковость глубинных смыслов, приписывающихся действительности извне идей, концепцией. Латентный смысл эксплицируется реципиентом посредством применения пересечений и аналогий.

Эпюра, показывающая связь коммуникативных и прагматических блоков, позволила заключить, что коммуникема ориентирована на рассказчика (автора-писателя), а прагмема ориентирована на адресата.

Глава 3. Морфотемный анализ художественных текстов малого жанра в рамках когитологической концепции

3.1. Морфотемный анализ рассказа Э. Штриттматтера «Der Tausch» («Обмен»)

От анализа фрагментов текста перейдем к морфотемному анализу художественных текстов малого жанра, входящих в книгу «Schulzenhofer Gramkalender» («Шульценгофский календарь всякой всячины») немецкого писателя Э. Штриттматтера.

В качестве образца следует предоставить полный морфотемный анализ рассказа Э. Штриттматтера «Der Tausch» («Обмен») в оригинале и переводе.

Der Tausch

Mein Sohn Matthes schenkte mir eine Hagebutte. Sie glänzte wie ein Osterei, das mit Speckschwarte eingerieben wurde.

Ich schenkte Matthes das Foto von einem Damhirsch. Matthes war glücklich, und ich war glücklich. Das Hirschfoto hängt über Matthes' Bett. Die Hagebutte schmückt meinen Schreibtisch; sie liegt da und glänzt und sagt, wenn ich hinseh: Vergiß nicht, der Herbst hat Freuden, mein Lieber! [Strittmatter, 1971: 269].

Обмен

Мой сын Маттес подарил мне плод шиповника. Он блестел как пасхальное яйцо, помазанное салом.

Я подарил Маттесу картинку с изображением лани. Маттес был счастлив, и я был счастлив. Картинка с изображением лани висит над кроватью Маттеса. Плод шиповника украшает мой письменный стол; он лежит там и блестит, и, когда я смотрю на него, говорит: Не забывай, что осень приносит радость, мой дорогой! [перевод А.С. Макаренко].

Для того чтобы выявить логико-семантические блоки лингвем, представим логико-семантические признаки. Признаки логосемы подразделяются на

реляционный, субстанциальный, количественный, локальный, качественный, темпоральный блоки.

1. Субстанциальный блок: *Sohn (сын), Matthes (Маттес), ich (я), Damhirsch (лань)* (одушевлённые); *eine Hagebutte (плод шиповника), Osterei (пасхальное яйцо), Speckschwarte (сало), das Foto (картинка), Schreibtisch (письменный стол)*.
2. Локальный блок: *über Bett (над кроватью), da (там)*.
3. Темпоральный блок: *der Herbst (осень), wenn (когда)*.
4. Реляционный блок:
  - акционального типа: реальные действия: *schenkte (подарил), glänzte (блестел), war (был), hängt (висит), schmückt (украшает), liegt (лежит), sagt (говорит), hinseh (смотрю), vergiß nicht (не забывай), hat (имеет)*;
  - possessivного типа: *mein (мой), mir (мне)*.
5. Качественный блок: *glücklich (счастливый), Freuden (радости), Lieber (дорогой)*.

Также следует представить контактные связи лингвем, взаимосвязанные через реляторы.

Суб Неодуш	- <i>sie (он)</i>
Реляциональность	- <i>liegt (лежит)</i>
Локальность	- <i>da (там)</i>

Суб Неодуш	- <i>Das Hirschfoto (картинка с изображением лани)</i>
Реляциональность	- <i>hängt (висит)</i>
Локальность	- <i>über Matthes Bett (над кроватью Маттеса)</i>

Рассмотрение данных блоков позволяет сделать вывод о том, что основным каналом повествования является субстанциальный. Также стоит отметить, что в тексте не представлен количественный блок. Реляционный канал служит связующим звеном между лингвемами и не является самостоятельным. На рисунках-полиграммах представим несколько примеров линейных контактных синтагмем (см. Рисунок 40, Рисунок 41 и Рисунок 42):

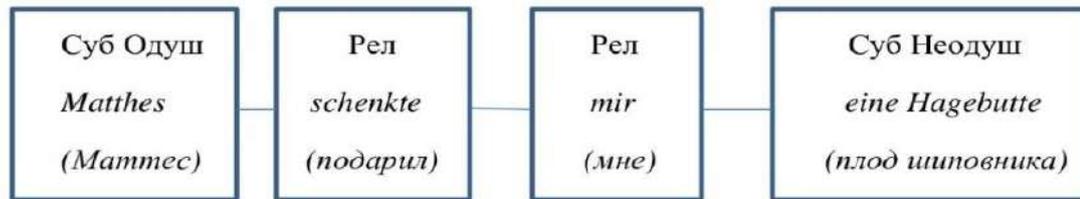

Рисунок 40. Синтагма контактного предложения

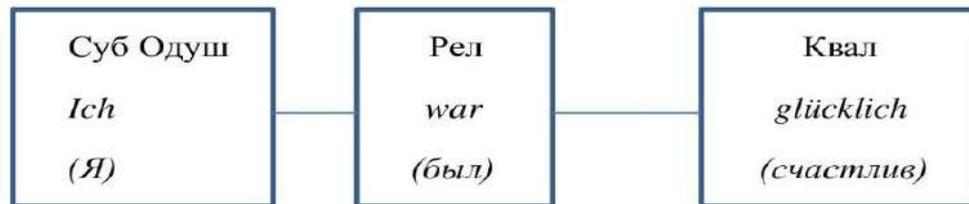

Рисунок 41. Синтагма предложения с контактной связью

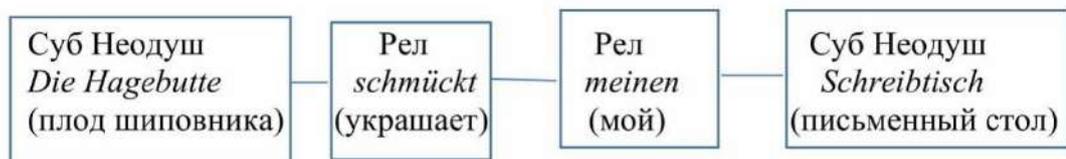

Рисунок 42. Синтагма предложения с контактной связью

Коммуникативные смыслы формируются на базе логосемных блоков. Из текста читатель узнаёт, что у главного персонажа есть сын, которого зовут Маттес. Они обмениваются друг с другом небольшими подарками. Маттес дарит отцу плод шиповника, а отец дарит сыну картинку с изображением лани. Оба радуются подарку. Маттес повесил подарок отца над кроватью. Отец хранит подарок сына на письменном столе. С помощью темпоральной лингвемы *der Herbst* (осень) читатель понимает, что действие происходит осенью.

Восприятие коммуникативной и прагматической сути текста происходит путём его интерпретации. В предложении *Die Hagebutte schmückt meinen Schreibtisch* (Плод шиповника украшает мой письменный стол) актуализируется эшелонизированное предцирование, результатом которого являются следующие когниции:

- Существует кто-то, кому принадлежит стол;
- Стол используется своим владельцем для академических, профессиональных или бытовых задач, например, для письма или чтения;
- Украшением письменного стола служит плод шиповника.

Из предложения о том, что персонаж был счастлив, выводится, что произошло событие, которое вызвало в нем эмоцию радости, счастья. В данном случае коммуникема представлена в чистом виде, так как она ориентирована на адресата. Автор не делает здесь намеков ни на что.

На рисунке представлено соотношение слова с концептом и когницией (см. Рисунок 43).

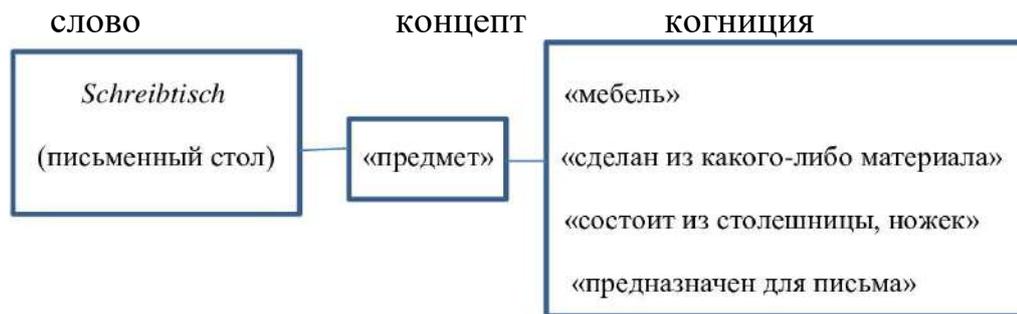

Рисунок 43. Соотношение слова с концептом и когницией

В вербальной интерпретации это представлено более детально с указанием типов логосем. Представим синтагмему и синтагмемные компоненты лингвемы «*Schreibtisch*» (письменный стол):

Schreibtisch (письменный стол) – это предмет (субстанциальность как родовой признак; концепт); относящийся к классу (классификация – первая когниция); мебели (субстанциальность как видовой признак – вторая когниция); сделанный из (фактитивная акциональность – третья когниция); какого-то материала, например из дерева (фабрикативная субстанциальность – четвертая когниция); состоит из (конститутивность – пятая когниция); столешницы, ножек (субстанциальное содержание – шестая когниция); предназначен для (утитивность – седьмая когниция); письма (акциональность – восьмая когниция). Коммуникемный смысл заключается в «предназначен для письма». В словосочетании «*schmückt meinen Schreibtisch*» (*украшает мой письменный стол*) коммуникема = «что-то служит украшением места, предназначенного для письма»; прагмема = «нужно беречь то, что дорого».

Наряду с коммуникативным смыслом в тексте вычитывается и другой, более глубокий смысл – прагматический. Представим диаграмму вертикальной

структуры текста для того, чтобы рассмотреть выявление прагмемного смысла более детально (см. Рисунок 44):

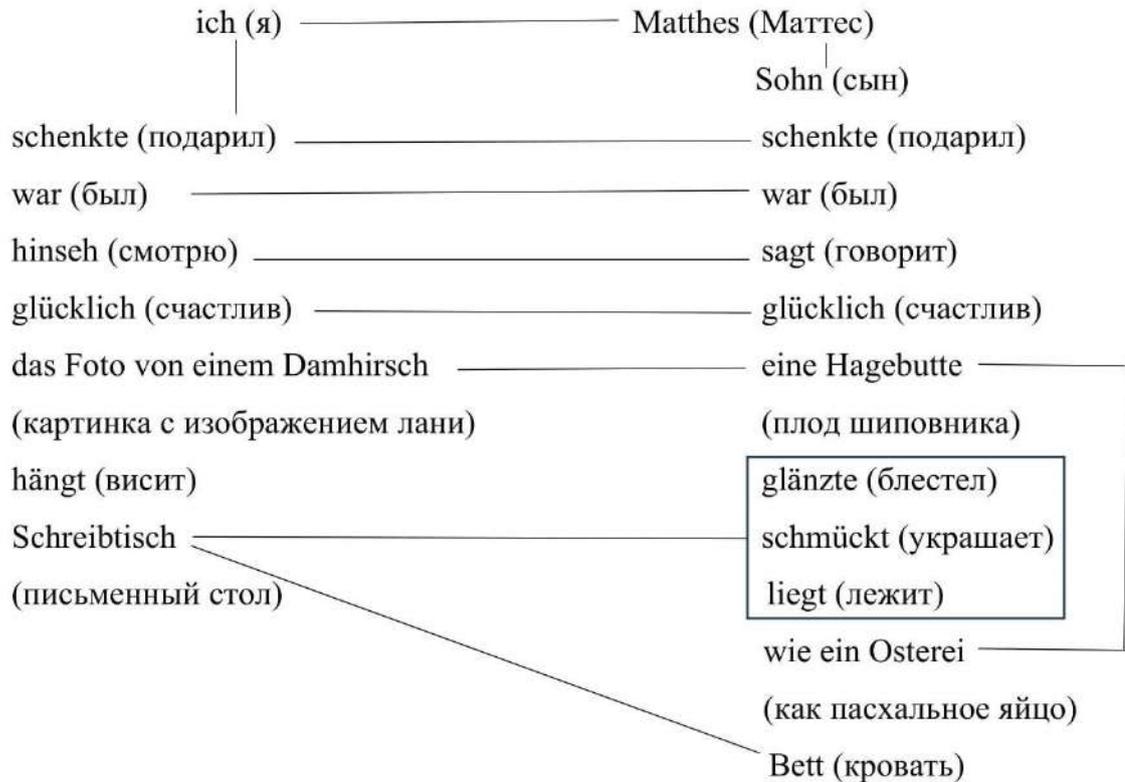

Рисунок 44. Вертикальная структура рассказа «Der Tausch» («Обмен») Э. Штриттматтера

На спирали отображено, как субъектно-предикатные отношения, качественная, количественная, темпоральная, локальная части реализуются в рассказе (см. Рисунок 45):

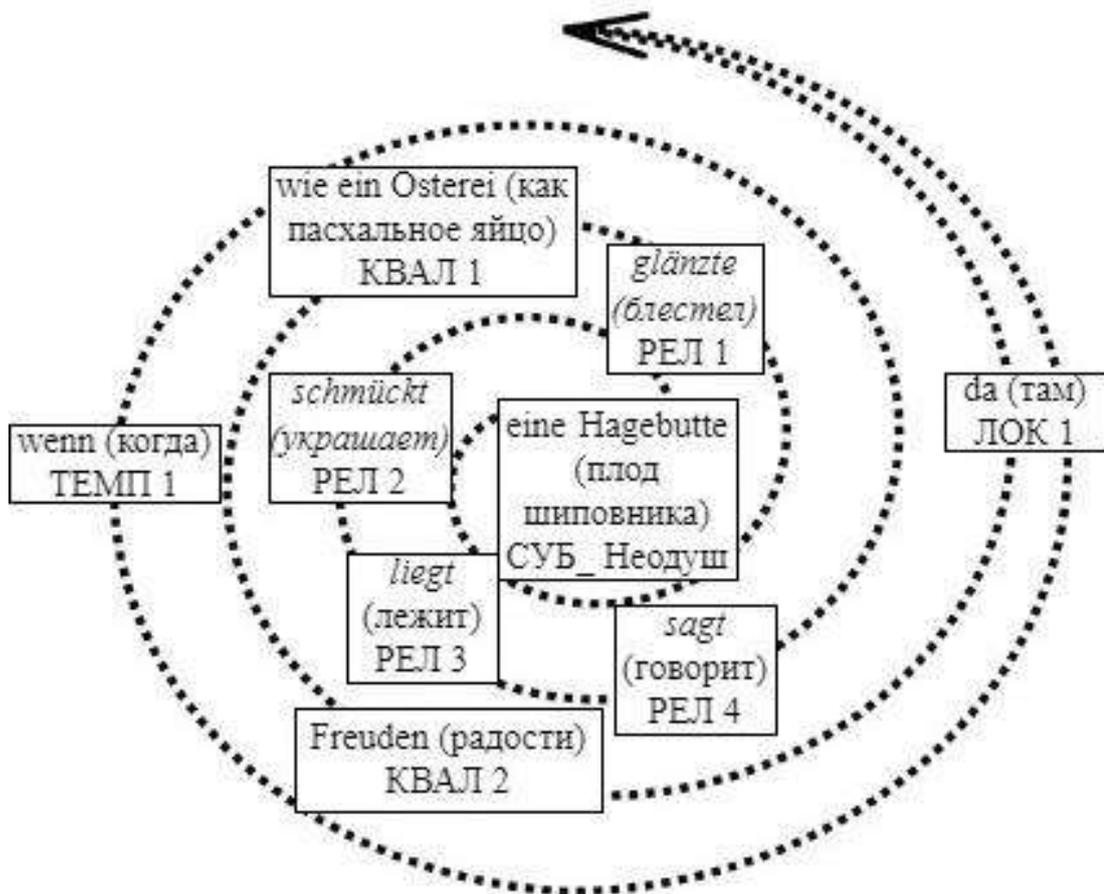

Рисунок 45. Спиралевидная структура рассказа «Der Tausch» («Обмен»)
Э. Штриттматтера

На рисунке ниже отобразим логосемные дистантные связи рассказа «Der Tausch» («Обмен») (см. Рис. 46):

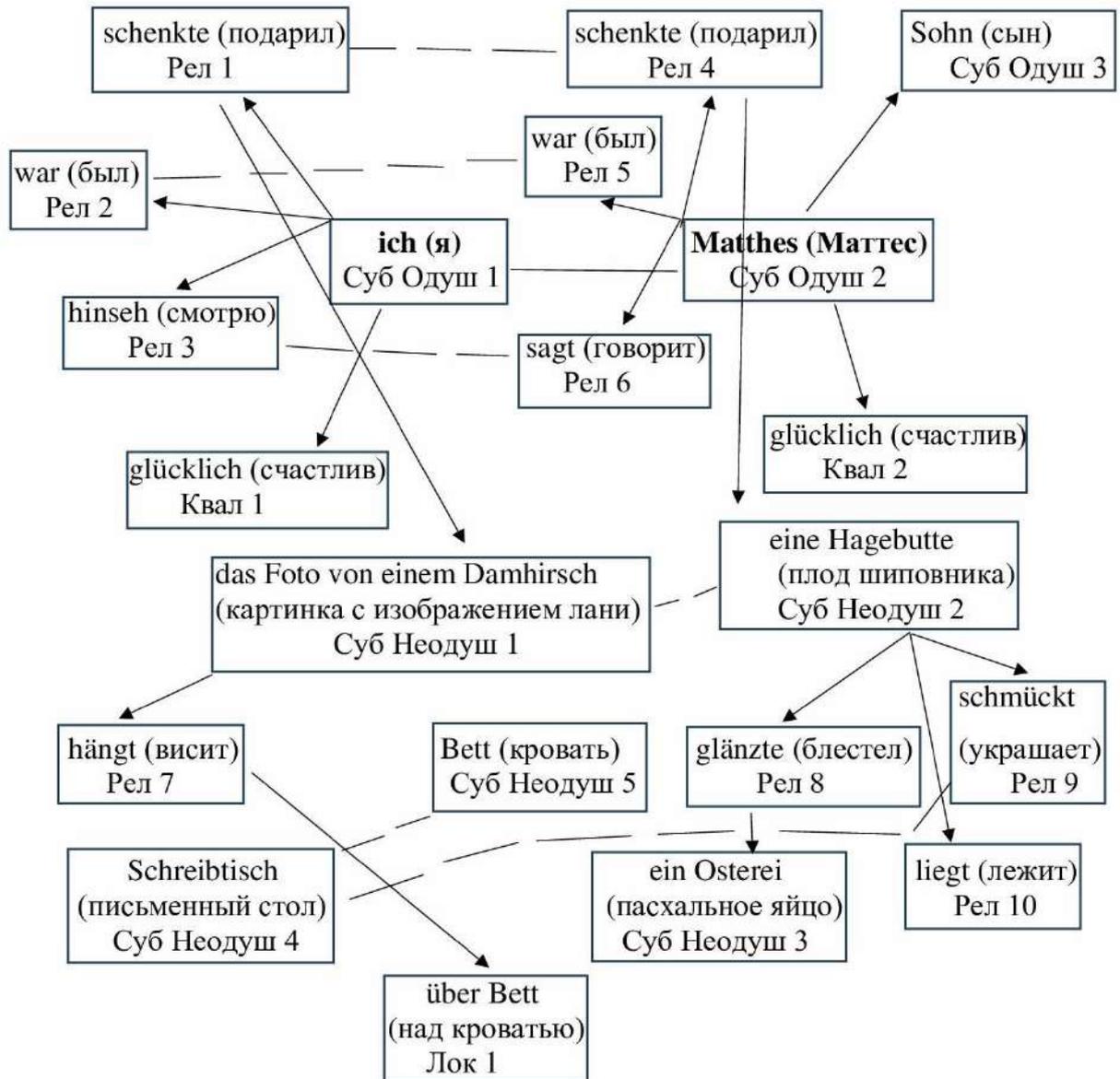

Рисунок 46. Логосемные дистантные (вертикальные) связи в рассказе «Der Tausch» («Обмен») Э. Штриттматтера с ядерными, околядерными и периферийными логосемами

Ядра составляют две лингвемы «ich» (я) и «Matthes» (Маттес). Околядерную зону занимают реляторы «schenkte» (подарил), «war» (был), «hinseh» (смотрю), «sagt» (говорит). Периферийную зону составляют качественность «glücklich» (счастлив), неодушевленные субстанциальности «eine Hagebutte» (плод шиповника), «Schreibtisch» (письменный стол), «ein Osterei» (пасхальное яйцо), реляторы «glänzte» (блестел), «schmückt» (украшает), «liegt» (лежит), локальность «über Bett» (над кроватью).

Рассмотрим контактные и дистантные связи в анализируемом рассказе, которые влияют на смыслопорождение в нем:

1. «*ich war glücklich*» (я был счастлив) – «*Matthes war glücklich*» (Маттес был счастлив) (СУБ_Одуш + РЕЛ + КВАЛ). Смысл вычитывается посредством использования автором качественной лингвемы, выражающей эмоцию и чувство радости (эмоциональная составляющая);
2. «*ich hinseh*» (я смотрю) – «*er sagt*» (он говорит) (СУБ_Одуш + РЕЛ). Смысл вычитывается посредством контраста, который реализуется в использовании вербального и невербального действия;
3. «*eine Hagebutte schmückt meinen Schreibtisch*» (Плод шиповника украшает мой письменный стол) (СУБ_Неодуш + РЕЛ + РЕЛ + СУБ_Неодуш). Смысл того, что плод шиповника вызвал положительную эмоцию и чувство радости вычитывается посредством использования релятора «украшает» и неодушевленной субстанциальностью «письменный стол», которая также указывает на то, что повествователь занимается писательским мастерством (= прагмемный смысл);
4. «*Das Foto von einem Damhirsch hängt über Bett*» (Картинка с изображением лани висит над кроватью) (СУБ_Неодуш + СУБ_Одуш + РЕЛ + ЛОК). Смысл выражается посредством неодушевленной субстанциальности, одушевленной субстанциальности, релятора и лингвемы локативного блока, где доминантой выступает локативность «über Bett» (над кроватью). Именно посредством данной локутивности вычитывается смысл, заключающийся в важности и значимости для персонажа вещи, то есть картинки с изображением лани.

На выявленных и вычитанных в тексте смыслах прослеживается параллель и аналогия происходящих событий, а именно: смотрю – говорит; я был счастлив – сын был счастлив; служит украшением стола – висит над кроватью; плод шиповника – картинка с изображением лани.

В начале текста читатель видит авторское сравнение блеска плода шиповника с пасхальным яйцом, которое является символом религиозного праздника Пасхи. Из этого сравнения выводится прагматический смысл, который заключается в том, что блеск плода шиповника напоминает об этом светлом празднике. Отсюда

выводится, что повествование в тексте ведется, вероятно, о религиозной семье. Путем применения принципов когнитологической концепции происходит приписывание так называемого «нового» смысла, который выявляет современный реципиент. Наверняка, изначально автор не ставил перед собой цель – описать своих персонажей религиозными. Стоит отметить, что на картинке, которую отец подарил сыну, изображена именно лань как символ нежности, божественного посланника. Этим подарком отец передал сыну свою родительскую любовь. Из обращения о том, что осень приносит радость, то есть плоды, выводится, что Маттес собрал плоды шиповника в осенние месяцы в период с сентября по октябрь. Именно в этот период созревают полностью плоды шиповника.

Текст называется «Der Tausch» («Обмен») по той причине, что между отцом и сыном существует неразрывная связь, обмен, казалось бы, незначительными подарками, вызывает у персонажей взаимные радостные эмоции. Обмен не столько подарками, сколько радостью и любовью – тот смысл, который можно приписать данному рассказу.

Контенсиональные признаки отвечают за наполнение компонентов синтагмемы содержанием, например: *Schreibtisch* (*письменный стол*) – это предмет мебели, представленный в виде широкой горизонтальной доски на высоких опорах, ножках, сделанный из массива дерева разных пород (сосны, дуба, берёзы), предназначен для письма. Синтагмемные признаки служат прототипами мыслительных понятий и соотносятся с формальными категориальными признаками, например, при совпадении рода имён существительных в немецком и русском языках. Примеры: *das Foto* – *изображение* («средний род» – «средний род»), *Sohn* – *сын* («мужской род» – «мужской род»), *Schreibtisch* – *письменный стол* («мужской род» – «мужской род») [Strittmatter, 1971: 269]. Некоторые синтагмемные признаки выполняют исключительно классификационную функцию по той причине, что отсутствует аналог в синтагмеме. Примеры: *eine Hagebutte* – *плод шиповника* («женский род» – «мужской род»), *der Herbst* – *осень* («мужской род» – «женский род») [Strittmatter, 1971: 269].

В когитологическом отношении интерес представляют атрибутивные словосочетания, воплощающие тернарные когитемные отношения. Под когитемой принято понимать единство локутемы, коммуникемы, ассоциативной части лингвемы и концептемы [Фефилов, 2010: 191]. Определяющий компонент тернарной когитемы X представлен в формантеме в виде детерминемы D, и определяемый компонент у репрезентирован в виде категоремы K, ядерный релятор R формантизируется в виде предикатора P. В русском языке выделяются следующие способы объективации когитемы с учетом имплицитности (0) и эксплицитности (1) / (1+1) репрезентации:

1. DX(0) PR(0) KY(1): Schreibtisch (**письменный стол**) (=предмет мебели, представленный в виде широкой горизонтальной доски на высоких опорах, ножках, сделанный из массива деревьев разных пород, предназначенный для письма).

Когитема, представленная ассоциативной или латентной детерминемой, имплицитным предикатором и эксплицитной немотивированной категоремой.

2. DX(1) PR(0) KY(1): mein Sohn (**мой сын**) (=человек, который является самым близким родственником);

Hagebutte (**плод шиповника**) (=плод, относящийся к роду растений семейства Розовые);

Matthes Bett (**кровать Маттеса**) (=предмет мебели, принадлежащий Маттесу).

Когитема, представленная эксплицитной детерминемой, имплицитным предикатором и эксплицитной категоремой.

В приведенных примерах предикаторы с детерминемами (представленный в виде чего-то; является родственником; относится к роду растений; принадлежащий Маттесу) определяют и уточняют контенционал формантемы как совокупного экспликатора когитемы. Номинативная функция формантемы сводится, по существу, к имплицированному или латентизированному отношению идентификации в свернутой предикативной структуре, например: Это – письменный стол. Это – мой сын. Это – плод шиповника. Это – кровать Маттеса.

Как правило, предикативно свернутые синтагмы представляются в виде бинарных конструкций, имеющие в составе определяемый и определяющий компоненты. Имплицитный релятор не имеет обязательных номинативных аналогов в форматах глагола. Он является особенностью большинства атрибутивных групп. Посредством интерпретации текста следует учитывать взаимообусловленность компонентов, которые структурируют атрибутивную связь. При этом следует рассматривать каждый компонент в причинно-следственной связи с другими компонентами. Приведем примеры из текста:

1. Атрибутивная локутема - *mein Sohn* (мой сын); толковое определение – сын, чьим отцом является кто-то; синтагмемное определение – лицо мужского пола, состоящий в родственных отношениях.

2. Атрибутивная локутема - *Matthes Bett* (кровать Маттеса); толковое определение – кровать, которая принадлежит Маттесу; синтагмемное определение – предмет, принадлежащий кому-то.

3. Атрибутивная локутема - *Hagebutte* (плод шиповника); толковое определение - плод, относящийся к роду растений семейства Розовые; синтагмемное определение – предмет, относящийся к определенному роду.

3.2. Морфотемный анализ рассказа Э. Штриттматтера «*Hoffnung*» («Надежда»)

В качестве следующего примера представим морфотемный анализ рассказа Э. Штриттматтера «*Hoffnung*» («Надежда»), входивший в книгу «*Schulzenhofer Kramkalender*» («Шульценгофский календарь всякой всячины»).

Hoffnung

Über sonnige Frosttage gleitet das Jahr in den Winter. Baumblätter fallen, fallen auch, wenn der Wind nicht weht. Sie sind nicht nur golden, braun oder gelb; sie sind auch grün, und manche sind heugrau. Schwarm auf Schwarm fliegt grundlos - so scheint es dem groben Auge - auf den frostharten Weg am Friedhof. Am Hügel dort blühen noch die

Kuckuckslichtnelken, blühen noch so unverbraucht, so in Frühlingsfarben, als hätten die Toten mit ihren verstorbenen Fingern Fahnen ewigen Lebens gehißt [Strittmatter, 1971: 292].

Надежда

От солнечных, холодных дней год переходит в зиму. С деревьев опадают листья, опадают, даже когда не дует ветер. Они не только золотистые, коричневые или желтые; также они зеленые, а некоторые из них цвета сена с оттенком серого. Без причины летит стая за стаяй – как кажется с первого взгляда – на замерзшую дорогу у кладбища. Там на холме еще цветет горицвет кукушкин, еще цветёт так свежо, в весенней цветовой палитре, как будто мертвецы своими умершими пальцами подняли знамя вечной жизни [перевод А.С. Макаренко].

Представим синтагмему линейных семантических взаимосвязанных компонентов, например:

der Tote (мертвец) – (1) «тот, кто» (Суб Одущ)

(2) «является» (Рел)

(3) «мертвым» (Квал)

Структурно-позиционные признаки:

- исходный (1) «тот, кто»;
- промежуточный (2) «является»;
- замыкающий (3) «мертвым».

Анализируемый текст также поделим на субстанциальный, реляциональный, локальный, темпоральный, квалитативный, квантитативный блоки.

1. Субстанциальный блок: *die Toten* (мертвецы) (одушевленные), *Baum* (дерево), *Blätter* (листья), *der Wind* (ветер), *sie* (они), *Schwarm* (стая), *Auge* (глаз), *die Kuckuckslichtnelken* (горицвет кукушкин), *Fingern* (пальцы), *Fahnen* (знамя) (неодушевленные).

2. Реляциональный блок:

- акционального типа: реальные действия: *nich weht* (не дует), *scheint* (кажется), *blühen* (цветут);

- трансмотивного типа (передвижение): *gleitet (переходим), fallen (онадают), fliegt (летим)*;

- локального типа: *sind (есть)*;

- ирреальные действия: *als hätten...gehißt (как будто подняли)*.

3. Локальный блок: *auf den Weg (на дорогу), am Friedhof (у кладбища), am Hügel (на холме), dort (там), in Frühlingsfarben (в весенней цветовой гамме), in den Winter (в зиму)*.

4. Темпоральный блок: *über Frosttage (от холодных дней), das Jahr (год)*.

5. Качественный блок:

- субстанционального типа: *sonnige (солнечные), golden (золотистые), braun (коричневые), gelb (желтые), grün (зеленые), heugrau (цвет сена с оттенком серого), groben (примитивному)*;

- реляционального типа: *grundlos (без причины), frostharten (замерзшую), verstorbenen (умершими), ewigen (вечной)*.

Рассмотрение представленных блоков позволяет прийти к выводу, что основными каналами повествования являются субстанциональный и качественный. Реляциональный канал является несамостоятельным. Качественный блок в данном тексте отсутствует.

Лингвемы в тексте взаимосвязаны друг с другом через реляторы.

Суб Неодуш - *sie (они)*

Реляциональность - *sind (есть)*

Качественность - *nicht nur golden (не только золотистые)*

Локальность - *dort (там)*

Реляциональность - *blühen (цветёт)*

Суб Неодуш - *die Kuckuckslichtnelken (горюцвет кукушкин)*

В виде рисунков-полиграмм представим несколько примеров линейных синтагмем с контактной связью (см. Рисунок 47 и Рисунок 48):

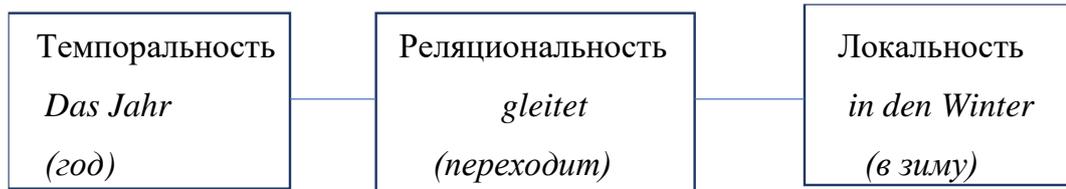

Рисунок 47. Линейная синтагма из рассказа «Hoffnung» («Надежда») Э. Штриттматтера

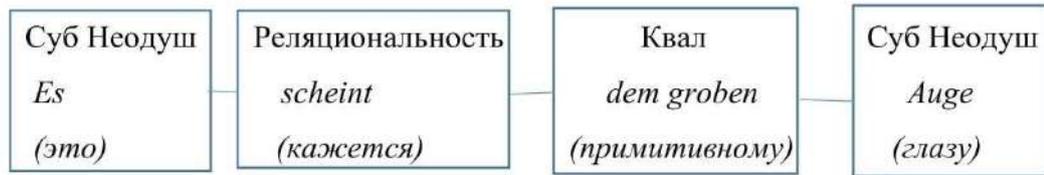

Рисунок 48. Линейная синтагма из рассказа «Hoffnung» («Надежда») Э. Штриттматтера

В анализируемом тексте также вычитываются коммуникативные смыслы. Из текста адресат (читатель) узнает, что действие происходит поздней осенью, в ноябре, в преддверье зимы. Листья опадали. Стая птиц летела к кладбищу, рядом с которым еще цвели кукушкины горичветы.

В предложении «Über sonnige Frosttage gleitet das Jahr in den Winter» (От солнечных холодных дней год переходит в зиму) актуализируется эшелонизированное предцирование, результатом которого являются следующие когниции:

- Накануне светило солнце;
- Погода была холодной;
- Осень подходит к концу.

На представленном предложении показано, что выявляются одновременно несколько коммуникативных смыслов.

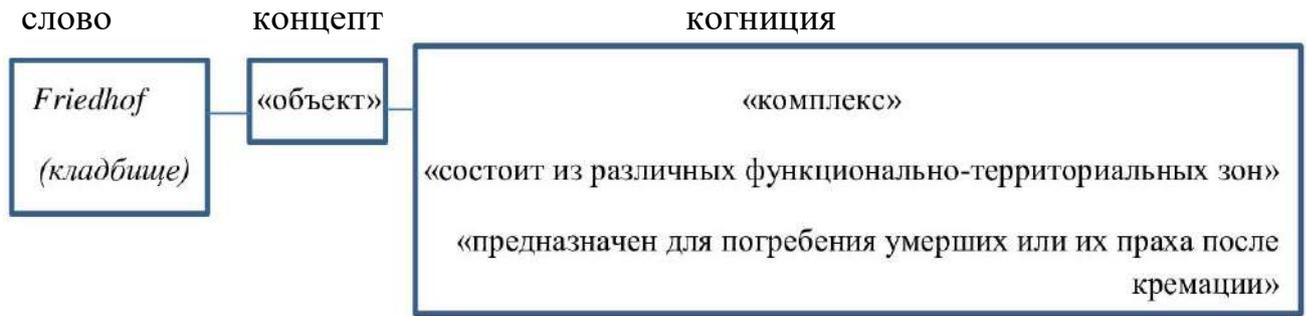

Рисунок 49. Соотношение слова, концепта и когниции

Синтагма лингвемы «*Friedhof*» («кладбище») выглядит следующим образом: «*Friedhof*» («кладбище») – это объект (локальность); представленный в виде (первая когниция) комплекса (вторая когниция); состоящий из (конститутивность – третья когниция) различных функционально-территориальных зон (четвертая когниция); предназначенный для (утитивность – пятая когниция) погребения умерших или их праха после кремации (шестая когниция) (см. Рисунок 49).

Коммуникативный смысл может выполнять исключительно информативную функцию. Посредством использования автором лингвемы «*sie*» адресат (читатель) приходит к пониманию, что речь идет о предметах во множестве, в анализируемом тексте о листьях. Далее из последующего предложения читатель узнает, что листья опадают с деревьев. Цвет листьев характеризуется автором конкретными лингвемами из квалитативного блока: *golden* (золотистые), *braun* (коричневые), *gelb* (желтые), *grün* (зеленые), *heugrau* (цвет сена с оттенком серого). Листья золотистые, то есть имеют цвет золота, также желтые. Отсюда выводится, что они обрели такой окрас посредством попадания на них солнечных лучей. То, что среди листьев есть и те, которые напоминают цвет сена, означает, что они зеленоватые. Это выводится из факта о том, что доброкачественное злаковое сено имеет зеленоватый цвет с разными оттенками, например, серым. Из сравнения цвета листьев и сена позволяет заключить, что действие в рассказе происходит в сельской местности. На это также указывает лингвема из локального блока «*Friedhof*» («кладбище») и синтагма предложения с контактной связью (см. Рисунок 50):

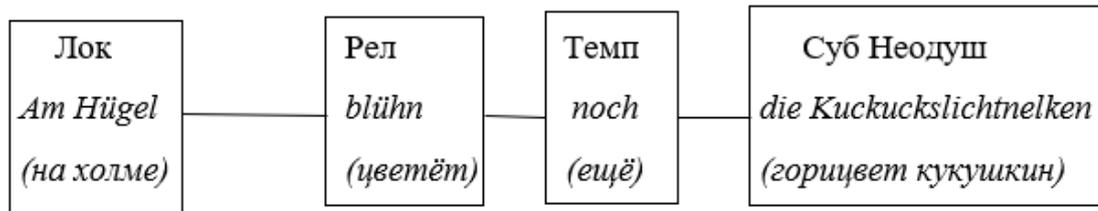

Рисунок 50. Синтагма предложения с контактной связью из рассказа «Hoffnung» («Надежда») Э. Штрिटматтера

Из анализируемого рассказа Э. Штрिटматтера кроме коммуникативных смыслов вычитывается прагматический смысл, в котором автор закладывает цель повествования и дает намек на то, что не названо конкретной лингвемой, но является важным и значимым. Представим диаграмму вертикальной структуры текста (см. Рисунок 51):

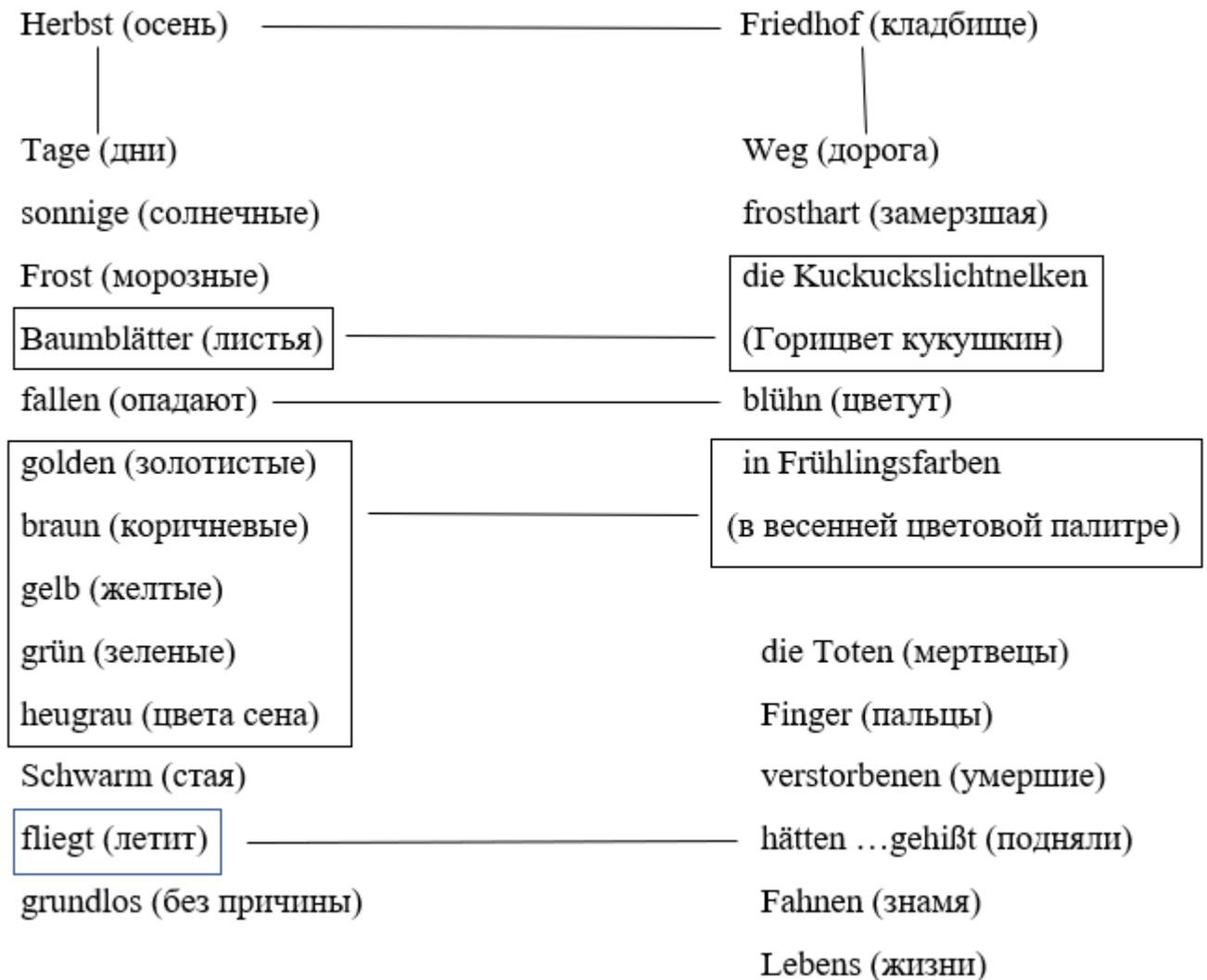

Рисунок 51. Вертикальная структура рассказа «Hoffnung» («Надежда») Э. Штрिटматтера

Данный рассказ, как и предыдущий, имеет спиралевидный тип структуры. Событие разворачивается в предмете (листья) (СУБ_Неодуш), затем совершаются действия, выраженные реляторами реляционного блока (РЕЛ), следует описание действующего предмета (КВАЛ 1, КВАЛ 2, КВАЛ 3, КВАЛ 4, КВАЛ 5), далее констатируются время и место разворачивающегося события (ТЕМП и ЛОК) (см. Рисунок 52):

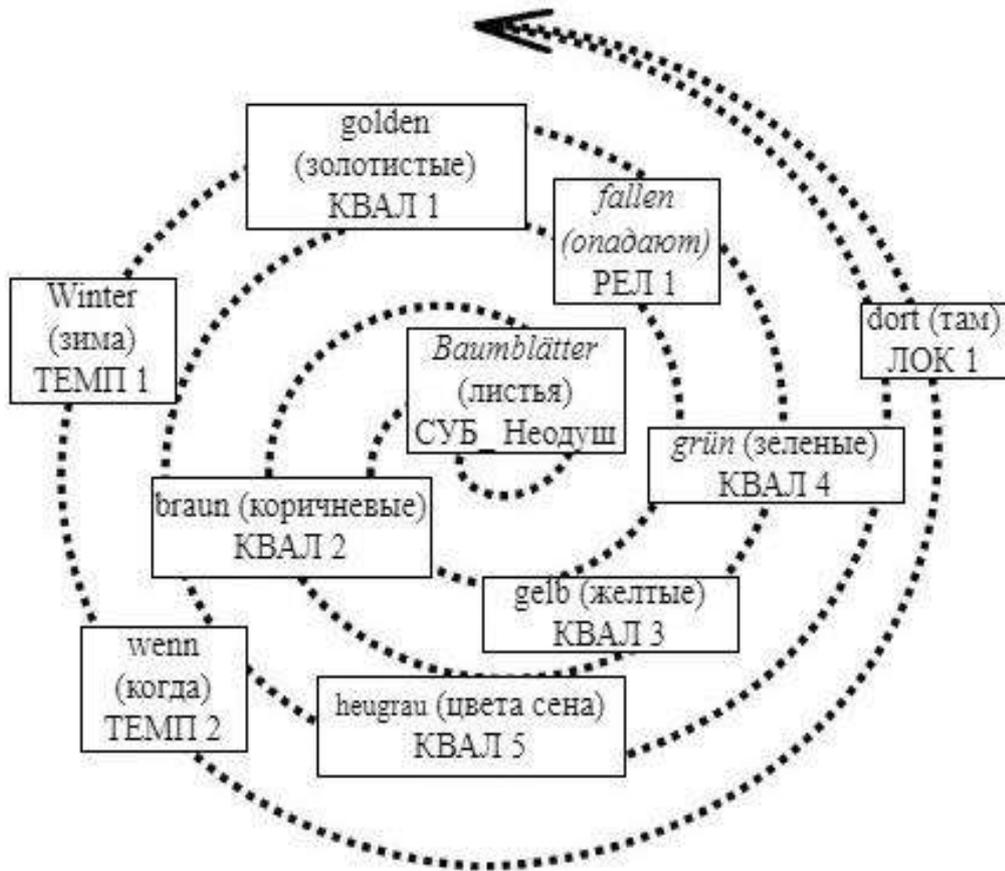

Рисунок 52. Спиралевидная структура рассказа «Hoffnung» («Надежда») Э. Штриттматтера

Построим логосемные вертикальные связи рассказа (см. Рис. 53):

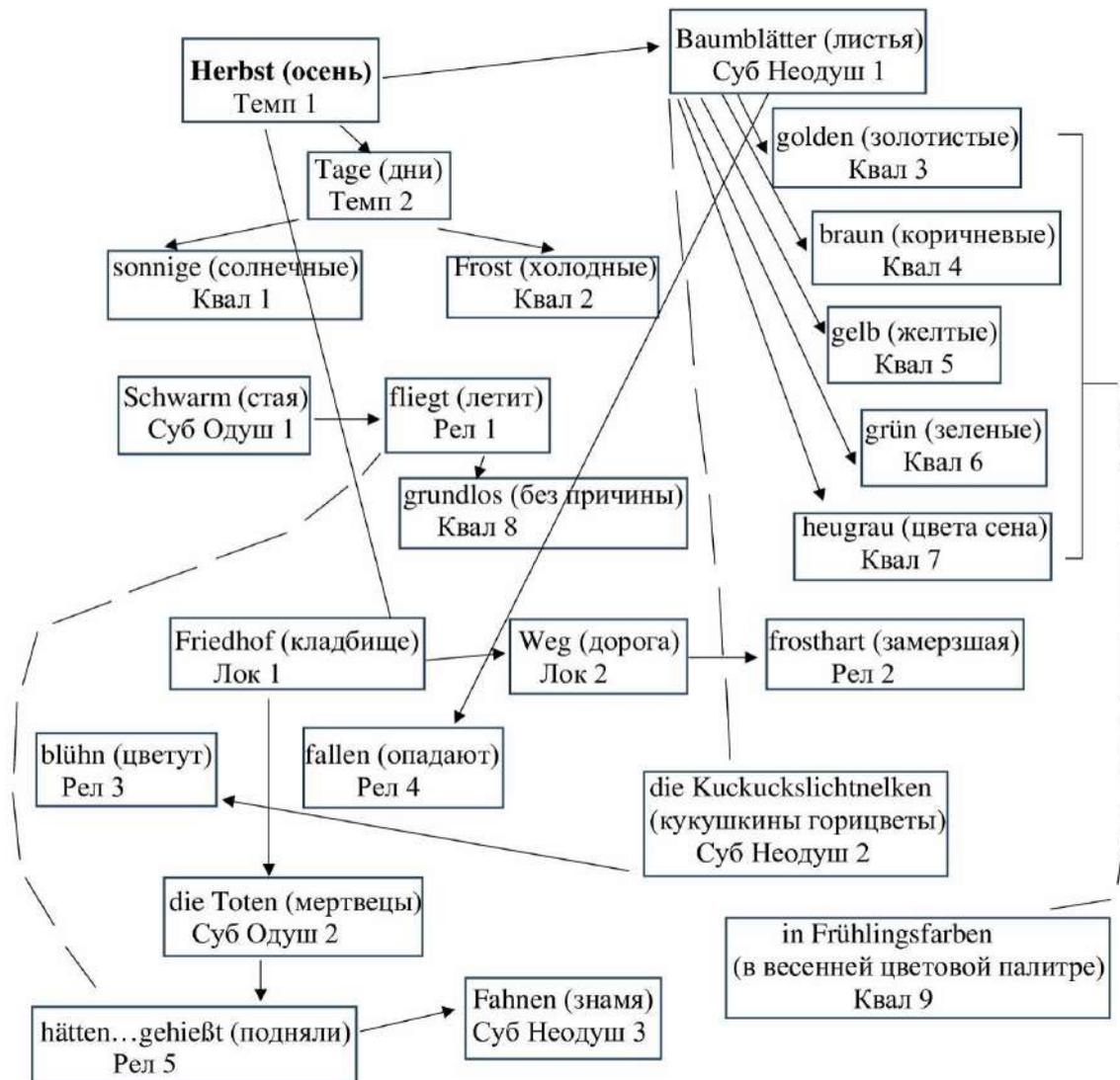

Рисунок 53. Логосемные дистантные (вертикальные) связи в рассказе «Hoffnung» Э. Штриттматтера с ядерными, околядерными и периферийными логосемами

В качестве ядерных логосем выступают темпоральность «Herbst» (осень) и локальность «Friedhof» (кладбище). Околядерными логосемами являются темпоральность «Tage» (дни), локальность «Weg» (дорога), субстанциальности «Baumblätter» (листья), «Kuckuckslichtnelken» (кукушкины горюцветы), «Schwarm» (стая), «die Toten» (мертвецы). Периферийную зону занимают качественные «golden» (золотистые), «braun» (коричневые), «gelb» (желтые), «grün» (зеленые), «in Frühlingsfarben» (в весенней цветовой палитре), «heugrau» (цвета сена), реляторы «fliegt» (летит), «hätten...gehiebt» (подняли), «blühen» (цветут), «fallen» (оппадают), субстанциальность «Fahnen» (знамя).

Представим примеры линейных и «вертикальных» связей в интерпретируемом рассказе, в которых порождается смысл:

1. «*Schwarm auf Schwarm fliegt*» (*стая за стаей летит*) (СУБ Одуш + РЕЛ) – Лингвемами, представленными одушевленными субстанциями «Schwarm auf Schwarm» (стая за стаей), выражается смысл, что повествователь имеет ввиду стаю птиц. Из контекста становится очевидно, что с приближением холодов птицы улетают в теплые края.
2. «*Am Hügel blühen die Kuckuckslichtnelken unverbraucht*» (*На холме свежо цветёт горицвет кукушкин*) (ЛОК + РЕЛ + СУБ Неодуш + КВАЛ) – Посредством лингвемы качественного блока «unverbraucht» (свежо) и релятора «blühen» вычитывается то, что цветы совсем недавно расцвели, несмотря на наступление холодов.
3. «*Baumblätter fallen*» (*листья опадают*) (СУБ Неодуш + РЕЛ) – Смысловую нагрузку несет релятор «опадают», что свидетельствует о смене времен года. На имплицитном уровне вычитывается темпоральность – осень сменяется зимой.

Наличие в рассказе неодушевленных субстанций *Baumblätter* (листья) и «*die Kuckuckslichtnelken*» (Горицвет кукушкин), реляторов «blühen» (цветут) и «fallen» (опадают), «fliegt» (летит) и «hätten...gehißt» (подняли), качественности «golden» (золотистые), «braun» (коричневые), «gelb» (желтые), «grün» (зеленые) и «in Frühlingsfarben» (в весенней цветовой палитре) позволяет заключить, что смысл порождается посредством аналогии и параллельного действия (события).

Основополагающим при выявлении глубинного смысла является понимание названия текста – «Hoffnung» («Надежда»). Автор дает тексту такое название исходя из того, что, с одной стороны, пришла пора опадать листьям, а с другой стороны, еще цветет кукушкин горицвет. *Die Kuckuckslichtnelken* (Горицвет кукушкин) – это вид цветковых растений семейства Гвоздичных. Это растение имеет тонкие корни, растет на лугах, лесах, вырубках. Горицвет кукушкин является медоносным растением, слово, которое встречается в тексте, «Schwarm» в переводе с немецкого языка означает «стая» (птиц), «рой» (пчел). Он цветет с мая до конца июля. Кажется, что с опавшими листьями и жизнь кончается, но надежду на продолжение жизни дает именно цветущий горицвет кукушкин. Он должен был

уже отцвести в такое холодное время года, ведь действие в тексте происходит поздней осенью, но он еще цветет в цветовой гамме весны, а весна ассоциируется со свежестью. Цветы дают надежду, что холода сменятся теплом, после зимы наступит весна. Это дает надежду на жизнь в целом. Весна – это тоже надежда на пробуждение природы, оживление всего живого, расцвета. Птицы при наступлении холода летят на юг, а не на кладбище (как кажется с первого взгляда, отмечает автор в тексте). На холодном кладбище птицы замерзнут и погибнут. Таким образом, они являются символом продолжения жизни. Птицы также выражают надежду. Они летят с надеждой долететь до теплых краев. Автор дает намек на вечную непрекращающуюся жизнь. В тексте звучит призыв – ценить жизнь и всегда хранить в себе надежду на светлое будущее, не сдаваться, что, в свою очередь, является выявлением «правильного» смысла.

3.3. Морфотемный анализ текста малого жанра «Mittags» («В полдень») Э. Штригтматтера

«Mittags»

Morgens beim ersten Kuckucksruf sitze ich an der Schreibmaschine, aber zum Mittag fällt mich der Schlaf an.

Kaum daß ich schlummere, wiehert der Hengst. Er wittert die rossige Bärenfellstute. Tausendjahrtöne der Hengsttrompete! Mein Schlummer zerfällt. Hengsthufe zertreten meine täuschenden Träume. Mein Werk umkreist mich. Sein Feind ist der Schlaf [Strittmatter, 1971: 32].

«В полдень»

По утрам при первом куковании я сижу за пишущей машинкой, но к полудню мной овладевает сон.

Не успею я забыться легким сном, как вдруг заржет жеребец. Он чует мохнатую кобылу, у которой течка. Гроыхание тысячи труб в ржании жеребца! Мой сон рушится. Копыта жеребца растаптывают мои обманчивые мечты. Моя работа вращается вокруг меня. Ее враг – сон [перевод А.С. Макаренко].

Ниже представлен пример синтагмемы линейных семантических взаимосвязанных компонентов:

- die Schreibmaschine* (пишущая машинка) – (1) «то, что» (Суб Неодуш)
 (2) «является» (Рел)
 (3) «печатным» (Рел)
 (4) «станком» (Суб Неодуш)

Структурно-позиционные признаки выглядят следующим образом:

- исходный (1) «то, что»;
- промежуточный (2) «является»;
- смежный (3) «печатным»;
- замыкающий (4) «станком».

Интерпретируемый текст можно подразделить на блоки:

Субстанциальный блок: *ich* (я), *der Hengst* (жеребец), *er* (он), *Feind* (враг) (одушевленные).

Реляциональный блок:

- акционального типа: реальные действия: *sitze* (сиджу), *fällt...an* (одолевает), *schlummere* (засыпаю), *wiehert* (ржет), *wittert* (чуем), *der Schlaf* (сон), *Schlummer* (сон), *Werk* (работа);
- локального типа: *ist* (есть);
- трансмотивного типа: *zerfällt* (рушится), *zertreten* (сокрушают), *umkreist* (вращается);
- локутивного типа: *Kuckucksruf* (кукование);
- посессивного типа: *mein* (мой), *sein* (его);
- ментального типа: *Träume* (мечты).

Квалитативный блок: *rossige* (мохнатую), *täuschenden* (обманчивые).

Квантитативный блок: *ersten* (первом), *Tausendjahr* (тысяча лет).

Темпоральный блок: *morgens* (по утрам), *zum Mittag* (к полудню), *kaum* (как только).

Локальный: *um mich* (вокруг меня), *an der Schreibmaschine* (за пишущей машинкой).

В интерпретируемом рассказе лингвемы созависимы посредством реляторов, например:

Суб Одуш – *er* (он)

Реляциональность – *wittert* (чуем)

Квалитативность – *die rossige* (мохнатую)

Суб Одуш – *Bärenfellstute* (кобылу)

Суб Одуш – *ich* (я)

Реляциональность – *sitze* (сужу)

Локальность – *an der Schreibmaschine* (за пишущей машинкой)

Линейная синтагма представлена в форме рисунка-полиграммы (см. Рисунок 54):

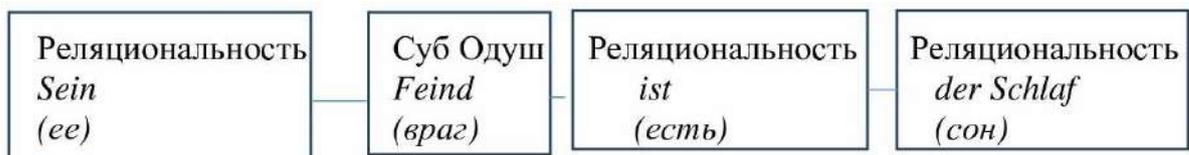

Рисунок 54. Линейная синтагма из рассказа «Mittags» («В полдень») Э. Штриттматтера

Из интерпретируемого рассказа при первом прочтении реципиент вычитывает коммуникемные (поверхностные) смыслы. Действие начинается утром, затем оно происходит в полдень. Рассказчик просыпается ранним утром. В обед он хочет отдохнуть, но ржание жеребца не позволяет ему это сделать. Рассказчик продолжает свою работу.

В предложении «*Kaum daß ich schlummere, wiehert der Hengst*» («Не успею я забыться легким сном, как вдруг заржет жеребец») актуализируется эшелонизированное предцирование, результатом которого являются следующие когниции:

- Действие происходит в сельской местности;
- У кого-то есть лошадь;
- Ржание жеребца не позволило его хозяину уснуть.

Следующие когниции и несколько смыслов выявляются в предложении «*Mein Schlummer zerfällt*» («*Мой сон рушится*»):

- На нарушение сна повлияло какое-то событие;
- У рассказчика было желание уснуть;
- Вероятно, он не выспался.

Рисунок 55. Соотношение слова с концептом и когницией

Синтагмему лингвемы «*die Schreibmaschine*» («*пишущая машинка*») можно описать в следующем виде: «*die Schreibmaschine*» («*пишущая машинка*») – это предмет (неодушевленная субстанция); представлен в виде (первая когниция) прибора (вторая когниция); состоящий из (конститутивность – третья когниция) корпуса, клавиш, литер (четвертая когниция); предназначенный для (утитивность – пятая когниция) печати знаков на листе бумаги посредством набора отдельных клавиш (шестая когниция) (см. Рисунок 55).

Посредством совпадения рода имен существительных в обоих языках соотносятся синтагмемные и формальные категориальные признаки. Примеры из интерпретируемого рассказа: *die Schreibmaschine* – пишущая машинка («женский род» – «женский род»), *der Mittag* – полдень («мужской род» – «мужской род»), *der Schlaf* – сон («мужской род» – «мужской род»), *der Hengst* – жеребец («мужской род» – «мужской род»), *der Feind* – враг («мужской род» – «мужской род»). В случае выполнения синтагмемных признаков только классификационной функции род имен существительных в русском и немецком языках станет отличным. Примеры из интерпретируемого рассказа: *der Kuckucksruf* – кукование («мужской род» – «средний род»), *das Werk* – работа («средний род» – «женский род»).

Посредством применения автором лингвемы «morgens» и «mittags» реципиент заключает, что действия происходят многократно, на протяжении долгого времени, отсюда следует, что действие повторяющееся. Так, следует вывод о том, что коммуникемный (поверхностный) смысл выполняет информативную функцию. Из применения конкретной лингвемы «пишущая машинка» реципиент понимает, что рассказчик занимается писательством. Сон рассказчика нарушает ржание жеребца, вероятно, где-то неподалеку (= ржание жеребца оказывает влияние на сон повествователя). Далее посредством употребления автором интонационного предложения «Гроыхание тысячи труб в ржании жеребца!» реципиент делает вывод, насколько громким был звук, издаваемый жеребцом, и как последствие – пробуждение рассказчика. Из предложения «Копыта жеребца растаптывают мои обманчивые мечты» следует, что сон для рассказчика является мечтой или так и останется мечтой (= отдых). После пробуждения рассказчика от сна, он снова берется за работу, и его жизнь продолжает течь в привычном русле, на это указывает предложение из рассказа «Моя работа вращается вокруг меня». Следует еще раз упомянуть, что действие в рассказе Э. Штриттматтера происходит в сельской местности, на что указывают лингвемы «кукушка», «жеребец», «кобыла» (см. Рисунок 56):

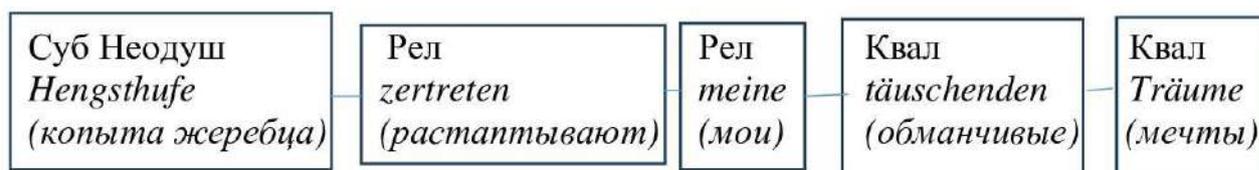

Рисунок 56. Линейная синтагма из рассказа «Mittags» («В полдень»)

Для достижения цели, а именно – выявить прагмемный смысл и способы его порождения в интерпретируемом рассказе, построим диаграмму вертикальной структуры данного текста (см. Рисунок 57):

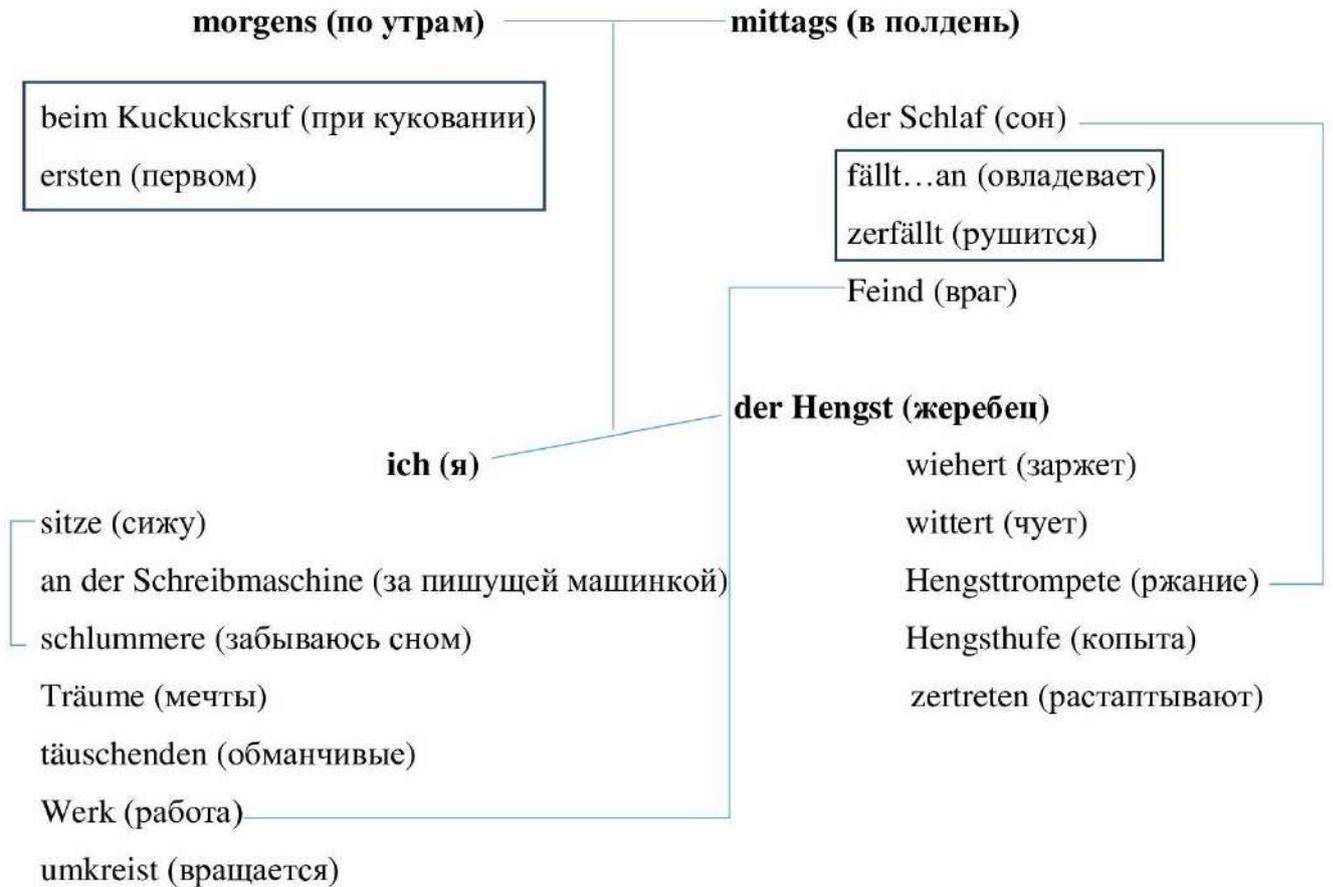

Рисунок 57. Вертикальная структура рассказа «Mittags» («В полдень»)
Э. Штриттматтера

Данный интерпретируемый рассказ также имеет спиралевидную структуру, состоящую из взаимосвязей логосемных блоков, на основе которых строится повествование и разворачивается событие. В ядре лежит лингвема субстанциального блока *ich (я)*. Околоядерную зону занимают реляторы и лингвемы временного обозначения. Периферийную зону занимает локальная часть (см. Рисунок 58):

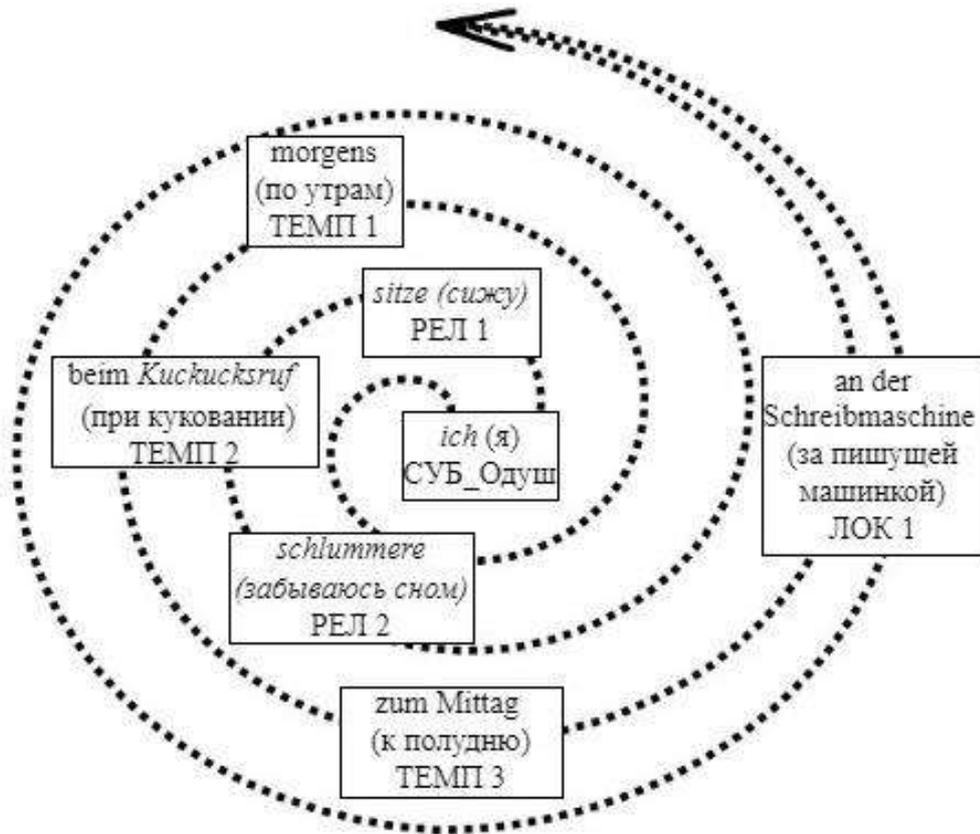

Рисунок 58. Спиралевидная структура рассказа «Mittags» («В полдень») Э. Шриттматтера

Построим логосемные вертикальные связи рассказа «Mittags» («В полдень») (см. Рисунок 59):

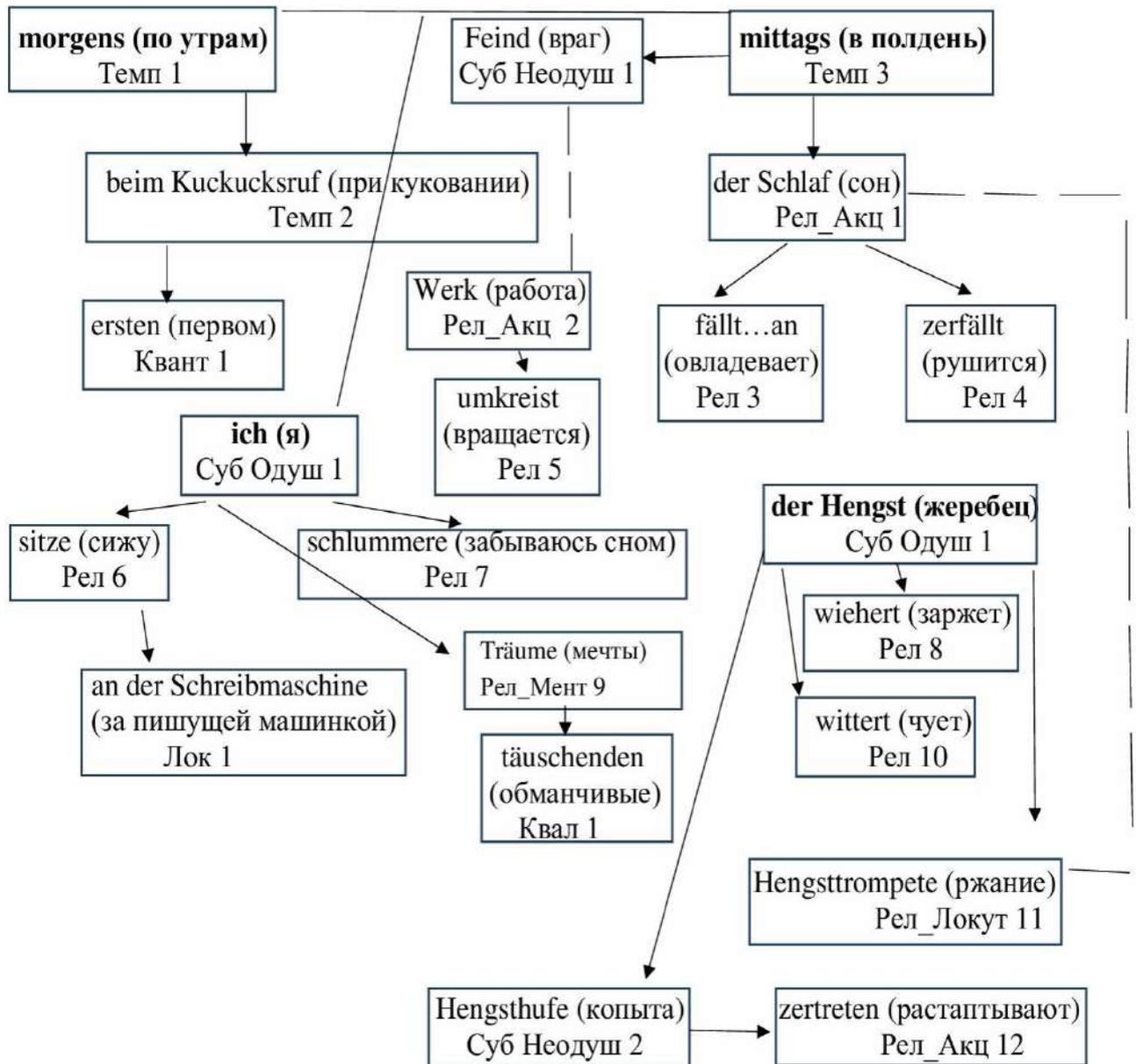

Рисунок 59. Логосемные дистантные (вертикальные) связи в рассказе «Mittags» («В полдень») Э. Шриттматтера с ядерными, околядерными и периферийными логосемами

Ядрами являются лингвемы темпорального блока «morgens» (по утрам), «mittags» (в полдень), а также субстанциального блока «ich» (я) и «der Hengst» (жеребец). Околядерную зону занимают темпоральность «beim Kuckucksruf» (при куковании), реляторы акционального типа «der Schlaf» (сон), «Werk» (работа), «wiehert» (заржет), «wittert» (чует), «sitze» (сизу), «schlummere» (забываюсь сном), fällt...an (овладевает), zerfällt (рушится). Периферийную зону занимают лингвема количественного блока «ersten» (первом), локального блока «an der Schreibmaschine» (за пишущей машинкой), реляционного блока типа

ментальности «Träume» (мечты), локутивного типа «Hengsttrompete» (ржание), акционального типа «zertreten» (растаптывают), квалитативного блока «täuschenden» (обманчивые).

Рассмотрим контактные и дистантные связи в интерпретируемом тексте, которые влияют на смыслопорождение:

1. «*ich sitze an der Schreibmaschine*» (*я сижу за письменной машинкой*) (СУБ_Инстр + РЕЛ_Акц + ЛОК) – Посредством субстанциальности типа инструментатив «Schreibmaschine» (пишущая машинка) вычитывается смысл, что повествователь занимается писательством, оттачивает писательское мастерство;
2. «*Der Hengst wiehert*» (*Жеребец ржет*) (СУБ_Одуш + РЕЛ) – «*Schlummer zerfällt*» (РЕЛ_Акц + РЕЛ) (*Сон проходит*) – «*Feind meines Werkes ist der Schlaf*» (*Враг моей работы – сон*) (СУБ_Неодуш + РЕЛ_Акц + РЕЛ + РЕЛ_Акц) – Посредством данной цепочки реализуется коммуникативный акт, результатом которого является то, что под воздействием ржания жеребца повествователь вынужден пробудиться и продолжает свою деятельность;
3. «*täuschende Träume*» (*обманчивые мечты*) (КВАЛ + РЕЛ_Мент) – Смысл порождается на стыке двух лингвем квалитативного блока «обманчивые» и реляционального блока ментального типа «мечты» и заключается в том, что желаемое не осуществилось.

Несмотря на то, что действие в рассказе автор начинает описывать, используя лингвему с темпоральным значением «morgens» (по утрам), событие разворачивается днем, на что указывает наличие множества реляторов: fällt...an (одолевает), schlummere (забываюсь сном), wiehert (заржет), wittert (чует), zerfällt (рушится), zertreten (растаптывают), umkreist (вращается). Посредством употребления при написании текста такого количества реляторов автор показывает стремительность динамики события. Таким образом, реципиент наблюдает, что описываемое событие динамично. Кроме того, мы можем проследить проведение параллели события посредством взаимодействия «заниматься писательством» (= сижу за пишущей машинкой) и лингвемы «работа». Отсюда выводиться смысл, что писательство и есть работа для рассказчика. Действие начинается действием сидеть

за пишущей машинкой и заканчивается этим же действием. Однако, стоит заметить, что к работе относится и ухаживание за жеребцом, принадлежащим рассказчику. Автор называет сон конкретной лингвемой «враг». Указанные смыслы приводят реципиента к пониманию глубинного, то есть прагмемного смысла, который выражается в призыве повествователя к борьбе против сна, безделья, призыв к деятельности, активности, в глобальном смысле – к борьбе за жизнь.

Рассмотрим атрибутивные словосочетания, которые служат способом реализации тернарных когитемных взаимосвязей.

На примере из рассказа когитема представлена ассоциативной или латентной детерминемой, имплицитным предикатором и эксплицитной немотивированной категоремой:

1. DX(0) PR(0) KY(1): Schreibmaschine (пишущая машинка) (= прибор, сделанный из металла и пластика, состоящий из корпуса, клавиш и литер, предназначенный для печати знаков на листе бумаги посредством набора отдельных клавиш).

На следующих примерах когитема представлена эксплицитной детерминемой, имплицитным предикатором и эксплицитной категоремой:

2. DX(1) PR(0) KY(1): mein Schlummer (мой сон) (= состояние, которое физиологически возникло у кого-то);

meine Träume (мои мечты) (= предмет, представляющий собой желание, присущее чьему-то воображению);

mein Werk (моя работа) (= деятельность, выполняющую кем-то);

sein Feind (ее враг (сон)) (= то, что причиняет вред кому-то).

Приведенные примеры позволяют прийти к выводу, что доминирующей является когитема второго типа и сводится к структуре: Это – пишущая машинка. Это – мой сон. Это – мои мечты. Это – моя работа. Это – ее враг.

Каждый элемент входит в причинно-следственный контакт с другими элементами.

Примеры из интерпретирующего рассказа:

1. Атрибутивная локутема - *mein Schlummer* (мой сон); толковое определение – состояние, присущее мне; синтагмемное определение – состояние, возникшее вследствие физиологического желания у кого-то.
2. Атрибутивная локутема - *meine Träume* (мои мечты); толковое определение – предмет, имеющий отношение ко мне; синтагмемное определение – предмет, представляющий собой желание, присущее чьему-то воображению.
3. Атрибутивная локутема - *mein Werk* (моя работа); толковое определение – деятельность, которую осуществляю я; синтагмемное определение – действие или процесс, которое выполняет кто-то.
4. Атрибутивная локутема - *sein Feind* (ее враг); толковое определение – кто-то или что-то, испытывающий отрицательное чувство, отношение к ней; синтагмемное определение – субстанция, причиняющая вред кому-то.

3.4. Морфотемный анализ текста Э. Штриттматтера «Die Totenrose» («Роза для мёртвых»)

«Die Totenrose»

Sonntag der Toten. Die Lebenden grüßen die nicht mehr Lebenden. Recht tot ist erst der, an den niemand mehr denkt. Eine Bäuerin trug einen Totenstrauß. Ostwind wehte. Er rupfte ihr eine Rose vom Strauß. Die Rose fiel in das Fallaub am Wege.

Ein Mann stopfte Fallaub in einen Sack. Er sah die Rose im braunen Laub. Er bückte sich und berührte sie. Der Ostwind pffiff, und der Mann ging weiter. Er wollte die raschelnde Rose nicht [Strittmatter, 1971: 73].

«Роза для мёртвых»

Поминальное воскресенье мёртвых. Живые встречаются с неживыми. По-настоящему мёртв только тот, о ком больше никто не вспоминает. Крестьянка несла на кладбище букет цветов. Подул восточный ветер. Он вырвал одну розу из её букета. Роза упала в опавшую листву на дороге.

Мужчина собирал опавшую листву в мешок. Он увидел розу среди коричневых листьев. Он наклонился и дотронулся до неё. Снова подул сильный восточный

ветер, мужчина выпрямился и пошёл дальше. Ему не нужна была роза, которая шелестит [перевод А.С. Макаренко].

Представим логико-семантические признаки лингвемного состава текста, распределенные по блокам.

Субстанциальный блок: *die Lebenden* (живые), *nicht mehr Lebenden* (неживые), *niemand* (никто), *eine Bäuerin* (крестьянка), *ein Mann* (мужчина), *er* (он) (одушевленные); *die Rose* (роза), *Wind* (ветер), *er* (он), *Strauß* (букет), *Fallaub* (опавшие листья) (неодушевленные).

Локальный блок: *Ost* (Восток), *am Wege* (на дороге), *vom Strauß* (с букета), *in das Fallaub* (в опавшие листья), *in einen Sack* (в мешок), *im Laub* (в листве).

Темпоральный блок: *Sonntag* (воскресенье).

Реляциональный блок:

- акционального типа: реальные действия: *grüßen* (приветствуют), *denkt* (думает), *rißte* (вырвал), *stopfte* (собирал), *sah* (увидел), *berührte* (дотронулся), *pfiff* (засвистел), *wollte nicht* (не хотел);

- трансмотивного типа: *trug* (несла), *wehte* (подул), *fiel* (упала), *bückte sich* (наклонился), *ging* (пошел).

- посессивного типа: *ihr* (ее).

Квалитативный блок: *tot* (мертв), *braunen* (коричневой), *raschelnde* (шуршащей).

Квантитативный блок: *eine* (одну).

Следует отобразить связи лингвем, которые взаимосвязаны посредством реляторов:

Суб Одущ	- <i>er</i> (он)
Реляциональность	- <i>sah</i> (увидел)
Суб Неодущ	- <i>die Rose</i> (розу)
Локальность	- <i>im</i> (в)
Квалитативность	- <i>braunen</i> (коричневой)
Локальность	- <i>Laub</i> (листве)
Суб Одущ	- <i>ein Mann</i> (мужчина)

Реляциональность	- <i>stopfte (собирал)</i>
Квантитативность	- <i>Fallaub (опавшие листья)</i>
Локальность	- <i>in einen Sack (в мешок)</i>

В интерпретируемом тексте основным каналами повествования являются субстанциальный и локальный. Реляциональный канал не является самостоятельным, а также, как и в выше представленных текстах обеспечивает связь между лингвемами. На рисунках-полиграммах отобразим некоторые линейные синтагмемы (см. Рисунок 60 и Рисунок 61):

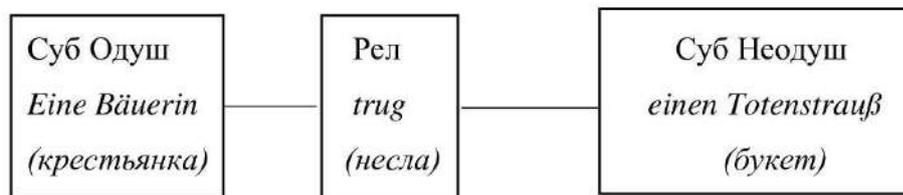

Рисунок 60. Линейная синтагма из рассказа «Die Totenrose» («Роза для мёртвых») Э. Штриттматтера

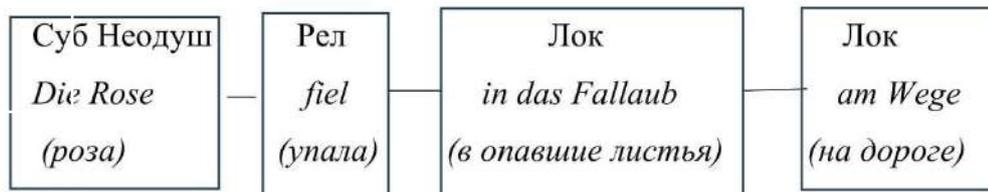

Рисунок 61. Линейная синтагма из рассказа «Die Totenrose» («Роза для мёртвых») Э. Штриттматтера

На основе логосемных блоков происходит формирование коммуникативных смыслов. При первичном прочтении текста реципиент приходит к пониманию, что действие в тексте происходит в особый день, в день памяти какого-то события. В этот день дул ветер с Востока. Он вырвал один из цветов из букета, который несла женщина. В ее букете были уже завядшие цветы. Мужчина, который убирал опавшую листву с дороги, увидев розу, оставил ее и ушел.

В предложении «*Ein Mann stopfte Fallaub in einen Sack*» (*Мужчина собирал опавшие листья в мешок*) реализуются следующие когниции:

- действие происходит осенью, когда опадают листья с деревьев;
- человек целесообразно взял с собой мешок, чтобы собрать мусор;

- он небрежно собирал листву в мешок.

В следующем рассматриваемом предложении *Ostwind wehte* (*Подул восточный ветер*) также актуализируется эшелонизированное предцирование, представленное когнициями:

- до того, как подул ветер, было тихо;

- ветер подул с восточной стороны.

Из сообщения о том, что мужчине не нравилась найденная шуршащая роза выводится, что она уже засохла и была не столь привлекательна для глаза как живой цветок. Отсюда выводится то, на что Э. Штриттматтер дает намек – завядший цветок никого не привлекает.

Синтагма лингвемы *Sack* (мешок) выглядит следующим образом: *Sack* (*мешок*) – это предмет (субстанциальность как родовой признак); сделанный из (фактитивная акциональность); какого-то материала, например, из сложенного вдвое (квантитативность) полотнища (фабрикативная субстанциальность), соединенных по краям. Коммуникативный смысл заключается в лингвемном содержании «предназначен для хранения мусора». В предложении «*Ein Mann stopfte Fallaub in einen Sack*» (*Мужчина собирал опавшие листья в мешок*) коммуникема = «опавшие листья представляют собой мусор»; прагмема = «необходимо убрать мусор» (см. Рис. 62).

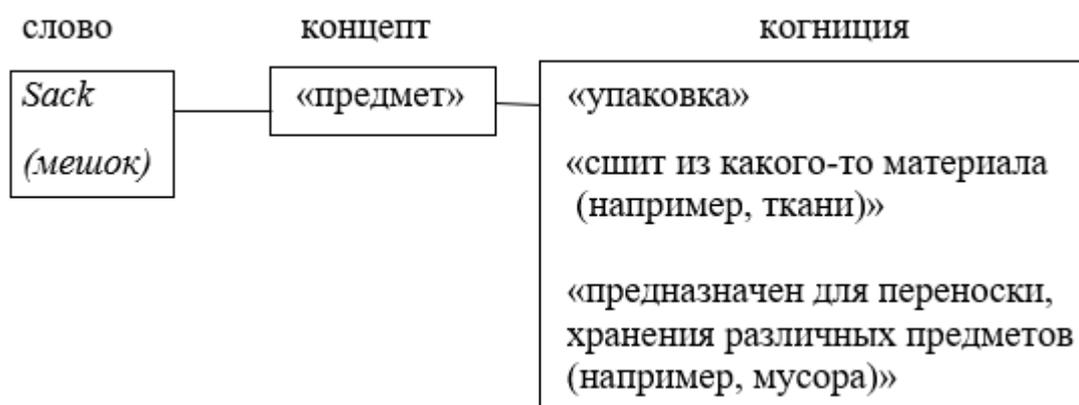

Рисунок 62. Соотношение слова, концепта и когниции

В тексте были выявлены и другие смыслы (прагмемные и латентные), которые вычитываются в том числе и посредством построения «вертикальной» структуры текста, представленной ниже (см. Рисунок 63).

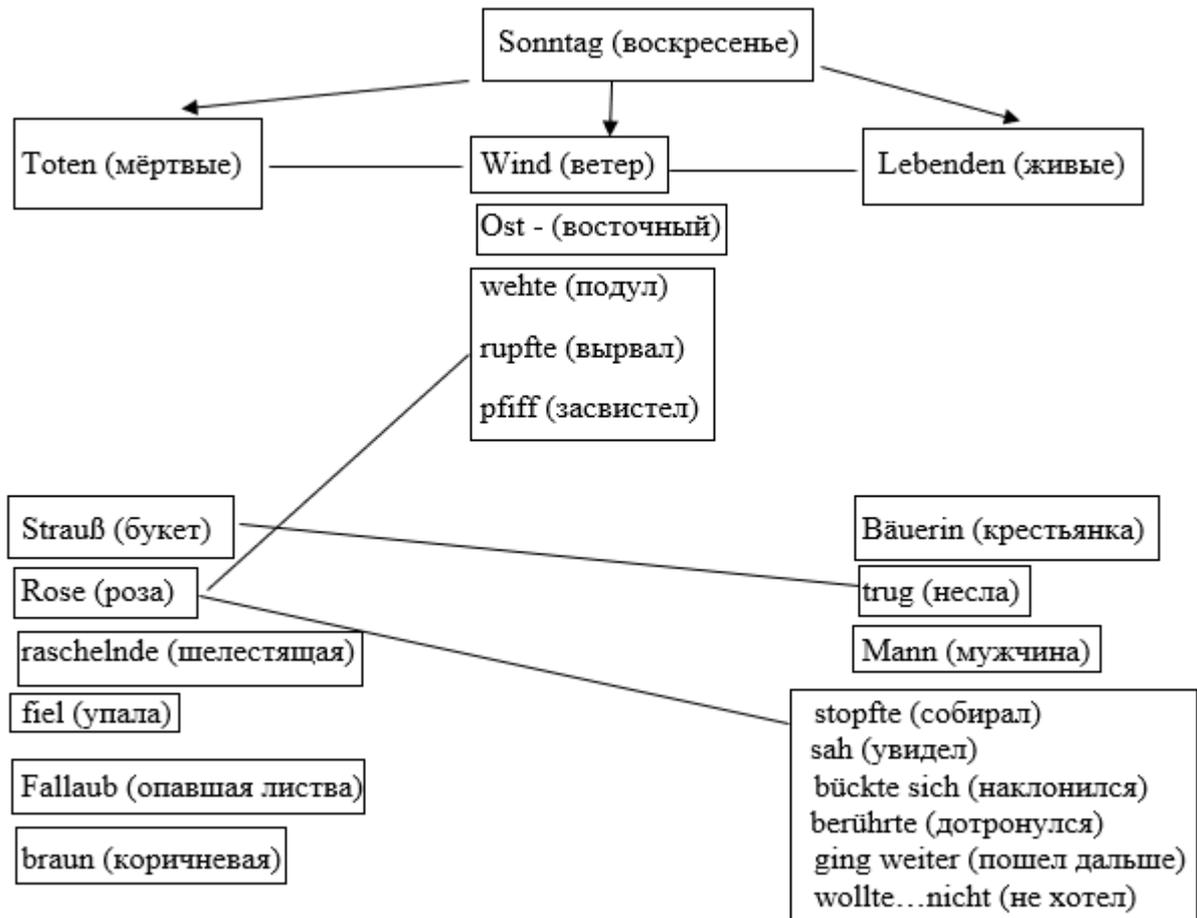

Рисунок 63. Вертикальная структура рассказа «Die Totenrose» («Роза для мёртвых») Э. Штрिटтматтера

Структура художественного текста малого жанра «Die Totenrose» («Роза для мёртвых») как и выше интерпретируемые и анализируемые рассказы Э. Штрिटтматтера имеет спиралевидную форму. Ядро структуры составляет одушевленная субстанция *мужчина*, который совершает определенные действия, выраженные в рассказе реляторами, составляющие, как и качественная часть, околядерную зону. Периферийную зону занимают темпоральная и локальная части (см. Рисунок 64):

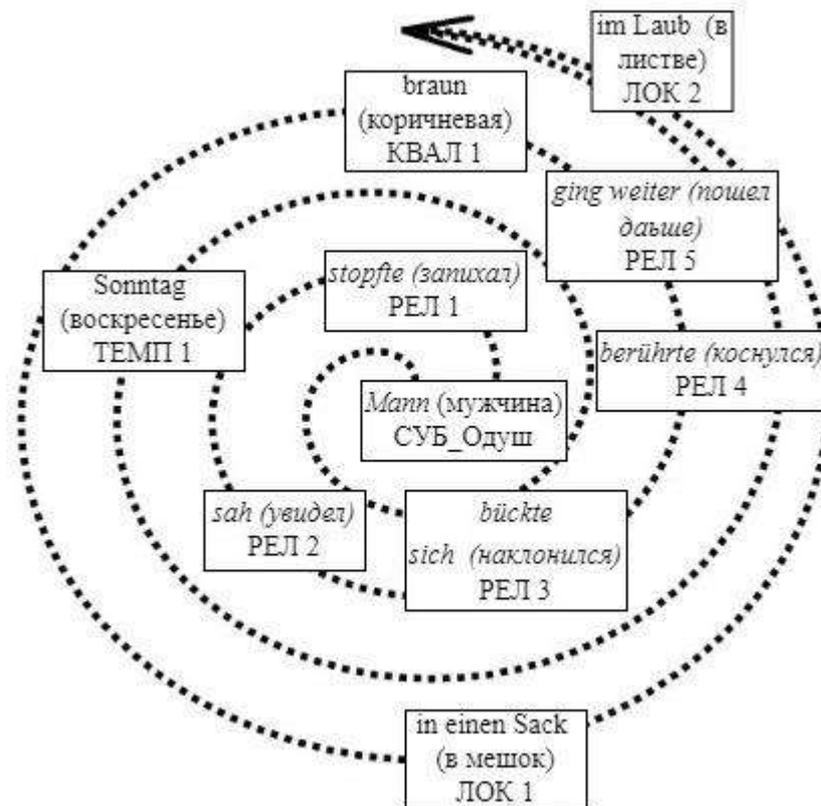

Рисунок 64. Спиралевидная структура рассказа «Die Totenrose» («Роза для мёртвых») Э. Штрийтматтера

Построим диаграмму дистантных условно «вертикальных» отношений логосем в интерпретируемом рассказе (см. Рисунок 65):

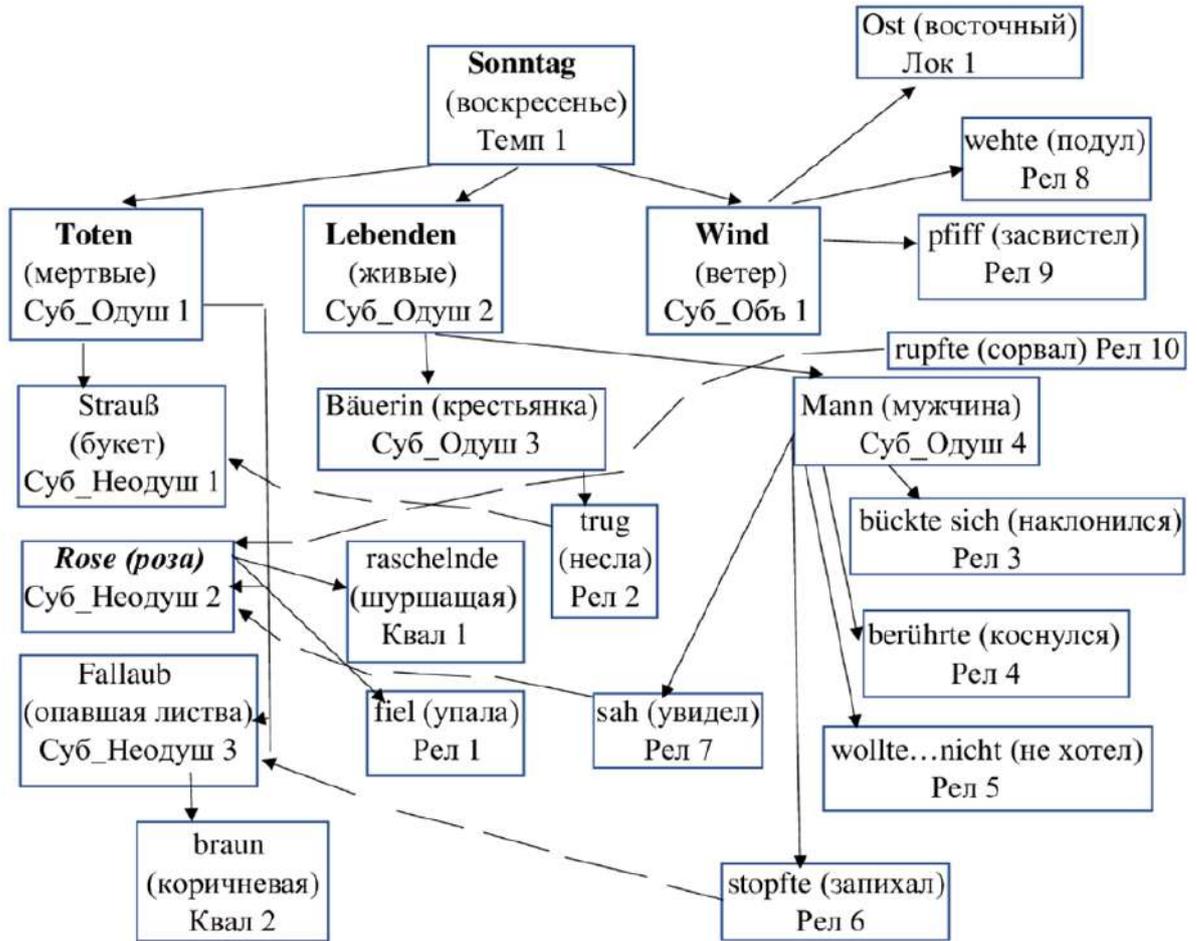

Рисунок 65. Логосемные дистантные (вертикальные) связи в рассказе «Die Totenrose» («Роза для мёртвых») Э. Штриттматтера с ядерными, околядерными и периферийными логосемами

Ядрами являются лингвемы с темпоральным значением «Sonntag» (воскресенье), субстанциального блока «Toten» (мертвые), «Lebenden» (живые), «Wind» (ветер), «Rose» (роза). Околядерную зону занимают лингвемы темпорального блока «Ost» (восточный), реляторы «wehte» (подул), «pfiff» (засвистел), «gurfte» (сорвал), «fiel» (упала), субстанциального блока «Mann» (мужчина), «Bäuerin» (крестьянка), «Strauß» (букет), «Fallaub» (опавшая листва), качественного блока «gaschelnde» (шуршащая). Периферийную зону занимают реляторы «bückte sich» (наклонился), «berührte» (дотронулся), «wollte...nicht» (не хотел), «sah» (увидел), «stopfte» (собирал), качественного блока «braun» (коричневая).

Представим примеры из рассказа, на основе которых порождается смысл:

1. «eine Rose vom Strauß» (роза с букета) (СУБ_Неодуш + ЛОК) – посредством лингвемы субстанциального блока «роза» и локального блока «с букета»

вычитывается, что букет состоял из одной или более роз. Возможно, в состав букета входили также другие цветы;

2. «*Er sah eine Rose im braunen Laub*» (Он увидел розу в коричневой листве) (СУБ_Одуш + РЕЛ_Акц + СУБ_Неодуш + ЛОК) – посредством конкретизированной лингвемы локального блока «в листве» вычитывается, что цветок лежал на земле в куче осенней опавшей листвы;

3. «*die raschelnde Rose*» (шуршащая роза) (КВАЛ + СУБ_Неодуш) – посредством качественной характеристики розы вычитывается, что цветок был уже завядший, сухой.

В рассказе Э. Штриттматтера «Die Totenrose» («Роза для мёртвых») прослеживается ассоциативная связь с фашистской Германией. Под лингвемой «die Rose» (роза), положенной в основу названия текста, подразумевается Германия. Роза для мёртвых – это метафора, символизирующая падший фашистский режим в Германии. Посредством совокупности лингвем «im braunen Laub» («в коричневой листве») и отдельной качественной лингвемы «braunen» («коричневой») также вычитывается ассоциативная связь с фашизмом. Со времен войны и по настоящее время коричневый цвет ассоциируется с фашизмом, «Коричневой паутиной: (Из досье современного фашизма)» В.Г. Иванова [Иванов, 1985], «коричневой чумой» (нацистами), антифашистской новеллой «Коричневое утро» Франка Павлоффа [Павлофф, 2011]. Braunhemden («коричневорубашечники») – военизированные формирования нацистской партии, от цвета рубашек штурмовиков СА. Под лингвемой «Ostwind» («восточный ветер») подразумевается социализм, а под словосочетанием «Ostwind pfiff» («восточный ветер засвистел») следует понимать тот факт, что социалистический строй укрепил свои позиции. Можно предположить, что лингвемой субстанциального блока «Bäuerin» («крестьянка») выражается война, в результате которой, фашизм пал. Посредством другой лингвемы этого же блока «Mann» («мужчина») вычитывается ассоциация с немецким народом, пережившим националистический режим и вошедшим в новую социалистическую жизнь. Такого рода смыслы приписывает тексту современный реципиент, опираясь на знания исторических фактов.

В представленном тексте Э. Штриттматтера «Die Totenrose» («Роза для мёртвых») фашизм в Германии характеризуется опавшей листвой, коричневым цветом, мертвым букетом.

Первичное прочтение рассказа Э. Штриттматтера «Die Totenrose» («Роза для мёртвых») приводит лишь к пониманию простых сведений:

- (А) Был день, когда поминали мертвых.
- (Б) Женщина несла в руках букет из засохших цветов.
- (В) Букет состоял из роз.
- (Г) Из-за дуновения ветра одна роза из букета упала на дорогу в опавшую листву.
- (Д) Мужчина собрал опавшую листву в мешок.
- (Е) Мужчине не нравилась засохшая роза.

В тексте не только сообщается вещественное положение дел, но и прослеживается аналогия «роза» и «память», «мертвый» и «фашизм», «мужчина» и «немецкий народ», «восточный ветер» и «социализм». После войны и падения фашизма начинается новая жизнь. Это вычитывается реципиентом «вооруженным глазом» при повторном прочтении текста.

Стоит заметить, что в данном тексте одно действие предшествует другому. В тексте два действующих персонажа: крестьянка и мужчина. Субъектно-предикатные отношения представим на рисунке (см. Рисунок 66):

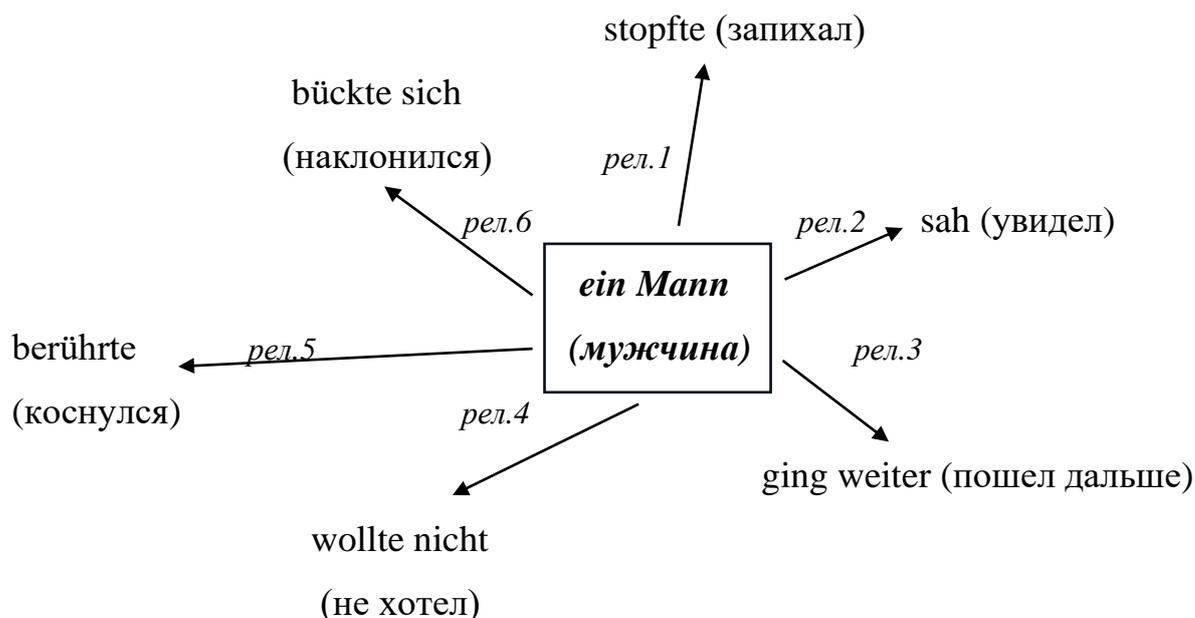

Рисунок 66. Субъектно-предикатные отношения в рассказе «Die Totenrose» («Роза для мёртвых») Э. Штриттматтера

Приведем примеры из интерпретируемого текста соотношения синтагмемных признаков с формальными категориальными признаками посредством совпадения рода имен существительных в немецком и русском языках: *eine Bäuerin* – крестьянка («женский род» - «женский род»), *ein Mann* – мужчина («мужской род» - «мужской род»), *die Rose* – роза («женский род» - «женский род»), *der Wind* – ветер («мужской род» - «мужской род»). Приведем примеры, когда у синтагмемных признаков отсутствует аналог в концептуальном сознании. Это выражается несовпадением рода имен существительных в обоих языках: *das Laub* – листва («средний род» - «женский род») [E. Strittmatter: 73].

На предложении *Eine Bäuerin trug einen Totenstrauß* (Крестьянка (1) несла (2-3) букет (4) на кладбище (5)) представим несколько универсальных когитологических отношений, где 1 – субстанциальный одушевленный, агентивный признак; 2 – релятор; 3 – темпоральный признак; 4 – субстанциальный неодушевленный; 5 – локальный признак. Таким образом, мы видим, что 1 – «субстанциальный одушевленный, единичный, агентивный»; 2 – «осуществляет действие»; 3 – «во временном плане прошлого»; «выполнение действия представлено как длительное»; 4 – «субстанциальный неодушевленный предмет,

имеющий в своем составе несколько предметов»; 5 – «локальный, обозначающий место, где происходит действие».

Определяющий компонент тернарной когитемы X представлен в формантеме в виде детерминемы D, и определяемый компонент Y репрезентирован в виде категоремы K, ядерный релятор R формантизируется в виде предикатора P. В русском языке выделяются следующие способы объективации когитемы с учетом имплицитности (0) и эксплицитности (1) / (1+1) репрезентации.

1. DX (1) PR (0) KY (1): *ihr Strauß* (ее букет) (= букет, принадлежащий крестьянке). Когитема представлена эксплицитной детерминемой, имплицитным предикатором и эксплицитной категоремой.

2. DX (0) PR (1) KY (1): *ein Mann* (мужчина) (= тот, кто является лицом мужского пола); *eine Bäuerin* (крестьянка) (= та, кто занимается земледелием или домашним хозяйством). Когитема представлена эксплицитным мотивационным предикатором, эксплицитной категоремой и имплицитной или латентной детерминемой.

В данных примерах предикаторы с детерминемами (принадлежащий крестьянке, является лицом мужского пола) определяют и уточняют контенционал формантемы как совокупного экспликатора когитемы. Номинативная функция формантемы сводится, по существу, к имплицированному или латентизированному отношению идентификации в свернутой предикативной структуре. Например: Это – ее букет. Это – мужчина. Это – крестьянка.

Рассмотрим каждый отдельно взятый компонент в причинно-следственной связи с другими компонентами:

1. Атрибутивная локутема – *die Totenrose* (роза для мёртвых); толковое определение – роза, которую принесли на кладбище; синтагмемное определение – предмет, предназначенный для того, кого нет в живых.
2. Атрибутивная локутема – *im braunen Laub* (в коричневой листве); толковое определение – листья, имеющие коричневый окрас; синтагмемное определение – предмет, характеризующийся природным, имманентным качеством.

3. Атрибутивная локутема - *ihr Strauß (ее букет)*; толковое определение – букет, принадлежащий ей; синтагмемное определение – предмет, принадлежащий кому-то.

Выводы по третьей главе

При морфотемном анализе текстов малого жанра из сборника «Schulzenhofer Kramkalender» («Шульценгофский календарь всякой всячины») «Der Tausch» («Обмен»), «Die Hoffnung» («Надежда»), «Mittags» («В полдень»), «Die Totenrose» («Роза для мёртвых») Э. Штриттматтера большое значение имеют предикатно-объектные отношения. Посредством такого типа отношений объективируется и репрезентируется идея, заложенная в смысл текста и выраженная, как правило, качественным признаком квалитативного блока.

Тексты малого жанра базируются также на логико-семантических блоках: субстанциальном, реляциональном, темпоральном, локальном, квалитативном и квантитативном. Во всех интерпретируемых в настоящем диссертационном исследовании художественных текстах малого жанра основным каналом повествования служит субстанциальный канал. Также широко представлен квалитативный канал, зачастую выраженный качественными характеристиками, помимо описательных признаков предмета или объекта. Во всех текстах реляциональный канал не является самостоятельным, а лингвемы квантитативного блока в некоторых текстах вовсе не представлены. Лингвемы, представленные в разных блоках, например, в квалитативном и субстанциальном при взаимодействии друг с другом приводят к пониманию того, где происходит действие, то есть обнаружить локальность (Friedhof (кладбище)). Посредством отдельно взятой лингвемы, например, der Herbst (осень) из текстов «Der Tausch» («Обмен»), «Hoffnung» («Надежда») вычитывается время, в которое происходит событие. В рассказе «Die Totenrose» («Роза для мёртвых») лингвемой из квалитативного блока выражается темпоральность, эпоха, которая закончилась (фашистская Германия).

Во всех исследуемых текстах малого жанра широко представлено многомерное эшелонизированное предидирование, также приводящее к выявлению смысла и позволяющее прийти к пониманию сразу двух и более смыслов.

На эпюрах было показано, как слово соотносится с концептом и когницией с указанием типов логико-семантических признаков (субстанциальности как родового или видового признака, фактитивной акциональности, фабрикативной субстанциальности, конститутивности, утитивности и т.д.).

Логосемы в составе синтагмемы позиционируются в виде исходной, промежуточной, смежной и замыкающей позиции (например, *der Mann* (мужчина) = (1) тот, кто (Исх.) – (2) «является» (Пром.) – (3) «человеком» (Смеж.) – (4) «мужского пола» (Зам)). Также они наполняются конкретным содержанием.

Синтагмемы формантном уровне воплощаются в виде свернутой предикации (например, *Weidenstumpf* (пень ивы) (= предмет, который является неотъемлемой или отделенной частью целого; пень является частью ивы). Когитема объективируется, учитывая имплицитность и эксплицитность репрезентации.

Посредством построения вертикальной диаграммы структуры каждого интерпретируемого текста выявляются прагмемные (глубинные) смыслы. В диаграмме были выделены лингвемы субстанциального блока, на основу которого накладываются лингвемы из реляционального блока, обозначающие действия одушевленных субстанций. На диаграмме вертикальной структуры рассказа «*Hoffnung*» («Надежда») смысл порождается на основе сопоставления лингвемы со значением темпоральности (осень) и локальности (кладбище). На диаграмме «вертикальных» отношений рассказа «*Der Tausch*» («Обмен») смыслопорождение происходит посредством зеркальной взаимосвязи лингвем из одинаковых логико-семантических блоков двух одушевленных субстанций, а также посредством приема авторского сравнения одного с другим (блеска плода шиповника с пасхальным яйцом). В рассказе «*Die Feder*» («Перо») глубинный смысл (все тайное однажды становится явным) происходит посредством сравнения (размера птицы и гнезда), как и в рассказе «*Hoffnung*» («Надежда»), где сравнивается цвет листьев и сена, автор контрастирует процесс опадания листьев и цветения кукушкина горлицы. В основе диаграммы «вертикального» прочтения рассказа «*Die Totenrose*» («Роза для мёртвых») лежит лингвема с темпоральным значением (воскресенье), которая служит отражением дня памяти падения фашистского

режима. Повествование строится на контрасте, на сопоставлении (живые и мертвые, упала и запихал и т.д.).

Также была разработана и обоснована типология немецкоязычных художественных текстов малого жанра, которая имеет «спиралевидную» форму (см. Рисунок 67):

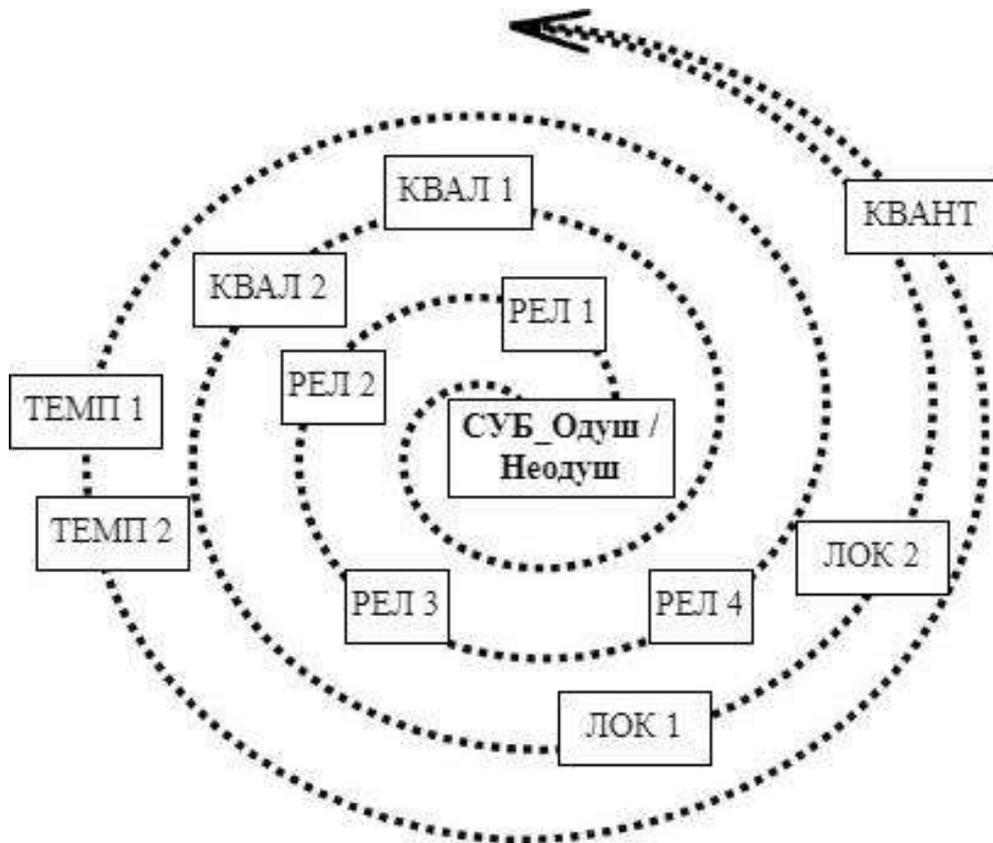

Рисунок 67. Типология немецкоязычных художественных текстов малого жанра

Так называемый «спиралевидный» тип характерен для западных текстов. Событие в текстах малого жанра начинается с названия действующего лица или предмета, затем реализуется многомерное предцирование, выраженное реляторами. Далее следует качественная часть, которая заключается в описании персонажа или предмета, его свойств и особенностей, автор дает им характеристику или же реципиент при вторичном прочтении текста («по вертикали») вычитывает характерные им черты или приписывает их действующему в рассказе персонажу, предмету. После реализуется локальная часть, выраженная местом, в котором происходит описываемое в тексте событие. Далее по спирали разворачивается темпоральная, а затем завершающая

квантитативная часть. Событие во всех интерпретируемых и анализируемых в исследовании рассказах происходят в точно названные авторами промежутки времени и названы конкретными лингвемами (например, осень, сейчас, вчера и т.д.).

Реляторы представлены в виде акциентивно-объектного акционала, трансмотива, а также в виде субстантного директива и финального акционала. Глагол-предикат объективирует и репрезентирует идею действия и признака объекта (голубь совершает действие – чистку перьев).

В текстах коммуникемные (поверхностные) смыслы обнаруживаются путем построения линейных синтагмем, на основе которых была показана контактная связь. Прагмемные, латентные смыслы вычитываются посредством построения «вертикальной» структуры текста. На примерах конкретных предложений была выявлена актуализация эшелонизированных предципирований, результатом которой являются когниции, приводящие к выявлению и вычитыванию смыслов. Во всех интерпретируемых текстах были выявлены высказывания, рассмотрение которых позволило заключить, что коммуникемы могут быть представлены в чистом виде и носить исключительно информативный характер.

Заключение

Исследование посвящено раскрытию актуальной и важной проблемы в когнитивной лингвистике – логико-семантическому построению текстов различных типов, в частности, текстов малого жанра, а также их коммуникативно-прагматической интерпретации. Для исследования на базе когнитологической концепции и основополагающих принципов морфотемного моделирования были выбраны художественные тексты малого жанра немецких писателей таких как Э. Штрिटтматтер, Г. Кант, К. Вольф.

Научный интерес в исследовании представляли способы семантизации художественной реальности и смыслопорождения в текстах малого жанра.

Семантизация условно референтных событий и ситуаций в перспективе видения автора предполагала выявление типов логико-мыслительных построений, объективированных в единицах языка (в его лингвемном составе) и репрезентированных в речевом контексте в виде «линейных» контактных и «вертикальных» дистантных соотношений речевых единиц (локутем).

В настоящем исследовании посредством применения когнитологического подхода решается задача о разработке универсальной модели логико-семантических связей, которая включает в себя ядерную, окооядерную и периферийную зоны. Кроме того, был сформулирован универсальный алгоритм анализа и интерпретации немецкоязычных художественных текстов малого жанра, состоящий из пяти этапов: разделения текстов на блоки, построения связующих звеньев, построения субъектно-предикатных отношений, построения линейных горизонтальных синтагмем, построения «вертикальной» структуры текста.

Коммуникативные смыслы в отличие от референтных (денотативных) параметров текста не обозначаются и не выражаются явно. Коммуникативные смыслы завуалированы, имплицитны. В своем прагматическом виде, они еще более скрыты – латентны. Для понимания коммуникативно-прагматических смыслов, наслаивающихся на семантику текста, необходимо вооружить реципиента навыками и умениями вычитывать «правильные» смыслы – те, которые в свое

время были «упечатаны» в текст по воле их создателя. Когитологическая интерпретация позволила вскрыть не только те смыслы, на которых акцентировал свое внимание автор, но и те новые смыслы (коммуникемы и прагмемы), которые порождает текст, уже независимый от автора в соответствии с интеллектуальным и иным (политическим, экономическим) потенциалом современного общества, в котором «бытует» читатель.

В интерпретируемых в работе текстах были выявлены имплицитные коммуникемные смыслы, которые *совыражаются* (параллельно денотативной части текста). Они вычитываются реципиентом при вторичном или последующем чтении художественного текста, а иногда приписываются им исходя из его собственного опыта, знания экстралингвистических факторов, изменения политической или социально-культурной обстановки.

Латентные прагмемные (глубинные) смыслы зачастую остаются не раскрытыми в силу общей и исторической неосведомлённости реципиента, т.е. не осознаются или недопонимаются, а также перепонимаются на свой лад.

Коммуникемные и прагмемные смыслы формируются при наполнении глубинной логосемной структуры текста конкретным содержанием. В ходе исследования было выявлено, что смыслы порождаются на стыке одинаковых или различных категориальных лингвем, ср. субстанциальность + субстанциальность; квалитативность + субстанциальность; локальность + субстанциальность и др. Применение морфотемного анализа позволило разложить тексты на логико-семантические блоки (субстанциальный, реляциональный, темпоральный, локальный, квалитативный, квантитативный) и на их основе проследить формирование смысла, взаимосвязь лингвем одного и того же блока или разных блоков друг с другом. Следующим фактором, влияющим на формирование смысла, является вписывание текста в речевую ситуацию или речевое событие, в условиях которых смыслы порождаются на основе контраста, неравенства сопоставляемых элементов, а также на базе ассоциативного ряда. Кроме того, смыслы порождаются с помощью стилистических фигур, например, метафор, используемых авторами текстов.

В результате была разработана и обоснована типология немецкоязычных художественных текстов малого жанра, которая помимо предметных параметров, охватывает реляционные, временные, локальные, качественные, количественные составляющие и имеет «спиралевидную» форму. Были выявлены «вертикальные» логико-семантические структуры интерпретируемых текстов с учетом их коммуникативно-прагматической нагрузки. Определение внешней «вертикальной» организации текстов логосемного типа позволило уточнить их внутреннюю структуру, установить дистантные связи речевых единиц по функции и содержанию (контенсионалу) и проследить способы смыслопорождения. При прочтении текста «по вертикали» просматривается сама комплексная мысль и смысловые связи, в совокупности – идеи, которые заложены в текст автором. Посредством построения такой структуры были вычитаны идейные ветви текста, которые были «запрограммированы» автором с помощью текста, как комплексного инструмента, сознательно или независимо от него благодаря эвристическому потенциалу вербальности.

В работе была описана коммуникативная и прагматическая структура текстов малого жанра (которая ещё требует дальнейшей разработки) на базе произведений Э. Штриттматтера «Der Tausch» («Обмен»), «Mittags» («В полдень»), Die Feder («Перо»), «Hoffnung» («Надежда»), «Die Totenrose» («Роза для мёртвых») из сборника рассказов «Schulzenhofer Kramkalender» («Шульценгофский календарь всякой всячины») и Г. Канта «Eine Übertretung» («Переход границы»), а также фрагментов романа К. Вольф «Der geteilte Himmel» («Расколотое небо»).

Исследование семантической (логосемной) структуры текста коррелировало с описанием коммуникативно-прагматических наслоений. Была выявлена их взаимозависимость.

В романе К. Вольф «Der geteilte Himmel» («Расколотое небо») большое значение имеет диалог (обмен речевыми актами) двух главных персонажей. Посредством диалога вычитывается, главным образом, эмоциональное состояние действующих лиц, а вместе с тем и авторская интенция.

При выявлении типовых связей было установлено, что при создании художественного текста авторы опираются на отдельно взятые лингвемы или на совокупность лингвем, их связи между собой. Художественные тексты метафоричны. Так, например, в основе названия романа К. Вольф лежит метафора, из которой вычитывается, что речь в произведении пойдет о разделенной Германии. Как и в названии рассказа Э. Штриттматтера «Die Totenrose» («Роза для мёртвых»), в котором под метафорой подразумевается фашистская Германия. В основе названия рассказа Г. Канта так же лежит метафора, при раскрытии которой, вычитывается, что описываемое автором событие, происходит в период разделения Германии на ГДР и ФРГ.

При выявлении совыражаемых коммуникемных и потенциально вычитываемых глубинных (прагмемных) смыслов, заложенных авторами, было установлено, что они зарождаются на стыке лингвем в рассказах Э. Штриттматтера, Г. Канта и фрагментах романа К. Вольф посредством взаимосвязи двух и более лингвем разных блоков. Типология текстов была разработана на основе «блочного» критерия по субстанциальности, реляциональности, темпоральности, качественности, количественности, локальности. Блоки взаимодействуют друг с другом и не представлены в чистом виде, так как они являются смешанными. Из сочетаний вычитывается значение места рождения и отношение для персонажа (ЛОК + КВАЛ). Смыслопорождение происходит также посредством реляциональной лингвемы с целью получения информации и качественной «страх», выражающей чувство, вызванное ощущением опасности (ответной реакцией адресата) (РЕЛ + КВАЛ). Встречаются сочетания, выраженные реляциональностью и неодушевленной субстанцией, где смысл порождается посредством выявления реципиентом определенных свойств, выраженных качественным блоком (РЕЛ + СУБ НЕОДУШ). В ряде сочетаний лингвем локального блока (ЛОК + СУБ НЕОДУШ) смысл порождается посредством вычитывания ассоциативного ряда: падение фашистского режима, ГДР, социалистический строй. Восточный ветер, как известно, является переменчивым, что так же служит выражением смысла, заключавшегося в смене политического и

социального строя. На стыке лингвем, выраженных качественным блоком и множественным предметом (КВАЛ + КВАНТ), смысл заключается в обозначении таким образом так же ассоциативного ряда, к которому относятся фашизм, «коричневорубашечники», нацизм. Приведенные примеры линейных синтагмем с контактной связью позволяют заключить, что работает принцип приоритетности, выраженный в занимаемой позиции лингвем того или иного блока ядерной, околоядерной и периферийной зоны. Проведенное исследование позволяет установить, что «вертикальные» типы определяются по блочному критерию. В ядре спирали, как было показано на рисунках, находятся лингвемы, вокруг которых посредством реляторов, находящихся друг от друга на расстоянии, разворачивается событие. Затем событие разворачивается на качественной, локальной, темпоральной и количественной частях. Во всех интерпретируемых в исследовании текстах малого жанра авторами конкретно указаны место и время происходящего события, тем самым, мы заключаем, что все перечисленные блоки, на которых строится спираль, участвуют в выявлении смыслов, заложенных в текст авторами.

В порождении смыслов коммуникативного и прагматического порядка важную роль играет контенсиональное наполнение логосем. Синтагмема имеет базовую основу в виде логико-семантических признаков, которые без контенсионального наполнения не несут смысл, а служат своего рода опорными конструкциями.

Во фрагментах романа К. Вольф коммуникативные смыслы имплицитны, но совыражаемы, а прагмемные смыслы латентны. Они вычитывающиеся посредством авторских включений в текст, заключенными в скобки, а также аналогий, пересечений, как, например, в рассказе Э. Штриттматтера «Mein Bett» («Моя кровать»), в котором мы увидели пересечение деятельности автора и поиска птицами пропитания. Помимо авторских «пояснений», смыслы вычитываются с опорой на интонацию. На формирование тех или иных смыслов влияют непосредственно и социально-политические предпочтения авторов.

При написании текста автор следует своему коммуникативному намерению (интенции), то есть раскрытию той мысли, которую хочет донести до читателя, реципиента текста. Таким образом, авторы интерпретируемых текстов посредством репрезентативов, комиссивов, директивов, экспрессивов описывают ситуацию, от лица действующих персонажей дают обещание, побуждают адресата к действию, выражают ту или иную эмоцию. Письменный художественный текст представляет собой элемент коммуникативного акта, в котором задействованы автор с его социальной принадлежностью, намерением, логосемная характеристика события, описанного в тексте, и коммуникативно-прагматическое наложение.

В ходе исследования были проанализированы логосемы лингвемного состава художественных текстов малого жанра, что позволило прийти к выводу, что одни из самых часто встречаемых лингвем в интерпретируемых текстах, относятся к качественному блоку, выраженному коммуникативными персонифицированными субстанциями.

Перспектива дальнейшего исследования может затронуть аспекты в рамках когнитологической концепции, в частности морфотемного анализа, текстов больших жанров, научных, публицистических текстов. Обучение применению описанного в настоящем исследовании подхода может осуществляться в рамках таких дисциплин как «Теория языка», «Теоретическая лингвистика», «Введение в языкознание» и других.

Список литературы

1. Агаев, В. Прошли сквозь стену / В. Агаев. – Текст : электронный // Коммерсант : газета : [сайт]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2599902> (дата обращения 16.04.2024).
2. Азимов, Э.Г. Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – Москва : Русский язык. Курсы, 2021. – 496 с. – ISBN: 978-5-88337-701-2. – Текст : непосредственный
3. Аллен, Дж.Ф. Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании / Дж. Ф. Аллен, Р. Перро. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 17. Теория речевых актов. – Москва : Прогресс, 1986. – С. 322–363.
4. Антонова, Ю.Н. Интенция говорящего в аспекте коммуникативно-целевой семантики: специальность 10.02.19: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Антонова Юлия Николаевна. – Орел, 2006. – 183 с. – Текст : непосредственный.
5. Апресян, Ю.Д. О Московской семантической школе // Вопросы языкознания. – 2005. – №. 1. – С. 3-30. – Текст : непосредственный.
6. Аристотель. Риторика / Аристотель ; перевод М. Платоновой. – Москва : Эксмо-Пресс, 2019. – (Великие идеи). – 256 с.– ISBN: 978-5-699-82974-3. – Текст : непосредственный.
7. Арутюнов, А.Р. Справочник "Интенции диалогического общения и их стандартные реализации" (проект "Банки методических данных": каталог коммуникативных единиц, интенции) / А.Р. Арутюнов, П.Г. Чеботарев. – Текст : непосредственный // Русский язык за рубежом. – 1993. – № 5-6 (145-146). – С. 75-82.
8. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл (Логико-семантические проблемы) / Н.Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1976. – 383 с. – Текст : непосредственный.
9. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова ; ответственный редактор, академик Г.В. Степанов. – Москва : Наука, 1988. – 341 с. – ISBN 5-02-010870-7. – Текст : непосредственный.

10. Арутюнова, Н.Д. Семантическая структура и функции субъекта / Н.Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1979. – Т. 38, № 4. – С. 323–335.
11. Аскольдов, С.А. Концепт и слово : статья / С.А. Аскольдов. – Текст : непосредственный // Русская словесность. Антология : сборник / составитель : Владимир Нерозник. – Москва : Academia, 1997. – С. 267–279. – ISBN: 5–87444–045–3.
12. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – Москва : Советская энциклопедия, 1966. – 606 с. – Текст : непосредственный.
13. Баранова, Л.Л. Онтология английской письменной речи : учебно-методическое пособие к курсу лекций по орфоэпии и орфографии современного английского языка. – Москва : Диалог-МГУ, 1998. – 246 с. – Текст : непосредственный.
14. Березовская, А.В. Когнитивные основания синонимии в немецких законодательных текстах : специальность 5.9.6 «Языки народов зарубежных стран (германские языки)» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Березовская Анастасия Викторовна. – Москва, 2022. – 251 с. – Текст : непосредственный.
15. Блинова, Е.А. Морфотемный анализ темпоральности как категории языкового сознания и речевого мышления в русском и английском языках: специальность 10.02.19 "Теория языка" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Блинова Евгения Александровна. – Великий Новгород, 2009. – 171 с. – Текст : непосредственный.
16. Богданов, В.В. Семантическая и прагматическая вариативность синтаксических структур / В.В. Богданов. – Текст непосредственный // Проблемы вариативности в германских языках : тезисы докладов Всесоюзной конференции / АН СССР ; Институт языкознания ; Калининский Государственный университет. – Москва : КГУ, 1988. – С. 10–12.
17. Богданова, Л.И. Русские культурные концепты и их роль в человеческом общении / Л.И. Богданова. – Текст : непосредственный // Россия и Запад: диалог культур. – 2003. – Выпуск 10. – С. 44–48.

18. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Избранные труды по общему языкознанию : [В 2 т.]. Том 2 / [вступительная статьи действительного члена АН СССР В.В. Виноградова, действительного члена Польской академии наук В. Дорошевского]; составители : В.П. Григорьев, А.А. Леонтьев ; Академия наук СССР. Отделение литературы и языка. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1963. – 391 с. – Текст : непосредственный.
19. Бондарко, А.В. К проблеме интенциональности в грамматике / А.В. Бондарко. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1994. – № 2. – С. 29–42
20. Бондарко, А.В. Темпоральность. Модальность / А.В. Бондарко. – Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1990. – 264 с. – ISBN: 5–02–028005–4. – Текст : непосредственный.
21. Бондарко, А.В. Грамматическое значение и смысл / А.В. Бондарко. – Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1978. – 175 с. – Текст : непосредственный.
22. Борисова Е.Г. Перлокутивная лингвистика и ее преподавание студентам-филологам / Е.Г. Борисова. – Текст : непосредственный // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 2001. – № 1. – С. 115–134.
23. Брандес, М.П. Стилистический анализ. На материале немецкого языка / М.П. Брандес. – Москва : Высшая школа, 1971. – 192 с. – Текст : непосредственный.
24. Будаев, Э.В. Становление когнитивной теории метафоры / Э.В. Будаев. – Текст : непосредственный // Лингвокультурология. – 2007. – С.19–35.
25. Валеев, М.И. Когнитологический анализ библейских притч в сопоставительном аспекте / М.И. Валеев. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – №. 35 (326). – С. 23–27.
26. Варшавская, А.И. Смысловые отношения в структуре языка (на материале современного английского языка) / А.И. Варшавская. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1984. – 134 с. – Текст : непосредственный.
27. Вахек, Й. К проблеме письменного языка / Й. Вахек. – Текст : непосредственный // Пражский лингвистический кружок : сборник статей /

- составление, редакция, предисловие Н.А. Кондрашова. – Москва : Прогресс, 1967. – С. 524–534.
28. Вахрушева, М.И. Морфотемный анализ собирательных существительных (на материале немецкого и русского языков) : специальность 10.02.19 "Теория языка" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Вахрушева Марина Ивановна. – Ульяновск, 1999. – 121 с. – Текст : непосредственный.
29. Вахтель, Н.М. Высказывание в позиции газетного заголовка: семантика и прагматика : специальность 10.02.01 "Русский язык" : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Вахтель Наталия Михайловна. – Воронеж, 2005. – 271 с. – Текст : непосредственный.
30. Вежбицка, А. Речевые акты / А. Вежбицка. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 16. Лингвистическая прагматика : сборник / составители и вступительная статья Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой / общая редакция Е.В. Падучевой. – Москва : Прогресс, 1985. – С. 251–275.
31. Вендлер, З. Иллокутивное самоубийство / З.Вендлер. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 16. Лингвистическая прагматика : сборник / составители и вступительная статья Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой ; общая редакция Е.В. Падучевой. – Москва : Прогресс, 1985. – С. 238–250.
32. Виноградов, В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования / В. В. Виноградов. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 5–36.
33. Вольф, К. Расколотое небо // Избранное / К.Вольф. – Москва : Художественная литература, 1979. – 550 с. – Текст : непосредственный.
34. Гак, В.Г. К диалектике семантических отношений в языке / В.Г. Гак. – Текст : непосредственный // Принципы и методы семантических исследований. – Москва : Наука, 1976. – С. 73–92.
35. Гак, В.Г. Прагматика, узус и грамматика речи / В.Г. Гак. – Текст : непосредственный // Иностранные языки в школе. – 1982. – № 5. – С. 11–17.

36. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – 5-е изд. – Москва : КомКнига, 2007. – 143с. – Текст : непосредственный.
37. Гордон, Д., Лакофф, Дж. Постулаты речевого общения / Д. Гордон, Дж. Лакофф. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1985. – Выпуск 16. – С. 276–302.
38. Грайс, Г.П. Логика и речевое общение / Г.П. Грайс. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1985. – Выпуск 16. – С. 217–237.
39. Григорьева, В.С. Речевое взаимодействие в прагмалингвистическом аспекте на материале немецкого и русского языков : учебное пособие / В. С. Григорьева. – Тамбов : Издательство Тамбовского государственного технического университета, 2006. – 80 с. – Текст : непосредственный.
40. Гридина, Н.В. Квалитативность как языковая понятийная категория / Н.В. Гридина. – Текст : непосредственный // Ученые записки УлГУ. Серия Лингвистика. Выпуск 1 (7) / под редакцией профессора А.И. Фефилова. – Ульяновск : УлГУ, 2002. – С. 28–30.
41. Гузикова, М.О., Фофанова, П.Ю. Основы теории межкультурной коммуникации : [учеб. пособие] / М.О. Гузикова, П.Ю. Фофанова ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. — Екатеринбург : Издательство Урал. ун-та, 2015. — 124 с.
42. Гуревич, Л.С. Коммуникативный акт vs речевой акт: проблемы соотношения понятий / Л.С. Гуревич. – Текст : непосредственный // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – Том 5, выпуск 1. – С.103–108.
43. Дейк, ван Т.А. Стратегии понимания связного текста / Т.А. Дейк ван, В.Кинч. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – 1988. – № 23. – С. 153–211.
44. Дейк, ван Т.А. Язык, познание, коммуникация / Т.А. Дейк ван. – Москва : Прогресс. – 1989. – 312 с. – Текст : непосредственный.

45. Демьянков, В.З. Интерпретация как языковая когниция и когнитивная наука / В.З. Демьянков. – Текст : непосредственный // Коммуникация и мышление. – Москва : Институт языкознания АН СССР, 1990. – С. 14–24.
46. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4 – С.17–33.
47. Демьянков, В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка / В.З. Демьянков. – Текст : непосредственный // Вопросы филологии. Язык, культура, общество : IV Международная научная конференция, Москва, 27-30 сентября 2007 г. : пленарные доклады. – 2007.– Спецвыпуск. – С. 86–95.
48. Дзюба, Е.В. Категория ситуативности в нарративной модели художественно-правового дискурса / Е. В. Дзюба, И. Ю. Рябова. – Текст : непосредственный // Научный диалог. – 2022. – Том 11, № 5. – С. 69-98.
49. Домашнев, А.И., Шишкина, И.П., Гончарова, Е.А. Интерпретация художественного текста: немецкий язык. – Москва : Просвещение, 1982. – 208 с.
50. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 486 с. – ISBN 978-5-98993-133-0. – Текст : непосредственный.
51. Жолковский, А.К., Мельчук, И.А. К построению действующей модели языка «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст», - МПиПЛ, 1969. – Вып. 11. – С. 5-35.
52. Журавлева, Н.Н. Реализация коммуникативных интенций говорящего в различных социокультурных условиях (на материале интенции упрека в польском языке) : специальность 10.02.03 «Славянские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Журавлева Наталья Николаевна. – Минск : Белорусский государственный университет, 2007. – 145 с. – Текст : непосредственный.
53. Забавников, Б.Н. К проблеме структурирования речевого акта (речевого действия) / Б.Н. Забавников. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1984. – № 6. – С. 119-124.

54. Зализняк, А.А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. – 2004. – Т. 2. – С. 20-45.
55. Звегинцев, В.А. Мысли о лингвистике / В.А. Звегинцев. – Москва : Издательство Московского университета, 1996. – 336 с. – Текст : непосредственный.
56. Звегинцев, В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. Часть 2. Лингвистика универсалий / универсализм / В.А. Звегинцев. – Москва : Просвещение, 1962. – С. 289–323. – Текст : непосредственный.
57. Звегинцев, В.А. Язык и лингвистическая теория / В.А. Звегинцев. – Москва : Едиториал УРСС, 2001. – 246 с. – Текст : непосредственный.
58. Земская, Ю.Н. Основы теории текста: Учебное пособие / Ю. Н. Земская, И.Ю. Качесова, Л.М. Комиссарова, Н.В. Панченко, С.Н. Пешкова, А.А. Чувакин / Под общ. ред. А.А. Чувакина. – Барнаул : Алтайский государственный университет, 2003. – 140 с. – ISBN 5-7904-0330-1. – Текст : непосредственный.
59. Иванов, В.Г. Коричневая паутина : (из досье современного фашизма) / В.Г. Иванов. – Москва : Московский рабочий, 1985. – 154 с. – Текст : непосредственный.
60. Игошина, Т.В. Морфотемный анализ категории количественности в разносистемных языках (на материале русского и английского языков) : специальность 10.02.19 "Теория языка" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Игошина Татьяна Владимировна. – Ульяновск, 2004. – 161 с. – Текст : непосредственный.
61. Ирисханова, О.К. Семантическая модель событийных имен / О.К. Ирисханова. – Текст : непосредственный // Текст как единица коммуникации : сборник научных трудов / МГЛУ. – 1991. – Выпуск 371. – С. 45-53.
62. Каган, М.С. Мир общения: проблема межсубъектных отношений / М.С. Каган. – Москва : Политиздат, 1988. – 319 с. – (Над чем работают, о чем спорят философы). – ISBN: 5–250–00034–7. – Текст : непосредственный.

63. Каменская, О.Л. Текст и коммуникация : учебное издание / О.Л. Каменская. – Москва : Высшая школа, 1990. – 151 с. – ISBN: 5-06-000246-2. – Текст : непосредственный.
64. Кант, Г. Рассказы и размышления : сборник / Г. Кант ; составитель Е.А. Кацева. – Москва : Радуга, 1984. – 352 с. – Текст : непосредственный.
65. Кацнельсон, С.Д. О категории субъекта предложения / С.Д. Кацнельсон. – Текст : непосредственный // Универсалии и типологические исследования. – Москва : Наука, 1974. – С. 104–124.
66. Кацнельсон, С.Д. Речемыслительные процессы / С.Д. Кацнельсон. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1984. – № 4. – С. 3–11.
67. Кацнельсон, С.Д. Содержание слова, значение и обозначение / С.Д. Кацнельсон. – Москва ; Ленинград : Наука, 1965. – 110 с. – Текст : непосредственный.
68. Кибрик, А.А. Когнитивная лингвистика / А.А. Кибрик. – Текст : электронный // ПостНаука: [сайт]. – URL: <https://postnauka.org/video/23079> (дата обращения 16.04.2024).
69. Кибрик, А.А. Когнитивные исследования по дискурсу / А.А. Кибрик. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С. 125–138.
70. Кибрик, А.Е. Константы и переменные языка / А.Е. Кибрик. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2003. – 720 с. – Текст : непосредственный
71. Кибрик, А.Е. Подлежащее и проблема универсальной модели языка / А.Е. Кибрик. – Текст : непосредственный // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1979. – Т. 38, № 4. – С. 309–318.
72. Кобозева И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности / И.М. Кобозева. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 17. Теория речевых актов. – Москва : Прогресс, 1986. – С. 7–21.
73. Кобрина, Н.А. Язык как когнитивно-креативная деятельность человека. – Текст : непосредственный // Studia Linguistica : сборник научных трудов. – СПб. : Тригон, 2000. – № 9. – С. 23–29.

74. Колшанский, Г.В. Коммуникативные основы адекватной интерпретации семантики текста / Г.В. Колшанский. – Текст : непосредственный // Содержательные аспекты предложения и текста : межвузовский тематический сборник. – Калинин : Калининский государственный университет, 1982. – С. 15-21.
75. Красикова, Е.А. Когнитивные доминанты смыслового пространства "часть-целое" в современном английском языке : специальность 10.02.04 "Германские языки" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Красикова Елизавета Александровна. – Москва, 2022. – 184 с.
76. Красных, В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации : лекционный курс / В.В. Красных. – Москва : Гнозис, 2006. – 270 с. – Текст : непосредственный.
77. Крушевский, Н.В. Избранные работы по языкознанию / Н.В. Крушевский ; составитель В.Н. Ярцева. – Москва : Наследие Москва, 1998. – 296 с.
78. Кубрякова, Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистическая, психологическая, когнитивная наука / Е.С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34–47.
79. Кубрякова, Е.С. Парадигма научного знания в лингвистике и ее современный статус / Е.С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1994. – Т. 53, № 2. – С. 3–16.
80. Кудашова, Н.Н. Коммуникативная теория текста и текстовый антропоцентризм / Н.Н. Кудашова. – Текст : непосредственный // Балтийский гуманитарный журнал. – 2017. – Т. 6, № 3 (20). – С. 62–64.
81. Кукуева, Г.В. Способы репрезентации автора в текстах малой прозы В. М. Шукшина / Г.В. Кукуева. – Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2016. – Т. 26, Вып. 5. – С. 50–55.
82. Лакофф, Дж. Когнитивная семантика / Дж. Лакофф. – Текст : непосредственный // Язык и интеллект : сборник / составитель В. В. Петров. – Москва : Прогресс, 1995. – С. 143–184. – ISBN: 5-01-001598-6.

83. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; перевод Н.В. Перцова. – Текст : непосредственный // Теория метафоры : сборник / под общей редакцией Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 387–415.
84. Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 23. Когнитивные аспекты языка / составители, редакторы : В. В. Петрова и В. И. Герасимова. – Москва : Прогресс, 1988. – С. 12–51. – Текст : непосредственный.
85. Леонтьев, А.А. Некоторые вопросы лингвистической теории письма / А.А. Леонтьев. – Текст : непосредственный // Вопросы общего языкознания / ответственный редактор В.М. Жирмунский. – Москва : Наука, 1964. – С. 58-72.
86. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров / Ю.М. Лотман. – Санкт-Петербург : Азбука : Азбука-Аттикус, 2022. – 448 с. – ISBN: 978-5-389-11808-9. – Текст : непосредственный.
87. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста / Ю.М. Лотман. – Санкт-Петербург : Азбука, 2018. – 704 с. – (Новый культурный код). – ISBN: 978-5-389-14396-8. – Текст : непосредственный.
88. Лошакова Г.А. Интертекстуальность как одна из основных содержательных доминант произведений Эрвина Штриттматтера // Новые российские гуманитарные исследования. – 2011. – №. 6. – С. 9.
89. Лошакова, Г.А. К вопросу о рецепции русской и советской литературы в Восточной Германии: Эрвин и Ева Штриттматтеры / Г.А. Лошакова. – Текст : непосредственный // Эволюция и трансформация дискурсов : [сборник научных статей]. – Текст: электронный / [отв. ред. С. И. Дубинин, В. Д. Шевченко] ; Министерство образования и науки Российской Федерации ; Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королева ; Кафедра немецкой филологии, Кафедра английской филологии. – 2019. – С. 77–91.
90. Макаренко, А.С. Когнитологическая структура художественного текста малого жанра (на материале рассказа Э. Штриттматтера «Knospen») / А.С. Макаренко. – Текст : непосредственный // Человек – язык – компьютер. Исследователи

- будущего : материалы научно-практической (заочной) конференции с международным участием, Москва, 25 декабря 2023 г. – Москва : Московский государственный лингвистический университет, 2024. – С. 63-67.
91. Макаренко, А.С. Когнитологический подход к анализу рассказа Э. Штрिटтматтера «Die Feder» («Перо») / А.С. Макаренко. – Текст : непосредственный // Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации : сборник материалов Международной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, г. Ульяновск, 12 апреля 2022 г. – 2022. – С. 19–22.
92. Макаренко, А.С. Логосемная и коммуникемная структура художественного текста малого жанра (на материале короткого рассказа В. Борхерта «Nachts schlafen die Ratten doch» («Ведь ночью крысы спят»)) / А.С. Макаренко. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики, Тамбов: Грамота, 2021. С. 3840-3846.
93. Макаренко, А.С. Морфотемный анализ художественного текста малого жанра (на материале рассказа Э. Штрिटтматтера «Nutzlast» («Полезный груз»)) / А.С. Макаренко. – Текст : непосредственный // Глобальный научный потенциал, Санкт-Петербург: Фонд развития науки и культуры, 2022. С. 166-172.
94. Макаренко, А.С. Способы смыслопорождения в текстах малого жанра (на материале рассказа Э. Штрिटтматтера «Die kleinen Schiffe» («Маленькие корабли»)) / А.С. Макаренко. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15. – №. 4. – С. 1171-1178.
95. Маккормак, Э. Когнитивная теория метафоры / Э. Маккормак // Теория метафоры : сборник / составитель Н.Д. Арутюнова ; общая редакция Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 358–385. – Текст : непосредственный.
96. Мамардашвили, М.К. Метафизика свободы / М.К. Мамардашвили. – Текст : непосредственный // Перемены. – 2005. – № 1. – С. 141–154.
97. Маркарян, Н.В. Контекстуальные функционально-семантические характеристики реалий в публицистическом и художественном стилях современного немецкого языка : специальность 5.9.6. Языки народов

- зарубежных стран (германские языки) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Маркарян Наринэ Владиславовна. – Москва : Государственный университет просвещения, 2023. – 173 с. – Текст : непосредственный.
98. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику / В.А. Маслова. – Изд. 11-е, стереотипное. – Москва : ФЛИНТА, 2023. – 296 с. – (Для филологов). – ISBN: 978-5-89349-748-9. – Текст : непосредственный.
99. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику / В.А. Маслова. – Москва : ФЛИНТА, 2004. – 296 с. – (Для филологов). – ISBN 5-89349-748-1. – Текст : непосредственный.
100. Мельчук, И.А. Опыт теории лингвистических моделей «СМЫСЛ⇔ТЕКСТ». – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – I – XXII, 346 с. – Текст : непосредственный.
101. Москаленко, Н.М. Языковая репрезентация смысловых отношений (на материале немецкой специальной лексики «ОМД») : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Москаленко Н.М. – Киев, 1992. – 135 с. – Текст : непосредственный.
102. Москальчук, Г.Г. Вертикальная и горизонтальная составляющие динамики структуры текста / Г.Г. Москальчук. – Текст : непосредственный // Культура и текст. – 2001. – № 6. – С. 713.
103. Мотылева, Т. Проза Кристи Вольф / Т. Мотылева. – Текст : непосредственный // Избранное / К. Вольф ; составитель Г. Каспар. – Москва : Художественная литература, 1979. – 550 с.
104. Муртазина, Н.Ф. Морфотемная организация перефразирования сложных словообразовательных и атрибутивных конструкций немецкого языка : специальность 10.02.04 "Германские языки" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Муртазина Нина Фаргеновна. – Ульяновск, 2004. – 219 с. – Текст : непосредственный.
105. Небеснюк, У. А. Прагматика и стилистика этнокультурного немецкого текста "Kalendergeschichte" : специальность 5.9.6. "Языки народов зарубежных стран

- (германские языки)» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Небеснюк Ульяна Александровна. – Санкт-Петербург, 2023. – 245 с.
106. Небеснюк, У.А. Этнокультурный немецкий текст «Kalendergeschichte»: прототипические особенности композиционно-сюжетной организации текстовой структуры / У.А. Небеснюк. – Текст : непосредственный // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2020. – С. 131–141.
107. Николаева, Т.М. Письменная речь и специфика ее изучения / Т.М. Николаева. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1961. – № 3. – С. 79
108. Никоненко, С.В. Интенциональность: американская точка зрения / С.В. Никоненко. – Текст : непосредственный // HORIZON. Феноменологические исследования. 2017. – № 1 (11). – С. 9–44.
109. Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 25: Контрастивная лингвистика / составители. В.П. Нерознак, В.Г. Гак. – Москва : Прогресс, 1989. – 438 с. – Режим доступа: по подписке. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=38639> (дата обращения: 11.03.2024). – Текст : электронный.
110. Новоселова, О.В. Функционально-семантическая характеристика дискурсивных практик со значением угрозы в английском языке : специальность 10.02.04 "Германские языки" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Новоселова Ольга Владимировна. – Тверь, 2013. – 194 с. – Текст : непосредственный.
111. Нуркенова, Г.С. Новые тенденции в когнитивной лингвистике / Г.С. Нуркенова, Б.Н. Джубатова. – Текст : непосредственный // The Scientific Heritage. – 2022. – С. 48–52.
112. Орлова, Т.Г. Педагогическое речеведение : словарь-справочник / под редакцией Т.А. Ладыженской и А.К. Михальской ; составитель А.А. Князьков. – Москва : Флинта : Наука, 1998. – 310 с. – Текст : непосредственный.

113. Остин, Дж.Л. Слово как действие / Дж.Л. Остин. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 17. – Москва : Прогресс, 1986. – С. 22–131.
114. Ошанова, Е.С. Вклад модальных частиц в коммуникативно-когнитивную перспективу высказывания / Е.С. Ошанова. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 3 (40). – С. 86–90.
115. Павлофф, Ф. Коричневое утро : [новелла] / Ф. Павлофф. – Москва : Компас Гид, 2011. – 72 с. – Текст : непосредственный.
116. Падучева, Е.В. Метафора и ее родственники // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой. – 2004. – Текст : непосредственный.
117. Пережогина, Т.А. Аспекты изучения проблемы соотношения устной и письменной речи / Т.А. Пережогина. – Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2005. – № 4. – С. 29-32.
118. Платон. Федр / Платон : перевод А. Н. Егунова. – Москва : Прогресс, 1989. – 136 с. – (Философская школа). – Текст : непосредственный.
119. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика : монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Москва : АСТ : Восток - Запад, 2007. – 314 с.– Текст : непосредственный.
120. Потebня, А.А. Мысль и язык. Избранные работы / А.А. Потebня. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 238с. – (Антология мысли). – ISBN 978-5-534-08604-1. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/538699> (дата обращения: 16.04.2024).
121. Путилина, Е.А. Лингвистический статус текстымы / Е.А. Путилина. – Текст : непосредственный // Евразийский Союз Ученых. – 2016. – № 1 (22). – С. 39–41.
122. Рачковская, Л.А. Функционирование парцелированных структур в художественных текстах современного немецкого языка: специальность 10.02.04 "Германские языки" : диссертация на соискание ученой степени

- кандидата филологических наук / Рачковская Лариса Алексеевна. – Москва, 2002. – 172 с. – Текст : непосредственный.
123. Ричардс, А.А. Философия риторики // Теория метафоры. – М. – 1990. – С. 44-67.
124. Романов, А.А. Психосемантика конструкта угрозы в политической коммуникации / А.А. Романов, О.В. Новосёлова. – Текст : непосредственный // Вестник Тверского Государственного Университета. Серия: Педагогика и психология. – 2012. – № 3. – С. 6–16.
125. Рохлин, А.В. Акциональность как пространственно-временной и как модитивный способ действия / А.В. Рохлин. – Текст : непосредственный // Ученые записки УлГУ. Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики. Серия Лингвистика. Выпуск 1 (6) / под редакцией профессора. А.И. Фефилова. – Ульяновск. – 2001. – С.48–50.
126. Рудакова, А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика : монография / А.В. Рудакова. – 2-е изд., испр. – Воронеж : Истоки, 2004. – 80 с. – Текст : непосредственный.
127. Савельева, Е.Н. Категория количественности в перспективе морфотемного анализа / Е.Н. Савельева. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 304. – С. 14-17.
128. Савицкий, В.М. Порождение высказывания как эвристический алгоритм / В.М. Савицкий, Е.М. Савицкая. – Текст : непосредственный // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2012. – Т. 14, № 2-3. – С. 771-775.
129. Сёрл, Дж.Р. Открывая сознание заново / Дж.Р. Сёрл ; перевод с английского языка. А.Ф. Грязнова. – Москва : Идея-Пресс, 2002. – 256 с. – Текст : непосредственный.
130. Сёрл, Дж.Р. Природа интенциональных состояний / Дж.Р. Сёрл. – Текст : непосредственный // Философия, логика, язык : сборник статей. – Москва : Прогресс, 1987. – С. 96-104

131. Сёрл, Дж.Р. Классификация иллокутивных актов / Дж.Р. Сёрл. – Текст : непосредственный. // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 17. Теория речевых актов / под общей редакцией Б.Ю. Городецкого. – Москва : Прогресс, 1986. – С. 170–192.
132. Сёрл, Дж.Р. Рациональность в действии / Дж.Р. Сёрл. – Москва : Прогресс-Традиция, 2004. – 336 с. – ISBN 5-89826-210-5. – Текст : непосредственный.
133. Сёрл, Дж.Р. Что такое речевой акт? / Дж.Р. Сёрл. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 17. Теория речевых актов : сборник / составление и вступительная статья И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова ; общая редакция Б.Ю. Городецкого. – Москва : Прогресс, 1986. – С. 170–195.
134. Сибиряков, А.В. Логосема качественность в метафорах терминосистем отраслевых текстов по виноделию текст / А.В. Сибиряков // Язык. Культура. Коммуникация: материалы XII Международной научно-практической конференции. – Ульяновск, 2019. – С. 99-104.
135. Сибиряков, А.В. Морфотемный анализ отраслевых текстов по виноградарству и виноделию / А.В. Сибиряков. – Текст : непосредственный // Лингвистика, переводоведение и методика обучения иностранным языкам : актуальные проблемы и перспективы : сборник материалов 1-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, г. Орёл, 28 марта 2019 г. – Орёл : ОГУ имени И. С. Тургенева, 2019. – С. 221–225.
136. Сибиряков, А.В. Семантико-синтаксическая (линейная) и логико-семантическая (вертикальная) структура специальных отраслевых текстов по виноделию / А.В. Сибиряков // Язык. Культура. Коммуникация : материалы 11-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, г. Ульяновск, 31 мая 2018 г. – Ульяновск, 2018. – С. 55–60.
137. Сибиряков, А.В. Текстемная организация специальных отраслевых текстов (на материале русских и английских текстов по виноделию): дис. ... канд. филол. наук. М., 2021.

138. Синкевич, Д.А. Категория «темпоральное» в лингвофилософском освещении / Д.А. Синкевич. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 7. – Выпуск 41. – С. 148–152.
139. Скоромолова, Ю.В. Морфотемный анализ речемыслительной категории ситуативной субъектности в русском и английском языках : специальность 5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Скоромолова Ю.В. – Москва, 2023. – 262 с. – Текст : непосредственный.
140. Скоромолова, Ю.В. Морфотемный подход к исследованию речемыслительной категории ситуативной субъектности / Ю.В. Скоромолова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, выпуск 12. – С. 3964–3969.
141. Скоромолова, Ю.В. Проблема ситуативной референтности субъектного имени. Событие и ситуация / Ю.В. Скоромолова. – Текст : непосредственный // Известия Тульского государственного университета. – 2011. – Вып. 3, ч. 2. – С. 485–492.
142. Скоромолова, Ю.В. Ситуативная локутема как объект морфотемного анализа в репрезентативном аспекте / Ю.В. Скоромолова. – Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2022. – Т. 19, № 4. – С. 79–84.
143. Скоромолова, Ю.В. Языковые единицы предметной семантики как актуализатор речемыслительной категории ситуативности в русском и английском языках / Ю.В. Скоромолова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, выпуск 9. – С. 2729–2734.
144. Соловьева, А.А. Речевой жанр "совет" в разных типах дискурса: на материале современного английского языка: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Соловьева А. А. – Волгоград, 2007. – 201 с. – Текст : непосредственный.

145. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр ; под редакцией А.А. Холодовича. – Москва : Прогресс, 1977. – 696 с. – Текст : непосредственный.
146. Стахова, Л.В. Результат взаимодействия акциональных синтагмем в тексте / Л. В. Стахова. – Текст : непосредственный // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2014. – Том 16, № 2-3. – С. 711–714.
147. Стернин, И.А. Анализ скрытых смыслов в тексте : учебное пособие / И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2011. – 66 с. – Текст : непосредственный.
148. Стернин, И.А. Слово и образ : монография / И.А. Стернин, М.Я. Розенфельд; под редакцией И.А. Стернина. – Воронеж : Истоки, 2008. – 243 с. – Текст : непосредственный.
149. Стросон, П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах / П.Ф. Стросон. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 17. – Москва : Прогресс. 1986. – С.131–151.
150. Стуколова, Г.П. Лингвистика текста : учебно-методическое пособие / Г.П. Стуколова, А.Г. Лапотько. – Воронеж : ВГУ, 2004. – 55 с.
151. Сусов, И.П. Семиотика и лингвистическая прагматика / И.П. Сусов. – Текст : непосредственный // Язык, личность и дискурс / ответственный редактор И.П. Сусов. – Тверь, 1990. – С. 125–133.
152. Сусов, И.П. Введение в теоретическое языкознание : учебник / И.П. Сусов. – Москва : Восток – Запад, 2006. – 382 с. – Текст : непосредственный.
153. Сусов, И.П. Введение в языкознание : учебник для студентов лингвистических и филологических специальностей / И.П. Сусов. – Москва : АСТ : Восток–Запад, 2007. – 379 с. – Текст : непосредственный.
154. Сусов, И.П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы / И.П. Сусов. – Текст непосредственный // Прагматика и семантика синтаксических единиц : сборник научных трудов. – Калинин : Калининский государственный университет, 1984. – С. 3-112.
155. Сусов, И.П. Лингвистическая прагматика / И.П. Сусов. – Винница : Нова Книга, 2009. – 272 с. – Текст : непосредственный.

156. Сусов, И.П. О двух путях исследования содержания текста / И.П. Сусов. – Текст : непосредственный // Значение и смысл речевых образований : межвузовский тематический сборник. – Калинин : КГУ, 1979. – С. 90–113
157. Сусов, И.П. Семантическая структура предложения : на материале простого предложения в современном немецком языке : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Сусов И.П. – Ленинград, 1973. – 418 с. – Текст : непосредственный.
158. Сухомлина, Т.А. Понятие «автор» и его значение в тексте / Т.А. Сухомлина. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 2 (39). – С. 138-140.
159. Трошева, Т.Б. Письменная речь / Т.Б. Трошева. – Текст : непосредственный // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под редакцией М. Н. Кожинной. – Москва : Флинта, Наука, 2006. – С. 285–287.
160. Фефилов А.И. Введение в языкознание : учебное пособие / А. И. Фефилов. – Ульяновск : УлГУ, 2016. – 292 с. – Текст : непосредственный.
161. Фефилов, А.И. В.А. Звегинцев о перспективах создания лингвистической теории и начала когитологии / А.И. Фефилов. – Текст : непосредственный // Поволжский педагогический поиск. – 2012. – № 1 (1). – С. 206–216.
162. Фефилов, А.И. Введение в когитологию : учебное пособие / А.И. Фефилов. – Москва : Флинта : Наука, 2010. – 240 с. – ISBN: 978-5-9765-0805-7. – Текст : непосредственный.
163. Фефилов, А.И. Диалоги о языке. (Теория языка для бакалавров и магистров лингвистического профиля) : монография / А.И. Фефилов. – Ульяновск : УлГУ, 2018. – 178 с. – Текст : непосредственный.
164. Фефилов, А.И. Заметки когитолога : монография / А.И. Фефилов. – Ульяновск : УлГУ, 2020. – 72 с. – Текст : непосредственный.
165. Фефилов, А.И. Когитологические аспекты анализа языка в философии и лингвистике : учебное пособие / А.И. Фефилов. – Ульяновск : УлГУ, 2006. – 315 с. – ISBN: 5-88866-262-3. – Текст : непосредственный.

166. Фефилов, А.И. Когитологическое отождествление и некоторые лингводидактические проблемы / А.И. Фефилов. – Текст : непосредственный // Актуальные задачи лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации. – Ульяновск : УлГТУ, 2014. – С. 10-22. – Текст : непосредственный.
167. Фефилов, А.И. Когитологические регулятивы вербальной деятельности / А.И. Фефилов. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 3 (31). – С. 86–101.
168. Фефилов, А.И. Когитология / А.И. Фефилов. – 3-е изд, стереотип. – Москва : Флинта, 2017. – 408 с.– ISBN: 978-5-1395-2. – Текст : непосредственный.
169. Фефилов, А.И. Лингвокогитология / А.И. Фефилов. – Ульяновск : УлГУ, 2012. – 209 с. – ISBN: 978-5-88866-451-3. – Текст : непосредственный.
170. Фефилов, А.И., Шарафутдинова, Н.С., Писарева, Г.А. Морфотемика : [коллективная монография] / А.И. Фефилов, Н.С. Шарафутдинова, Г.А. Писарева [и др.]. – Ульяновск : УлГУ, 2008. – 406 с. – Текст : непосредственный.
171. Фефилов, А.И. Методологическая база лингвокогитологии / А.И. Фефилов. – Текст : непосредственный // Симбирский научный вестник. – 2011. – № 2. – С. 218–225.
172. Фефилов, А.И. Методологические основы морфотемного анализа / А.И. Фефилов. – Текст : непосредственный // Ученые записки Ульяновского государственного университета. Актуальные проблемы теории языка, лингводидактики и межкультурной коммуникации. Серия Лингвистика. Выпуск 1 (7). – Ульяновск : УлГУ, 2001. – С. 10–18.
173. Фефилов, А.И. Модально-прагматическая интерпретация чужого высказывания / А.И. Фефилов. – Текст : непосредственный // Филологические науки. – 1991. – № 1. – С. 64–73.
174. Фефилов, А.И. Морфотемный анализ единиц языка и речи / А.И. Фефилов. – Ульяновск : УлГУ, 1997. – 246 с. – Текст : непосредственный.

175. Фефилов, А.И. Основы когнитологии / А.И. Фефилов. – Ульяновск : УлГУ, 2004. – 216 с. – Текст : непосредственный.
176. Фефилов, А.И. Текст как объект понимания и интерпретации : монография. В 2 частях. Часть 1 / А. И. Фефилов. – Ульяновск : УлГУ, 2016. – 80 с. – Текст : непосредственный.
177. Фефилов, А.И. Текстема (энциклопедическая) / А.И. Фефилов. – Текст : электронный // Мир лингвистики и коммуникации : электронный научный журнал. – 2011. – № 2 (23). – URL: <http://www.tverlingua.ru/> (дата обращения 18.042024 г.)
178. Фефилов, А.И. Феномен языка в философии и лингвистике : учебное пособие / А.И. Фефилов. – Москва : ФЛИНТА, 2014. – 244 с. – ISBN 978-5-9765-2030-1. – Текст непосредственный.
179. Фефилов, А.И. Языкознание: общая теория и история : учебник / А.И. Фефилов. – Москва : Флинта, 2022. – 256 с. – Текст : непосредственный.
180. Фефилова, А.З. Роль атрибута в формировании смысла высказывания (на материале немецкого языка) : автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Фефилова А.З. – Калинин, 1980. – 16 с. – Текст : непосредственный.
181. Формановская, Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н.И. Формановская. – Москва : Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1998. – 291 с. – Текст : непосредственный.
182. Фортунатова, В.А. Литература ГДР: между фантомом и реальностью / В.А. Фортунатова. – Текст : непосредственный // Русская германистика. Ежегодник российского союза германистов. – 2004. – Том 1. Языки славянской культуры. – С. 157–163.
183. Хомский, Н.О природе и языке. С очерком «Секулярное священство и опасности, которые таит демократия» / Н.О. Хомский ; перевод с английского. – Москва : КомКнига, 2005. – 288 с. – Текст : непосредственный.

184. Хомский, Н.О. Избранное / Н.О. Хомский ; переводчики с английского С. Александровский, В. Глушаков. – Москва : Энциклопедия–ру, 2016. – 720 с. – Текст : непосредственный.
185. Хомский, Н.О. Язык и мышление : монография / Н.О. Хомский. – Москва : Издательство Московского университета. – 1972. – Выпуск 2. – 123 с. – Текст : непосредственный.
186. Цветкова, М.В. «Ключевые слова» и перевод поэтического текста (на примере стихотворения Марины Цветаевой «Попытка ревности» / М.В. Цветкова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2002. – № 2. – С. 133–142.
187. Чейф, У.Л. Значение и структура языка = Meaning and the structure of language / У.Л. Чейф ; перевод с английского Г. С. Щура. – 3-е изд. – Москва : URSS, 2009. – 426, [2] с. – (Лингвистическое наследие XX века). – ISBN 978-5-397-00064-2. – Текст : непосредственный.
188. Чувакин, А.А. Заметки об объекте современной филологии / А.А. Чувакин. – Текст : непосредственный // Человек – Коммуникация – Текст. – 1999. – Выпуск 3. – С. 3–11.
189. Чудинов, А.П. Становление и эволюция когнитивного подхода к метафоре / А.П. Чудинов, Э.В. Будаев. – Текст : непосредственный // Новый филологический вестник. – 2007. – № 1 (4). – С. 8-27.
190. Чуркин, С.Н. Морфотемный анализ речемыслительной категории объектности в разносистемных языках (на материале немецкого и русского языков) : специальность 10.02.19 "Теория языка" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Чуркин Сергей Николаевич. – Ульяновск, 2005. – 169 с. – Текст : непосредственный.
191. Шарафутдинова, Н.С. Логико-семантические отношения в морфотемной структуре терминов / Н.С. Шарафутдинова. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. – № 1. – С. 100–112.
192. Шарафутдинова, Н.С. Формирование отраслевой терминологии на базе логико-семантической категории субстанциальности (на материале

- самолётостроительных терминов немецкого и русского языков) : специальность 10.02.19 "Теория языка" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Н.С. Шарафутдинова. – Ульяновск : УлГУ, 1999. – 193 с. – Текст : непосредственный.
193. Шведова, Н.Ю. Три заметки о смысловых пересечениях //Сокровенные смыслы: слово, текст, культура: сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой. – 2004. – С. 242.
194. Шилков, Ю.М. Язык и познание: когнитивные аспекты / Ю.М. Шилков. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2013. – 542 с. – ISBN 978-5-93615-127-9. – Текст : непосредственный.
195. Шкуренко, О. 30 лет объединению Германии: удалось ли Востоку стать Западом. Статистические факты и мифы о немцах : [публикация] / О. Шкуренко. – Текст : электронный // Коммерсант : газета : [сайт] – 2020. – 3 окт. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4518772> (дата обращения 12.04.2024)
196. Шмелев, А.Д. Языковые факты и корпусные данные // Русский язык в научном освещении. – 2010. – Т. 19. – №. 1. – С. 236.
197. Щирова, И.А. О функциях интериоризации в художественном тексте / И.А. Щирова. – Текст : непосредственный // Studia Linguistica. – 1999. – № 8. – С. 162-166.
198. Юганов, В.И. Прагматические особенности заголовка как микротекста / В.И. Юганов. – Текст : непосредственный // Текст: структура и анализ : сборник научных трудов. – Москва : АН СССР, 1989. – С. 187-190.
199. Якобсон, Р.О. Лингвистика и поэтика / Р.О. Якобсон. – Текст : непосредственный // Структурализм: «за» и «против» : сборник статей / составитель М.Я. Поляков ; под редакцией Е.Я. Басина и М.Я. Полякова. – Москва : Прогресс, 1975. – С. 193–230.
200. Ярцева, В.Н. Языкознание / В.Н. Ярцева. – Текст : непосредственный // Большой энциклопедический словарь. – Москва : Большая Российская энциклопедия. – 1998. – С. 260.
201. Barnden, J.A., Glasbey, S.R., Lee, M.G., & Wallington, A.M. Varieties and directions of interdomain influence in metaphor / J.A. Barnden, S.R. Glasbey, M.G.

- Lee., A.M. Wallington. – Text : unmediated // Metaphor and Symbol. – 2004. Vol. 19, Iss. 1. – P. 1-3.
202. Brugmann, K. Die Syntax des einfachen Satzes im Indogermanischen. Berlin: De Gruyter Mouton, 1925. – 236 S.
203. Frese, J. Sprechen als Metapher für Handeln / J. Frese. – Text : direkt // Beiträge zur Grammatik und Pragmatik. – Kronberg : Scriptor, 1975. – P. 52–62.
204. Gao, J. Basic Cognitive Experiences and Definitions in The Longman Dictionary of Contemporary English / J. Gao. – Text : unmediated // International Journal of Lexicography. – 2013. – Vol. 26, Iss. 1. – P. 58–89.
205. Graap, L. Christa Wolfs Erzählung "Der geteilte Himmel" in Bezug auf den sozialistischen Realismus und als Repräsentant des "Bitterfelder Weges" / L. Graap. – München : GRIN Verlag, 2018. – 18 s. – Text : direkt.
206. Habermas, J. Vorbereitende Bemerkungen zu einer Theorie der kommunikativen Kompetenz / J. Habermas, N. Luhmann. – Text : direkt // Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie. – Frankfurt am M. : Suhrkamp, 1972. – S. 101–142.
207. Hancher, M. The Classification of Cooperative Illocutionary Acts / M. Hancher. – Text : unmediated // Language in Society, – 1979. – Vol. 8, Iss. 1. – P. 1–14.
208. Helbig, G. Was sind indirekte Fragesätze / G. Helbig. – Text : direkt // Deutsch als Fremdsprache. – 1974. – № 11. – S. 193–202.
209. Helbig, G. Zu Problemen der linguistischen Beschreibung des Dialogs im Deutschen / G. Helbig. – Text : direkt // Deutsch als Fremdsprache. – 1975. – № 2. – S. 65–80.
210. Helbig, G. Die Funktionen der substantivischen Kasus in der deutschen Gegenwartssprache. – Halle : Niemeyer, 1973. – 296 s. – Text : direkt.
211. Hymes, D. On Communicative Competence / D. Hymes. – Text : unmediated // Sociolinguistics. Selected Readings / J. B. Pride and J. Holmes (editors) – Harmondsworth : Penguin, 1972. – Part 2. – P. 269-293.
212. Kant, H. Eine Übertretung / H. Kant. – Berlin : Rütten & Loening: 1. Auflage, 1976. – 125 S. – Text : direkt.

213. Koschmieder, E. Beiträge zur allgemeinen Syntax / E. Koschmieder, C. Winter – Heidelberg, 1965. – 224 s. – Text : direkt.
214. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors We Live By. Chicago: The University of Chicago Pres, 1980. – 242 p. – Text : direkt.
215. Lindemann, M. Christa Wolfs "Der geteilte Himmel". Der Konflikt Rita Seidels zwischen eigenen und gesellschaftlichen Erwartungen / M. Lindemann. – GRIN Verlag, 2023. – 20 s. – Text : direkt.
216. McIntosh, A. The Analysis of Written Middle English / A. McIntosh. – Text : unmediated // Translations of the Philological Society. – 1956. – Vol. 55, Iss. 1. – P. 26-55.
217. Meid, V. Das Buch der Literatur : Deutsche Literatur vom frühen Mittelalter bis ins 21. Jahrhundert / V. Meid. – 4. Auflage, aktualisierte und ergänzte, Jubiläumsausgabe. – Stuttgart : Reclam, 2017. – 528 S. – Text : direkt.
218. Ritchie, D. Metaphors in conversational context: Toward a connectivity theory of metaphor interpretation / D. Ritchie. – Text : unmediated // Metaphor and Symbol. – 2004. – Vol. 19, Iss. 4. – P. 265-287.
219. Schwarz, M. Einführung in die Kognitive Linguistik / M. Schwarz. – Tübingen : Narr Francke Attempto Verlag, 2008. – 298 S. – Text : direkt.
220. Selmistraitis, L. Текстема как единица текстового уровня / L. Selmistraitis. – Text : direkt // Žmogus ir žodis : Vilniaus ped. univ. – 2003. – Vol. 3, Iss. 3. – P. 48–53.
221. Steube, A. Temporale Bedeutung im Deutschen (Studia Grammatica XX) / A. Steube. – Berlin : Akademie-Verlag, 1980. – 219 S. – Text : direkt.
222. Turner, M., Fauconnier, G. Conceptual Integration and Formal Expression / M. Turner, G. Fauconnier. – Text : unmediated // Journal of metaphor and symbolic activity. – Vol. 10, Iss. 3, 1995.– P. 183-203.
223. Strittmatter, E. Schulzenhofer Kramkalender / E. Strittmatter. – Berlin : Aufbau Verlag, 1971. – 314 S. – Text : direkt.
224. Wolf, Ch. Der geteilte Himmel / Ch. Wolf. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1973. – 219 S. – Text : direkt.

225. Wunderlich, D. Studien zur Sprechakttheorie / D. Wunderlich. – Frankfurt / M. : Suhrkamp, 1976. – 416 s. – Text : direkt.
226. Zinken, J. Imagination im Diskurs. Zur Modellierung und metaphorischer Kommunikation und Kognition. Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors im Fach Linguistik / J. Zinken. – Bielefeld : Universität Bielefeld, 2002. – Text : direkt.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Дефиниции когитологической терминологии

Синтагма – это линейная, синтагмообразная организация глубинных семантических компонентов, представляющих собой условно вертикальное соотношение структурно-позиционных, логико-семантических, модификационных и функциональных, а также контенциональных признаков: языковой семантический аналог концептемы [Фефилов, 2010: 188].

Пример: *писатель* = «Тот, кто» (одушевленная субстанциальность, агенс) «занимается» (акциональность) «литературным трудом» (акциональность).

Логосема – это логико-семантический признак синтагмемы как языковой прообраз однопорядковой логико-мыслительной категории [Фефилов, 2010: 188].

Пример: *писатель* (одушевленная субстанциальность) с мотивемой акциональности.

Субстанциальность – это логико-семантический (логосемный) признак, формирующий представление о предмете действительности как дискретной субстанции, обладающей массой и определенной самостоятельной или зависимой конфигурацией или формой [Фефилов, 2010: 188].

Примеры: *ein Dichter* (литератор), *Grenzmensch Ost* (пограничник в ГДР), *Frau vom Zoll* (таможенница), *Sanitär* (врач) – одушевленные; *die Rose* (роза), *Wind* (ветер) – неодушевленные.

Локальность – это логико-семантический (логосемный) признак, формирующий представление о внутреннем или внешнем пространстве [Фефилов, 2010, с.188].

Примеры: *bei einem Vorgang* (в очереди), *vom Schalterfenster* (до окошечка), *an der Garderobe* (в гардеробе).

Темпоральность – это логико-семантический (логосемный) признак, формирующий представление о времени – временном отрезке, длительности [Фефилов, 2010: 188].

Примеры:

(1) план прошлого, к которому относится повествуемое событие; и, в которое включается:

(а) план отдаленного прошлого: *eines Tages* (однажды), *endlich* (наконец);

(б) план близкого прошлого (для персонажей это план грядущего завтра по отношению к прошедшему сегодня): *nach Othello* (после «Отелло»), *bald* (скоро ли);

(в) план ближайшего прошлого (для героев – наступившее сегодня): *für immer* (навсегда), *doch stets* (каждый раз), *heute* (сегодня);

(2) план предпрошлого (воспоминательное, ссылочное время более глубокого прошлого): *damals* (тогда), *seit* (с тех пор).

Квалитативность – это логико-семантический (логосемный) признак, формирующий представление о субъективно или объективно обусловленном качестве предмета или межпредметного отношения [Фефилов, 2010: 188].

Примеры:

(а) субстанциального типа: *tödlich* (смертельно), *in einem vergreisten* (в старческом), *alte* (старая), *fremde* (чужих), *mit rotem* (красным), *mittleres* (некрупного), *geklügeltes* (хитроумная);

(б) локального типа: *holzerne* (деревянные), *nebliger* (туманный), *bewohnt* (населенный);

(в) реляционного типа: *starken* (могучий), *vom Glück* (от счастья), *vom Stolz* (от гордости), *unstimmig* (ненадежен), *Weisheit* (мудрость), *Argwohn* (подозрительность), *liebe* (любимая), *mütterlich* (по-матерински);

(г) темпорального типа: *kurz* (недолгой).

Квантитативность – это логико-семантический (логосемный) признак, формирующий представление о исчисляемости – неисчисляемости предметов и предметных отношений [Фефилов, 2010: 188].

Примеры:

(а) субстанциального типа: *zehn* (десять), *sechzig* (шестьдесят), *zwei* (два), *einer* (один), *dreie* (трое);

(б) реляционного типа: *in einer Schlange* (в очереди), *Schlange* (очередь).

Реляциональность – это логико-семантический признак, формирующий представление об отношении логико-мыслительных категорий [Фефилов, 2010: 189].

Акциональность – это логико-семантический признак, формирующий представление о действии, воздействии, взаимодействии [Фефилов, 2010: 189].

Примеры: *tut* (делает), *vergessen* (забыл), *sah* (видел), *dachte* (подумал), *sagte* (сказала), *scheint* (показался).

Трансмотивность – это логико-семантический признак, формирующий представление о движении, передвижении [Фефилов, 2010: 188].

Примеры: *folgen* (последовать), *fahren* (ехать), *tragen* (пронести), *kommen* (прибудете), *lag* (лежала), *bringe* (вези).

Посессивность – это логико-семантический признак, формирующий представление о принадлежности, обладании [Фефилов, 2010: 189].

Примеры: *mir* (мне), *mein* (мой), *für meine* (для моих).

Лингвема – это единица языка (языкослово), представляющий собой единство формантемы и синтагмемы, образованное в процессе объективации концептемы, т.е. ее семантизации и формализации; единица языкосознания; в речевом контексте лингвема преобразуется в локутему. Лингвема – генетический код языка [Фефилов, 2010: 190].

Пример: *der Junge* (юноша) – логосема: «одушевленная субстанциальность» + номема: «квалитативность»: юный возраст + словообразовательная флексема «муж. р» + модификационный признак логосемы «муж. пол» + нулевая грамматическая флексема «ед. ч» + логосема «исчисляемость: единственность: один.

Локутема – это речемыслительная единица (речеслово); речемысль или актуальная интеграта лингвемы, части концептемы, регламентируемая коммуникемой; основная единица лингво-коммуникативного анализа [Фефилов, 2010: 190].

Пример: «*Sanität, Grenzer und Zöllner maßen die Weite des Fonds und die Größe des Kofferraums*» (Врач, пограничник и таможенник оценили величину салона и

вместимость багажника), где *врач* = «человек, который лечит больных», *пограничник* = «человек, следящий за соблюдением закона при пересечении границы», *таможенник* = «человек, обеспечивающий соблюдение контрольно-надзорных функций при пересечении границы людьми, грузами, материальными ценностями» (это лингвемная часть), являющиеся государственными служащими, которые имеют полномочия к осмотру людей, пересекающих границу, транспортного средства и его оценки (это признаки, предидицируемые речевым контекстом). Врач, пограничник и таможенник являются объектом наблюдения и ожидания, а также волнения и некоторого опасения со стороны субъекта ситуации (это один из коммуникемных признаков).

Коммуникема – это коммуникативный (коммуникативно-прагматический) признак речи, наслаивающийся на локутему в процессе ее формирования; а также регламентирующий содержание локутемно-концептечного единства [Фефилов, 2010: 190].

Примеры:

«*подметальная машина*» = «это транспортное средство, которое предназначено для чистки и уборки улицы или больших территорий от мусора», где обоснование коммуникативного намерения говорящего имплицировано на иллокутивном (смысловом уровне), то есть не представлено явно в локутивной пропозиции. Обозначаемая часть концептемы «машина» детерминирована коммуникативной ситуацией как «что-то объемное, мощное», «предназначение для социума» или «необходимость применения такого вида техники». Указанные признаки коммуникемы предидицируют соответственно локутему *подметальная машина*.

«*поддаваться на уговоры*» = «адресат в ходе коммуникативного акта с адресантом идет на уступки, выражает свое согласие сделать что-то, поступить так, как от него ожидают; изначально адресат придерживается позиции воздержания или даже протеста от ожидаемых от него действий». Обозначаемая часть концептемы «уговоры» детерминирована коммуникативной ситуацией как «сомнение в целесообразности выполнения действий», «наличие причин, которые

вызывали чувство сомнения», «согласие на выполнения действия с неизвестным итогом». Указанные признаки коммуникемы предизируют соответственно локутему *поддаваться на уговоры*.

«*полусухое сено*» = «недавно скошенная трава, заготовленная для корма скота, которую необходимо высушить и хранить в подходящих условиях». Обоснование коммуникативного намерения говорящего имплицировано на иллокутивном (смысловом уровне), то есть не представлено явно в локутивной пропозиции. Обозначаемая часть концептемы «сено» детерминирована коммуникативной ситуацией как «куча скошенной травы, собранная в стог», «траву недавно скосили, «предназначение для кормления скота» или «необходимость до конца высушить траву». Указанные признаки коммуникемы предизируют соответственно локутему *полусухое сено*.

«*Ein Mann stopfte Fallaub in einen Sack*» («*Мужчина закинул опавшие листья в мешок*»)
коммуникема = «опавшие листья представляют собой мусор»;
прагмема = «необходимо убрать мусор».

«*das halbtrockne Heu*» («*полусухое сено*»)
коммуникема = «трава была скошена недавно», «было недостаточно времени, чтобы трава стала сухой»;
прагмема = «необходимо высушить, чтобы сено стало пригодным для кормления скота (для здоровья животных)».

«*ein Starenkasten hängt*» («*скворечник висит*»)
коммуникема = «скворечник кто-то повесил для обитания птиц»;
прагмема = «нужно насыпать в скворечник корм».

Starenkasten (скворечник) – это предмет, представленный в виде ящика (субстанциальность как видовой признак); сделанный из (фактивная акциональность) дерева (фабрикативная субстанциальность), предназначен для (утилитивность) обитания птиц.

субъект: Mann (мужчина)
объект: Fallaub (листва)
фактитив: das Foto (картинка)
утитив: ein Starenkasten (скворечник), Heu (сено)
фабрикатив: Schachteln (картонки)
инклюзив: Koffer (чемоданы)
меротив: Ohren (уши), Gesicht (лицо)

акциональность: Wind (ветер), Lebenssaft (жизненный тонус);
локутивность: Vogelruf (птичий крик), sang (запел), kräht (кукарекает)
трансмотивность: gefallen (упали), folgen (последовать), greifen (ловить), stopfte (закинул)
ментальность: Hoffnung (надежда), Sehnsucht (стремление), Liebe (любовь)

каллитивно-темпоральная синтагма: die Morgensonne (утреннее солнце);
каллитивно-реляционная: liebe (любимая), Neugier (любопытство), halbtrockne (полусухое)

**Jäger (охотник) – (1) «тот, кто» (Суб Одуш)
 (2) «занимается» (Рел)
 (3) «охотой» (Акц)**

Структурно-позиционные признаки:
 - исходный (1) «тот, кто»;
 - промежуточный (2) «занимается»;
 - замыкающий (3) «охотой».

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Толкование когитологических понятий

ФОН – фонетические признаки, мотивированные и немотивированные звукоподражательно [Фефилов, 2010: 167].

– мотивированная акустема: *kräht* (кукарекает), *bellt* (лает), *pfiff* (засвистел);

– немотивированная акустема: *schwamm* (плыл), *zitterte* (дрожала), *schreibt* (пишет).

КСП – категориально-семантические признаки базовой номинации, например, грамматические признаки рода и числа и др. [Фефилов, 2010: 167].

Примеры: *Mann* (мужчина) – существительное, одушевленное, ед.ч., муж.р., исходный именительный падеж; *Rose* (роза) – существительное, неодушевленное, ед.ч., ж. р., исходный именительный падеж; *Bett* (кровать) – существительное, неодушевленное, ед. ч., ср. р., исходный именительный падеж.

НСП – номинационно-семантические признаки [Фефилов, 2010: 167].

Примеры: *Schreibtisch* (письменный стол) (корни слова, существительное, неодушевленное, ед.ч., муж. р).

ДСП – детерминативно-семантические признаки [Фефилов, 2010: 168].

Примеры: *der geteilte Himmel* (расколотое небо) – аналогия с Германией в период разделения на ФРГ и ГДР; разделение на капитализм как экономическую систему производства и социализм как политическую и социальную идеологию; разделенная любовь.

der Ostwind pfiff (восточный ветер засвистел) – метафора, выраженная посредством ассоциации с социализмом.

braunes Fräulein (золотистая девочка) – цвет волос девочки у называвшего ее так персонажа ассоциируется с цветом золота.

der gemeinsame Winter (совместная зима) – время года выражено темпоральной лингвемой, которая в сочетании с качественной лингвемой приводит к пониманию совместного времяпровождения в данный период.

СЛП – словообразовательные, архитектурные признаки [Фефилов, 2010: 168].

Примеры: *Mütterlein* (матушка), *Fräulein* (девочка), где суффиксы – *chen*,

– *lein* являются уменьшительно-ласкательными и обозначают лицо малого возраста или положительное отношение к лицу.

АСП – ассоциативно-семантические признаки [Фефилов, 2010: 168].

Примеры:

Sanitär (врач) – тот, кто лечит больных людей. Ассоциация выражается в компонентах синтагмы: акциональность («лечит»), квалитативность («больных»), одушевленная субстанциальность («людей»);

Stempelmann (должностное лицо) – тот, кто постоянно или временно в соответствии со специальными полномочиями осуществляет функции представителя власти. Ассоциация выражается в синтагмных компонентах: акциональность («защищает» и «охраняет»), темпоральность («постоянно» или «временно»);

Grenzmensch (пограничник) – тот, кто проверяет законность пересечения границы по документам. Ассоциация находит выражение в компонентах синтагмемы: акциональность («проверяет»), локальность («границу»).